

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

Предисловие к роману «Великий Гэтсби»

Тому, кто провел всю свою профессиональную жизнь в мире художественной литературы, просьба «написать предисловие» являет в себе множество искушений. Писатель, чью книгу вы сейчас открыли, не устоял перед одним из них; призвав на помощь всё своё самообладание, он приступает к обсуждению наших критиков, стараясь по возможности не отходить далеко от романа, который вы сможете прочесть чуть позже в этом томе.

Для начала должен сказать, что у меня нет причин жаловаться на отзывы прессы о любой моей книге. Если Джеку (которому понравилась моя последняя книга) не нравится эта, всегда найдется Джон (решивший, что моя последняя книга — пустышка), которому эта книга понравилась; так что в сумме всегда выходит одно и то же. Однако мне кажется, что писатели моего поколения были избалованы в этом отношении, живя в те славные времена, когда на любой полосе было практически неограниченное количество места для размышлений о художественной литературе — и всё это место появилось благодаря Менкену с его отвращением к тому, что сходило за критику до того, как появился он и объявил об этом во всеуслышание. Он заразил всех своей смелостью, а также громадной и беззаветной любовью к слову. И пусть сегодня шакалы уже пытаются оторвать по кусочку от того, кого они опрометчиво сочли умирающим львом — я не думаю, что большинство представителей моего поколения относятся к нему без глубокого уважения и уж тем более не сожалеют, что он покинул наш эшелон. Он формировал точку зрения на всё новое, создаваемое новыми людьми; он сделал много ошибок — например, он не признал Хемингуэя сразу — но он всегда был во всеоружии; ему никогда не приходилось долго шарить в поисках необходимых инструментов.

Теперь, когда он оставил американскую литературу плыть собственным курсом, его место так и осталось незанятым. Если

писатель, чью книгу вы сейчас открыли, когда-либо будет замечен в том, что прислушивается к тому, что рассказывают ему политизированные тупицы о ценностях ремесла, которым он занимается с детства — ну что ж, дети мои, тогда вычеркивайте его из списков и расстреливайте на рассвете.

Но последние несколько лет даже это вызывает гораздо меньшие опасения, нежели прогрессирующая трусость рецензентов. Малооплачиваемым и работающим сверхурочно, им, кажется, нет никакого дела до книг — последнее время всё большую печаль вызывает сокращение количества молодых талантов, вызванное отсутствием сцены, на которой можно было бы выступить: взгляните на Уэста, Мак — Хью и множество остальных.

Я возвращаюсь к своей основной теме, а именно: мне очень хочется передать тем из них, которые прочтут этот роман, немного здорового цинизма по отношению к современным рецензентам. Если не считать случаев нездорового тщеславия, то нарядиться в такую кольчугу может позволить себе представитель любой профессии. Всё, что у вас есть — это ваша гордость, и если вы позволите обмануть вашу гордость человеку, который обрабатывает десяток таких, как вы, до обеда — вы гарантируете себе много разочарований, которых прожженный профессионал научился избегать.

Ярким примером является этот роман. Поскольку его страницы не были заполнены важными названиями важнейших вещей, а сюжет не имел ничего общего с фермерами (которые являлись на тот момент героями), мнение о нем вышло очень простым и не имеющим ничего общего с критикой, а по сути являлось всего лишь попыткой самовыражения людей, которым почти не выпадает шансов выразить себя. Каким образом кому-либо без четкой и осознанной жизненной позиции может прийти в голову взять на себя такую ответственность и стать писателем, и по сей день остается для меня загадкой. Ну а способность критика за пару часов выработать точку зрения, включающую двенадцать различных аспектов современного общества, представляется мне сродни очертаниям бронтозавра над исполненным страхом одиночеством молодого автора.

Возвращаясь к этой книге: одна дама, которая вряд ли была способна написать хотя бы одно связное письмо по — английски, описала её как книгу, которую читают, собираясь провести вечер в

ближайшем кино. Появление большинства молодых авторов приветствует критика как раз такого типа, и это вместо благодарности за преподнесенный мир воображения, в который они (писатели) попытались — с большим или меньшим успехом — открыть новую дверь — тот мир, который Менкен сделал осязаемым в те времена, когда он еще за нами присматривал.

Сегодня, когда эта книга издается заново, автору хотелось бы заявить, что еще никто никогда не пытался сохранить свою совесть художника в такой чистоте, как это делал он в течение десяти месяцев, ушедших на эту книгу. Перечитывая её заново, можно заметить, что книгу можно было сделать еще лучше — однако при этом нигде не возникает чувства отступления от правды, по крайней мере, на мой взгляд; это правда или, лучше сказать, *эквивалент* правды, попытка честной фантазии. Я только что перечитал предисловие Конрада к «Негру с Нарцисса», а недавно еще и выслушал испортившие мне настроение поучения критиков, которым показалось, что мой материал полностью исключал возможность иметь дело со взрослыми людьми во взрослом мире. Но, Боже мой! — это был мой материал, и это было все, что у меня было.

Того, что я вырезал отсюда — как в отношении физическом, так и умозрительном — хватило бы на еще один роман!

Я считаю, что это честная книга; говоря иначе — что никто не использовал никаких наработанных приемов для достижения эффекта, и, да простится мне хвастовство, эмоциональная сторона подвергалась такому малому давлению, что слез из левого глаза читателя удалось избежать, как удалось избежать и огромной искусственной личины, выглядывающей из-за плеча персонажа.

Если вы не покривили душой, книга будет жить — хотя бы в виде впечатлений, остающихся от неё. И наоборот — если совесть не чиста, то в ней можно вычитать все то, что написано в рецензиях. Остается добавить, что если вы молоды и готовы учиться, то практически любая рецензия будет иметь ценность — даже та, которая кажется несправедливой.

Писатель, чью книгу вы сейчас открыли, обрел свою профессию буквально от рождения — для него всё это настолько естественно, что он считает, что никогда не смог бы заниматься ничем иным настолько

же эффективно — так глубоко живет он в мире фантазии. На свете много людей, устроенных так же, как он, обладающих способностью выражать глубинные движения, все эти:

— Смотри — вот оно!

— Я видел это своими глазами.

— Вот так это всё и случилось!

— Нет, всё произошло вот так.

«Смотри! Вот оно, пятно крови, про которое я говорил».

— «Пусть все замрет! Вот тот блеск девичьих глаз, вот то отражение, которое я буду видеть всегда, вспоминая её глаза».

— Если захочется снова найти это лицо на матовой поверхности умывальника, если захочется сделать образ более тусклым за счет дополнительных усилий, то прямая обязанность критика распознать это намерение.

— Никто никогда еще не чувствовал так, как я, — говорит молодой автор, — но я — чувствовал; моя гордость сродни гордости солдата, идущего в битву; неизвестно, будет ли там вообще кто-нибудь, кто раздаст медали или хотя бы всё опишет.

Но помни еще кое-что, юноша: ты не первый, кто находился один в полном одиночестве.

Ф. Скотт Фицджеральд

Балтимор, Мэриленд

август 1934.

Перевод на русский язык © Антон Руднев, 2009

Глава I

В юности, когда мое сердце было открыто, мир казался бесконечным, а жажда познания не утолена, я услышал от отца фразу, которую я навсегда сохранил в памяти и мысленно возвращался к ней снова и снова на протяжении всей своей жизни.

— Запомни, сын, — сказал он, — прежде чем судить ближнего своего, подумай о том, что не так уж и много людей на этой благословенной земле, которым еще с колыбели были предоставлены такие привилегии, как тебе.

Этим он и ограничился, но наше с ним общение никогда не отличалось излишним многословием, и я прекрасно понимал, что имел он в виду нечто большее, чем сказал мне тогда. Вот откуда во мне эта строгость и сдержанность в суждениях — хорошая привычка, позволявшая мне не раз подбирать ключи к самым запутанным лабиринтам души натур сложных и неординарных, и одновременно мое наказание, так как трезвость в суждениях не раз делала меня жертвой зануд и откровенно надоедливых людей.

Посредственный, а также болезненный ум хорошо чувствует эту сдержанность и набрасывается на нее как на свою законную добычу; еще в колледже меня незаслуженно обвиняли в интриганстве только потому, что самые нелюдимые и замкнутые люди — мои ровесники — однокашники, да и просто посторонние — избирали меня конфидентом и поверяли свои самые потаенные душевные секреты. При этом я отнюдь не претендовал на роль исповедника, более того, почувствовав чьи-нибудь поползновения на откровенность, я лениво зевал и всячески демонстрировал абсолютное равнодушие, мог пренебрежительно отвернуться и тут же уткнуться в книгу или же выбирал нарочито ернический тон. Исповедальные излияния молодых людей, по крайней мере словесная их форма изложения, это либо заимствованные из книг красоты, либо грешащие недомолвками полунамеки. Я бы сказал, что сдержанность суждений — залог некоей надежды на добропорядочность в будущем. Я же до сегодняшнего дня не перестаю повторять и, пожалуй, никогда не забуду слов моего отца, произнесенных им без всяких претензий на интеллектуальность и

изысканность, но определивших для меня духовные ориентиры и главные нравственные ценности. Несомненно, отец обладал особым даром, чутьем, которым природа наделяет нас не в равной мере.

Воздав должное своей терпимости, не могу не отметить, что она имеет свои границы. Мотивация поведения — материя тонкая, зиждется она на разного рода причинах и имеет под собой разного рода почву — от твердого гранита до вязкого болота; правда, в тот или иной момент мне совершенно безразлично, какими там мотивами руководствуется человек в своих поступках. Вернувшись с Востока минувшей осенью, я страстно желал бы видеть вокруг себя затянутый в военную униформу упорядоченный мир, стройные шеренги застывших по стойке «смирно» обывателей. Я чувствовал, что занимательные экскурсии по потаенным уголкам человеческой души перестали доставлять мне какое-либо удовольствие. При этом я делал одно — единственное исключение для некоего Гэтсби — человека, чьим именем названо это произведение, — для того самого Гэтсби, который, по — видимому, воплощал в себе все то, что я искренне презирал и не перестану презирать ни при каких обстоятельствах. Если избрать мерилom личности определенного рода умение проявить себя, я бы отметил в нем повышенную сенситивность к разнообразным соблазнам и проявлениям жизни — ту самую повышенную чувствительность сейсмического прибора, которая позволяет регистрировать подземные толчки за десятки тысяч миль от эпицентра землетрясения. Эта моментальная адекватная реакция не имела абсолютно ничего общего с той слезливой впечатлительностью, громко именуемой «артистическим складом темперамента». Это был устремленный в будущее порыв, романтически — взрывной запал, который мне не удалось встретить ни в ком до сих пор, да и вряд ли доведется сделать это в ближайшее время. Нет, Гэтсби не изменил себе в решающий момент; собственно говоря, не он сам или его поведение под конец этой истории заставили меня усомниться в людях, проливающих слезы с такой же легкостью, с какой раздражаются смехом, — и все это по пустякам. На определенное время утратить интерес к ним заставило меня то иррациональное нечто, которое довлело над Гэтсби, те ядовитые клубы зависти, ревности и недоброжелательства, которые клубились над его мечтой.

* * *

Моя семья всегда была на виду, активно участвуя в общественной и деловой жизни тихого городка на Среднем Западе, три поколения моих предков усердно трудились здесь на благо Америки, не забывая при этом о своем собственном процветании. Род Каррауэв представляет собой нечто вроде клана, в семье было принято считать, что мы — прямые потомки герцогов Бэклу, однако родоначальником нашей генеалогической ветви считается брат моего деда, который приехал на средний запад в 1851 году. Наняв волонтера, который и был отправлен вместо него в действующую армию, мой двоюродный дед избежал участия в братоубийственной гражданской войне, осел в нашем городке и открыл свой собственный бизнес по оптовой торговле скобяными товарами, которым и по сей день занимается мой отец.

Мне не довелось увидеть моего знаменитого предка, при этом многие находят между нами сходство, руководствуясь, главным образом, довольно-таки мрачным портретом, который висит в офисе моего отца. Я учился в Йельском университете в Нью — Хейвене, штат Коннектикут, который окончил в 1915 году — ровно через четверть века после отца, вскоре после этого был призван в армию и принимал участие в Великой войне, как принято у нас в Америке называть нашествие новоявленных тевтонских варваров. Обретенный мной воинственный дух никак не давал мне успокоиться даже спустя некоторое время после возвращения с фронта. Средний запад перестал казаться мне пупом Вселенной, скорее пыльными и обветшавшими задворками нашего мироздания. В конце концов я уехал на восток и занялся штудированием кредитного бизнеса. Люди из моего ближайшего окружения в той или иной мере занимались им, поэтому я решил, что кредитный бизнес в состоянии прокормить еще одного человека. В один прекрасный момент все мои тетушки и дядюшки собрались вместе и принялись обсуждать мою будущность, словно речь шла о выборе пригготовительного класса для неразумного дитяти; после долгих совещаний и консультаций было произнесено нечто вроде: «Ну — с... что же... а почему бы и нет...» При этом у всех были серьезные и нахмуренные от осознания важности момента лица. Отец обещался финансировать мое начинание в течение года, и после неизбежных в таком случае проволочек я наконец отправился на

восток в возрасте 22 лет, если мне не изменяет память, и как мне тогда думалось — навсегда.

Первым делом следовало найти квартиру в деловой части города, а я еще не успел отвыкнуть от свежей зелени газонов и благословенной тени деревьев американской провинции, поэтому был необыкновенно доволен, когда один мой молодой коллега по бизнесу предложил снять жилье на двоих где-нибудь в пригороде Нью — Йорка. Подыскал он и подходящее бунгало — продуваемую всеми ветрами ветхую хижину — за 80 долларов в месяц. К сожалению, в самую последнюю минуту руководство фирмы отправило его в Вашингтон, так что мне пришлось обустраиваться самому. Я обзавелся собакой, однако находился в роли ее счастливого владельца каких-то несколько дней: до тех пор пока она не сорвалась с привязи и не убежала; приобрел старенький «додж» и нанял финку, которая прибирала мою постель и готовила завтрак на электроплите, непрерывно бормоча при этом что-то по — фински.

Я чувствовал себя бесконечно одиноким и брошенным до тех пор, пока через несколько дней какой-то человек, видимо, недавний приезжий, не остановил меня на улице.

— Вы не подскажете, как мне попасть в Вест — Эгг? — растерянно спросил он.

Я подробно рассказал. И пошел своей дорогой, почувствовав вдруг, что растерянность и одиночество чудесным образом исчезли. Человек обратился ко мне как к местному жителю, и отныне я ощущал себя нью — йоркским старожилом — первопоселенцем, который в состоянии подсказать новичку дорогу. Эта случайная встреча вселила в меня уверенность и избавила от излишней скованности чужака.

Солнце пригревало с каждым днем все сильнее и сильнее, и почки на деревьях распускались прямо на глазах, как при ускоренной киносъемке. С приходом лета во мне начало крепнуть хорошо знакомое прежде чувство: жизнь продолжается, начинается ее новый виток.

Так много нужно было успеть прочитать, так хотелось вдоволь напиться густого, как мед, животворного свежего воздуха. Я приобрел дюжину учебников по банковскому бизнесу, кредитованию и долгосрочным инвестициям, и они стояли на книжной полке в багрово — золотых переплетах, сверкая, словно только что отчеканенные

золотые монеты, обещая открыть манящие полновесные тайны, известные разве что Мидасу^[1], Моргану^[2] и Меценату^[3].

Впрочем, я не намеревался ограничивать круг чтения пусть даже и блестящими трудами по экономике и финансам. Еще в колледже у меня проявился некий публицистический дар — около года я вел редакционную колонку в «Йельских новостях» и написал ряд пространных и основательных статей, и сейчас намеревался взять в руки перо и снова стать «узким специалистом самого широкого профиля». И это не игра слов, а один из тех жизненных парадоксов, когда возможность охватить взором некоторые скрытые проявления нашего бытия представляется стороннему наблюдателю, так сказать, из-за кулис.

Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что я снял жилье в одном из уникальнейших уголков Северной Америки. На удлинённом острове своеобразной формы, расположенном несколько восточнее Нью — Йорка, среди прочих капризов природы выделяются два необычных почвенно — наносных образования. В двадцати милях от города, у дальней оконечности пролива Лонг — Айленд — самой обжитой акватории западного полушария — далеко в океан вдаются два абсолютно идентичных мыса, отделенных друг от друга сравнительно узкой бухтой. Каждый из этих мысов представляет собой практически идеальный овал — как то самое яйцо из истории о Колумбе, только несколько сплющенное в точке соприкосновения. Изрезанность береговой линии обоих мысов совпадает с прямо-таки пугающей точностью — вполне уместно предположить, что такого рода географический курьез вызывает искреннее недоумение и замешательство у пролетающих над ними морских чаек. Что же до населяющих эту удивительную местность бескрылых существ, то они имеют возможность наблюдать за феноменом еще более ошеломляющим; абсолютное различие в образе жизни и во всем, что не касается географии и размеров!

Я жил в Вест — Эгге — мягко говоря, наименее фешенебельном из двух островных селений, хотя этот газетный штамп не в состоянии передать всю глубину этого причудливого и ничуть не зловещего контраста. Мое скромное жилище располагалось у оконечности выдающегося в океан «яйца», в полусотне ярдов от пролива, сиротливо приютившись меж двух роскошных вилл, аренда которых

обходилась вам «всего лишь» в двенадцать или пятнадцать тысяч долларов за сезон. Одна из вилл — справа — была вызывающе роскошна: точная копия какого-нибудь нормандского Hotel de Ville^[4] с непременной угловой башней, с новенькой кирпичной кладкой, проглядывающей через жидковатую в начале сезона завесу плюща, с выложенным мрамором плавательным бассейном и более чем 40 акрами земли с роскошным садом. Это был особняк Гэтсби. Строго говоря, я не имел чести знать мистера Гэтсби, однако мне было известно, что сей «дворец» принадлежит некоему джентльмену по имени Гэтсби. (Мой собственный дом был здесь, разумеется, форменным бельмом на глазу, но справедливости ради замечу, бельмом настолько небольшим, что его никто особенно и не замечал.) Так что, кроме чудесного вида на море, я получил еще и возможность обозревать соседский сад с волнительным осознанием непосредственной близости миллионера — все удовольствие за каких-то несчастных восемьдесят долларов в месяц!

На другой стороне живописного залива сияли над водами белоснежные дворцы Вест — Эгга. Собственно, вся история того достопамятного лета началась жарким летним вечером, когда я отправился на ту сторону пообедать с Томом Бьюкененом и его очаровательной супругой. Дейзи Бьюкенен была моей троюродной племянницей, а Тома я знал еще со времен учебы в колледже. Помнится, вскоре после войны я даже провел у них два дня, когда они жили в Чикаго.

Супруг моей племянницы был щедро одарен природой в смысле физической силы и прочих атлетических качеств. Нью — хейвенские футбольные болельщики до сих пор вспоминают великолепного крайнего защитника, одного из лучших игроков университетской команды. В определенном смысле он был наиболее характерным типом «хорошего американского парня», который добивается всего к совершеннолетию, однако все, что бы он ни делал после двадцати одного года, выглядит движением, если не вниз, то определенно и не вверх. Его родители были до неприличия богаты, так что приобретенная во время учебы привычка сорить деньгами, которую мы осуждали еще в молодые годы, осталась у Тома и сейчас. Так, вознамерившись перебраться из Чикаго на восток, Том сделал это с воистину обескураживающим размахом: например, в Лейк — Форест

он держал породистых лошадей и пони для игры в гольф, которых и перевез в наши края. Мне было трудно представить себе, что мой ровесник, по крайней мере человек моего поколения, может позволить себе потратить уйму денег на подобные причуды.

Даже и не знаю, почему Бьюкенены надумали перебраться на восток. Они провели год во Франции без видимых на то причин, потом перебирались из одного райского местечка в другое — как это принято у набитых долларами денежных мешков, которые переезжают с курорта на курорт, чтобы поиграть в поло, кичась своими деньгами. Во время телефонного разговора Дейзи сказала, что они устали от кочевого образа жизни и намерены прочно осесть на одном месте. Признаться, я этому не поверил, хорошо зная непоседливый характер этой супружеской четы. Что творилось в душе Дейзи, оставалось для меня тайной за семью печатями, что же касается Тома, то он, как это мне всегда казалось, так и состарится в тщетной погоне за острыми ощущениями, которых был лишен со времен бесшабашной футбольной молодости.

Тем вечером, по — летнему теплым, хотя и ветреным, я отправился в Ист — Эгг повидать старых знакомых, близко сойтись с которыми мне до сих пор не удалось. Их дом оказался еще более вычурным, чем я представлял себе. Забавное легкомысленно — веселое красное с белой отделкой здание, построенное в георгианском колониальном стиле, выходило фасадом прямо к бухте. Ухоженный зеленый газон начинался у самого океана, с четверть мили плавно струился к дому, огибая разбитые тут и там клумбы с проложенными между ними дорожками из крошки и битого кирпича; наконец, мягко обогнув солнечные часы, он как бы взвивался вверх по стене причудливо вьющейся виноградной лозой. По всей длине фасад здания пересекали несколько высоких французских окон; сейчас они были широко раскрыты, и теплый вечерний бриз ласково шевелил тончайшие шторы, а стекла отражали багровые отблески закатного золота. На длинной веранде стоял Том Бьюкенен собственной персоной в костюме для верховой езды.

Том сильно изменился с йельских времен. Теперь это был широкоплечий тридцатилетний мужчина с копной волос соломенного цвета на горделиво посаженной голове, твердо очерченной линией рта и несколько надменными манерами. Но главным в его лице всегда

были глаза, вернее, дерзкий взгляд сверкающих глаз, при этом мне всегда казалось, что он готов в любое мгновение ринуться вперед и растоптать рискнувшего оказаться у него на пути. Вызывающе — изысканный костюм для верховой езды не скрывал его физическую мощь; казалось, что могучие тренированные икры вот — вот разорвут матово блестящие краги плотной кожи, а шнуровка держится на одном только честном слове; мощные бугры мускулов вздувались под тонким сукном при малейшем движении плеч. Это было тело атлета, полное взрывной, всеокрушающей силы, тело жестокого хищника.

Под стать телу был и голос — резкий хриплый тенор, последний штрих, дополнявший общее впечатление, которое производил этот неуправляемый властолюбец и капризный нувориш. Нотки презрительного превосходства проскальзывали у Тома даже в разговоре с людьми, не вызывавшими у него откровенной антипатии, — в свое время именно за это в Нью — Хейвене многие терпеть его не могли. Казалось, что с ядовитой усмешкой он про себя думает: «Разумеется, что вы можете и в грош не ставить мое мнение, хотя я намного сильнее любого из вас, да и вообще не вашего поля ягода!» На старших курсах мы с ним были членами одного студенческого общества, и, хотя никогда не были особенно дружны, мне почему-то казалось, что он относится ко мне и моим поступкам с одобрением и по — своему, со свойственной ему безалаберностью старается завоевать и мое расположение.

Мы немного постояли на освещенной закатным солнцем веранде.

— Недурственно у меня тут, а? — спросил он, самодовольно поглядывая по сторонам.

Слегка сдавив своими железными пальцами мое плечо, Том развернул меня в сторону своих угодий с террасами итальянского сада, где в цветнике, площадью в полакра источали пряный аромат изнуренные солнцем розы, а у самой кромки прибоя покачивалась на волнах моторная лодка с задраным вверх носом, и размашистым движением все это обвел рукой.

— Я прикупил эту хибарку у Демейна — нефтяника. — Он снова сдавил мое плечо, напористо — вежливо разворачивая меня на этот раз к двери. — Ну, пошли.

Мы миновали просторный холл и буквально окунулись в сверкающе — розовые внутренние покои, границы которых, казалось,

были едва обозначены высокими французскими окнами, поблескивающими по правую и левую сторону от нас. Полуоткрытые окна выглядели белыми провалами на фоне буйной зелени, казалось, растущей прямо из кирпичной стены. По комнате гулял легкий ветерок, играя оконными шторами, развевавшимися, как поблекшие знамена. Он то вытаскивал их наружу, то позволял плавно скользнуть в комнату, то в безудержном порыве вздымал их вверх, к самому потолку, напомиравшему украшенный глазурью свадебный торт, а по винного цвета ковру скользили их бесплотные тени, как легкая зыбь по глади моря от легких дуновений ласкового бриза.

Казалось, что единственным неподвижным предметом интерьера в комнате была гигантского размера софа, чем-то напомиравшая привязанный аэростат. На ней удобно расположились две молодые особы. Ветерок осторожно шевелил подолаы их белоснежных платьев, мягкая ткань послушно струилась, вздымалась и опадала, словно обе молодые женщины только что приземлились здесь после волшебного полета по комнатам. Я остановился, прислушиваясь, как хлопают развевающиеся на ветру знамена — шторы, и жалобно постанывает картина на стене. Потом что-то громко щелкнуло — это Том Бьюкенен захлопнул створки окон с одной стороны — и сразу же обессилел попавший в коварную ловушку ветерок, исчезли на ковре бесплотные тени, замерли шторы и перестали легкомысленно вздыматься подолаы белоснежных платьев молодых дам.

Та, что помоложе, была мне решительно незнакома. Она лежала совершенно неподвижно на своей стороне софы, вытянувшись во весь рост и слегка запрокинув голову, словно балансировала каким-то предметом, стоящим у нее на подбородке. Возможно, она и заметила меня боковым зрением, однако никак не отреагировала на мое появление; это привело меня в такое замешательство, что я чуть было не начал извиняться за свое неожиданное вторжение.

Другая — это была Дейзи — изобразила попытку приподняться и обозначила некое движение вперед с особым выражением лица; впрочем, тут же рассмеялась обворожительно обескураживающим смехом. В ответ рассмеялся и я, сделав шаг к софе.

— От удовольствия видеть вас меня натуральным образом п — парализовало!

После этих слов она опять заразительно рассмеялась, словно ей удался бог весть какой остроумный каламбур, удержала мою руку в своей на мгновение дольше, чем того требовали приличия, и посмотрела на меня так, словно я был тем единственным человеком на всем белом свете, кого она так страстно жаждала увидеть именно сегодня. Это она умела делать превосходно! Потом она томно промурлыкала мне фамилию эквилибристки, которая возлежала на другой стороне софы: Бейкер. (Записные острословы утверждали, что мурлыканье Дейзи — способ заставить собеседника склониться к ней поближе; неуместная инсинуация, впрочем, несколько не лишаящая эту своеобразную манеру изящества и шарма!)

Мисс Бейкер соблаговолила заметить мое присутствие, во всяком случае, губы ее дрогнули, и она едва заметно кивнула мне, но тотчас же вернула голову в исходное положение, словно тот предмет, который она удерживала на подбородке, покачнулся, и она страшно боялась уронить его на пол. После этого мне опять захотелось извиниться. Любое проявление самонадеянности, в чем бы оно ни проявлялось, всегда действует на меня обескураживающе.

Я повернулся к племяннице, которая начала расспрашивать меня обо всем, умело играя своим чарующим низким голосом. Для меня всегда было наслаждением слушать ее восхитительный мелодичный обволакивающий голос, ловить каждый тон, каждую интонацию, как волшебную музыкальную импровизацию, которая вот — вот растет в воздухе и никогда более не прозвучит. Миловидное и грустное, в чем-то даже стандартное лицо Дейзи украшали только сияющие глаза и броский чувственный рот, но голос — это было нечто необыкновенное: в нем было то, что сражало наповал многих и многих мужчин, которые были к ней равнодушны, — была в нем и напевная властность, и чувственный призыв «услышь и приди», слышались в нем отголоски буйного веселья и шальной радости, и, главное, обещания еще более неземных блаженств, ожидающих вас в недалеком будущем.

По пути на восток я остановился на день в Чикаго, поэтому передал Бьюкененам приветы от дюжины общих знакомых.

— О, так они по мне скучают?! — в восторге вскричала она.

— Более того, весь город безутешно скорбит. Левые задние колеса на подавляющем большинстве машин покрашены в черный цвет в знак

траура, жители Чикаго выходят на берега озера, рвут на себе одежды, посыпают головы пеплом, оглашая окрестности воплями и стенаниями.

— Как это трогательно! Слышишь, Том, давай вернемся назад. Завтра же! — Без какой-либо связи с предыдущими словами она вымолвила: — Увидел бы ты нашу крошку!

— С удовольствием бы на нее посмотрел!

— Нельзя: сейчас она спит — ей ведь только три годика. По — моему, ты ее до сих пор не видел?

— Не довелось...

— Послушай, ты обязательно должен ее увидеть... Она...

Том Бьюкенен, слонявшийся все это время по комнате, остановился возле меня, и я опять ощутил его тяжелую длань на своем плече.

— Эй, чем зарабатываешь на жизнь, парень?

— Кредитованием и прочими финансовыми операциями.

— А у кого?

Я назвал фамилию.

— Не знаю такого, Ник, — агрессивно бросил он. Меня прямо-таки покорило.

— Еще услышишь, — лаконично ответил я. — Обязательно услышишь, если всерьез и надолго думаешь осесть здесь, на востоке.

— А, не бери в голову это, — Том посмотрел на Дейзи, потом резко перевел взгляд на меня, словно ожидал возражений или отпора. — Ха! Я был бы последним Дураком, если бы надумал убраться отсюда.

Неожиданно подала голос миссис Бейкер. Она произнесла коротко, как отрубил:

— Факт!

От неожиданности я даже вздрогнул — это было первое слово, которое вымолвила загадочная эквилибристка. Вероятно, она сама удивилась при этом не меньше моего. Зевнула, потянулась, пара — тройка неуловимых и ловких движений — и она встала с софы, оказавшись прямо передо мной.

— Я вся как деревянная, — произнесла она жалобным тоном. — Нельзя столько времени валяться на софе.

— Прошу тебя, дорогая, не смотри на меня так, — решительно сказала Дейзи. — Кто полдня пытался вытащить тебя в Нью — Йорк?

— Спасибо, не надо, — обратилась мисс Бейкер к четырем бокалам с аперитивами, материализовавшимся на сервировочном столике. — У меня режим — не употребляю перед соревнованиями.

Глава семьи с откровенным недоверием посмотрел в ее сторону.

— Да уж! — Том длинным глотком осушил бокал, будто спиртного там и было всего-то на один палец. — Не могу понять, как у тебя хоть что-нибудь получается...

Я внимательнее пригляделся к мисс Бейкер, стараясь понять, что же это может у нее «получаться». Признаться, смотреть на нее было приятно: стройная, с девичьей грудью и идеально прямой спиной, при этом манера преподнести себя еще более подчеркивалась осанкой — плечи назад, грудь вперед, словно кадет в парадном строю. Ее серые глаза — омуты смотрели на меня с лукавым прищуром и явным любопытством. Неожиданно мне показалось, что я уже где-то видел это миловидное, бледное и недовольно — капризное личико, возможно, на фотографии в иллюстрированном журнале.

— Так вы живете в Вест — Эгге? — спросила она снисходительно — надменно. — Я знаю там кое — кого.

— Увы, я там никого...

— Не может быть, — оборвала она меня посередине фразы. — Вы должны знать Гэтсби.

— Гэтсби? — переспросила Дейзи. — Кто это Гэтсби? Я только было собрался сказать, что Гэтсби — мой сосед, как мажордом доложил, что кушать подано. Том Бьюкенен с привычной уже властью стиснул мой локоть железными пальцами и вывел из комнаты, словно переставил шашку с одного поля на другое.

Вяло переставляя изящные ножки, изящно придерживая пальчиками платья на соблазнительно — изящных бедрах, дамы шествовали впереди, направляясь к столу, сервированному на розовой веранде с видом на пламенеющий закат. На столе горели четыре свечи, а ласковый ветерок осторожно играл язычками пламени.

— Это... что... такое? — нахмурила брови Дейзи и пальцами погасила мерцающие огоньки. — Самый долгий день в году наступит через две недели, — не к месту произнесла она и окинула нас сияющим взглядом. — Сознавайтесь, было с кем-нибудь такое, что

ждешь, ждешь, когда же наступит этот самый длинный день, а потом раз — и он уже прошел? Вот у меня так каждый раз!

— Ну, давайте придумаем хоть что-нибудь. — Позевывая, мисс Бейкер садилась за стол так, словно укладывала себя в постель.

— Это было бы прекрасно, — сказала Дейзи. — Только вот что? — С беспомощной гримасой она повернулась ко мне: — Ник, а что люди вообще придумывают?

Не дождавшись ответа, она с благоговейным ужасом принялась разглядывать свой мизинец.

— Посмотрите скорее! — воскликнула она. — У меня что-то с пальцем.

Все посмотрели: мизинец частично посинел, частично почернел, а сустав действительно распух.

— Это все ты, ты, Том, — сказала она, обиженно надув губки. — Я знаю, что неспециально, но все равно — это ты. Поделом мне, зачем я вышла замуж за такого громилу, за такого неуклюжего увальня!

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу этого слова, — не на шутку рассердившись, оборвал ее Том. — Никогда больше не называй меня увальнем. Даже в шутку.

— Увалень! Увалень! — не желала успокаиваться Дейзи. Периодически она и мисс Бейкер вдруг принимались говорить чуть ли не хором, перебивая друг друга, но весь этот светский треп с претензией на остроумие и ироничность был лишен главного: легкости и душевного тепла — обе они были холодны, как их роскошные белоснежные платья, как их прекрасные глаза, в которых не было ни проблеска мысли и чувства. Дамы восседали за столом и стоически терпели наше с Томом общество, исключительно из светской учтивости стараясь развлечь нас, вернее, помочь нам развлечь их! Единственное, что их явно утешало, это то, что обед когда-нибудь закончится и его можно будет сразу же забыть и посвятить себя более приятному времяпрепровождению. Как же все это было непохоже на наши вечеринки на Западе, когда взрослые уже люди ждали приближения званого ужина и, как дети, считали оставшиеся часы до встречи с Праздником!

— Послушай, Дейзи, рядом с тобой я начинаю ощущать свою интеллектуальную ущербность, — осторожно заметил я после второго бокала сухого красного вина, отдававшего пробкой (не такого уж

слабого, как мне показалось в первый раз). — Давай поговорим на какую-нибудь понятную и доступную мне тему, например, о погоде или видах на урожай!

Я сказал это без всякой задней мысли — просто, чтобы поддержать за столом разговор, однако мои слова вызвали совершенно неожиданную реакцию Тома.

— Цивилизация идет коту под хвост, — со злостью выдохнул он. — Я теперь стал, знаешь, таким пессимистом. Вот, к примеру, читал ты книгу Годдарда «Экспансия цветных империй»?

— Нет, а что? — спросил я, несколько удивленный его агрессивным тоном.

— А то, что эту книгу нужно прочесть всем. Знаешь, там есть одна такая идея: если мы не будем настороже, ну, белая раса... короче, нас сожрут с потрохами цветные. Это не враки, там все стопроцентно доказано.

— Мой Том становится таким мыслителем, — с грустью призналась Дейзи. — Уму непостижимо, какие он стал читать книги, да еще с такими длинными названиями и словами. Помнишь, дорогой, недавно попало какое-то умное словечко, так мы никак не могли...

— Это не книги, а научные труды, — раздраженно оборвал ее Том. — Этот Годдард так прямо и пишет, что победа или поражение только от того и зависят, будем ли мы, ну, господствующая белая раса, начеку или нет.

— Дорогой, мы просто обязаны сломать им хребет, — промурлыкала Дейзи, с игривой суровостью указав подбородком в направлении плавающего над линией горизонта светила.

— Вот что я вам скажу, — начала было мисс Бейкер, — если бы вы перебрались в Калифорнию...

Но Том Бьюкенен не дал ей закончить фразу и, заскрежетав ножками своего стула по полу, выпалил:

— Фу, да не в этом же дело, а в том, что мы арии — представители нордической расы — взять, к примеру, меня, тебя и тебя, и... — После секундного размышления указующим кивком головы он включил в свой реестр и Дейзи, в ответ она тотчас же подмигнула мне с хитрой улыбкой. — Так вот, вся цивилизация, ну, она создана нами. Там искусство всякое, то да се, наука опять же... Доступно я излагаю?

Было что-то жалкое в его излияниях на грани кликушества, в его тщетных попытках обрести себя на совершенно чуждом ему поприще, словно самолюбования и самодовольства — с годами только обострившихся — ему уже не доставало. Где-то в комнатах зазвонил телефон, лакей бросился снимать трубку, а Дейзи, воспользовавшись минутной паузой, наклонила свою милую головку ко мне.

— Хочешь, я открою тебе семейную тайну, — замурылкала она в своей обычной манере, — страшную тайну о носе нашего лакея, то бишь мажордома? Признайся, тебе ведь интересно узнать о его носе?

— Каюсь, собственно за этим я к вам и приехал!

— Тогда слушай: он не всегда был обычным лакеем и служил в одном приличном доме в Нью — Йорке. У них там было столовое серебро — не меньше чем на двести персон. Так вот, он заведовал этим серебром, ну, чистил его с утра до вечера, а потом у него началась аллергия, то есть насморк...

— Самое страшное случилось потом, — подхватила мисс Бейкер.

— Да, с каждым днем дела шли все хуже и хуже, и в конце концов, он был вынужден просто отказаться от места...

Последний лучик заходящего солнца скользнул по порозовевшим бархатистым щечкам Дейзи; затаив дыхание, я наслаждался журчанием ее голоса, подавшись вперед и вытянув шею. Тем временем розовое сияние померкло, лучик с сожалением соскользнул с ее лица — неохотно, как малое дитя, которого загоняют в дом с наступлением сумерек, заставляя проститься с веселыми играми до следующего утра.

Вернулся мажордом и, почтительно склонившись, обстоятельно зашептал что-то на ухо хозяину. Том нахмурил брови, приподнялся из-за стола, резко отпихнул свой стул и молча скрылся в анфиладе комнат. Внутри Дейзи словно заработал какой-то механизм и закрутились колесики. Она опять наклонила головку в мою сторону, а ее волнующий голос зажурчал, заструился и заиграл, как драгоценный камень в изумительной оправе.

— О, Ник, если бы ты только знал, как я рада видеть тебя в нашем доме, за этим столом. Тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на... розу. Ну, скажи, — обратилась она за поддержкой к мисс Бейкер, — он ведь и в самом деле похож на розу?

Я даже поперхнулся: это был форменный вздор — на что, на что, но уж на розу-то я похож меньше всего. Даже при желании во мне

трудно найти что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее розу. Видимо, она брякнула первое, что пришло на ум! Однако сказано это было в каком-то лихорадочном возбуждении, словно душа ее рвалась наружу, стыдливо кутаясь в нелепые, но милые словесные одежды. Совершенно неожиданно она нервно скомкала салфетку, бросила ее на стол и, извинившись, удалилась.

Я и мисс Бейкер обменялись короткими, ничего не значащими и ни к чему не обязывающими взглядами, я раскрыл было рот, чтобы произнести какую-нибудь дежурную фразу, но она как-то внутренне собралась, напряжинилась и предостерегающе шикнула на меня. Из-за закрытых дверей раздавался чей-то приглушенный возбужденный голос, а мисс Бейкер, не обращая на меня ни малейшего внимания, вытянув шею, как гусыня, и; забыв о приличиях, внимательно прислушивалась к доносившимся до нас словам.

— Знаете ли, — начал было я, — этот мистер Гэтсби, которого вы давеча поминали, он мой сосед...

— Забудьте же, — зашипела она, — дайте послушать, что там у них происходит.

— А что, собственно, должно между ними происходить? — бесхитростно удивился я.

— Вы хотите сказать, что ничего не знаете? — с искренним удивлением посмотрела на меня мисс Бейкер. — Я думала, что об этом знают все без исключения в наших пенатах.

— Увы, я ровным счетом ничего не знаю.

— Как вам сказать, — она несколько ступевалась, — в общем, есть некая особа в Нью — Йорке. Так вот, Том и она...

— Особа... в Нью — Йорке, — повторил я в растерянных чувствах. Мисс Бейкер утвердительно кивнула.

— Думаю, из одного лишь чувства приличия она могла бы не звонить ему домой во время обеда, вы не находите?

Я был настолько ошеломлен, что никак не мог постичь смысл услышанного, но в этот момент раздался шелест платья и скрип кожаных подошв — и хозяйева с натянутыми лицами вернулись к обеденному столу.

— Ничего не поделаешь — неотложные дела, — нарочито игривым тоном промурлыкала Дейзи.

Она села на свое место, бросила пристальный взгляд на мисс Бейкер, потом посмотрела на меня и продолжила словно бы и не прерывавшийся разговор.

— Знаете ли, я на секундочку выглянула в сад — там сейчас так романтично и прелестно. Из благоухающих кустов раздаются чудесные трели, по — моему, это соловей. Ума не приложу, как он попал к нам — не иначе как последним рейсом через Атлантику. Видимо, на «Кунард» или «Уайт стар лайн». А как поет, как божественно поет... — При этом и сама Дейзи не говорила, а почти что пела своим волшебным голоском. — Не правда ли, романтично, скажи, Том? — ну, скажи же, дорогой!

— Да уж, романтика да и только, — мрачно подтвердил Том, и в поисках избавления от милого щебетания повернулся ко мне: — Пообедаем и поведу тебя в конюшню, если к тому времени соевем не стемнеет.

Вдруг опять раздалась тревожные трели телефонного звонка; Дейзи жестко посмотрела на Тома и решительно покачала головой, а начавшийся было разговор о лошадях, да, собственно, и вся застольная беседа сбились, смешалась и окончательно застопорилась. Последние мучительные пять минут, проведенные за столом при гробовом молчании, я припоминаю только фрагментарно: мерцание свечей, которые зачем-то опять зажгли, мучительное желание вглядываться в лица присутствующих, но при этом не встретиться ни с кем взглядом. Я и представить себе не могу, о чем думали в это время Том и Дейзи, но не сомневаюсь в том, что даже мисс Бейкер с ее скептицизмом и стальными нервами — канатами не могла избавиться от ощущения незримого присутствия за столом незваного и навязчивого пятого гостя — посланника тревоги и беды. Очень может быть, что нашлись бы и такие, кому пришлась бы по душе пикантность создавшейся ситуации, но только не мне — я бы нисколько не возражал, если бы кто-нибудь вызвал полисмена.

Само собой разумеется, что о лошадях никто больше и не вспоминал. Том и мисс Бейкер отправились в библиотеку — и с таким выражением лица, будто бы вознамерились провести часок — другой у фоба с телом усопшего, с одной стороны, вроде бы и не существующего в материальном мире, а с другой стороны, очень даже реального. Мне же не оставалось ничего другого, кроме как

демонстрировать легкую тугоухость и изображать учтивую заинтересованность и светскую словоохотливость, следуя за Дейзи по галерее балконов, опоясывающих дом на уровне второго этажа. Пройдя таким образом, по — моему, несколько миль, мы вышли, наконец, к главной веранде, когда уже совсем стемнело, и удобно расположились на плетеном диванчике.

Дейзи прижала ладони к лицу, словно желая насладиться его упругой бархатистостью, вперив взгляд в сгущающийся фиолетовый полумрак. Я видел, что она вся во власти эмоций, с которыми не в силах совладать, и попытался помочь ей, отвлечь, задавая вопросы о дочери.

— Мы так мало знаем друг о друге, Ник, — неожиданно сказала она, — а ведь мы родственники, пусть даже и дальние. Ты даже не был на моей свадьбе.

— Ты же знаешь, тогда я был на фронте.

— Правда, — она помолчала. — Знаешь, Ник, мне пришлось пережить сложные времена, и я просто не могу теперь относиться ко всему без цинизма.

Я и не сомневался, что для этого у нее были более чем веские причины. Я выдержал паузу, но она не захотела сказать большего, тогда я довольно-таки неуклюже опять попытался перевести разговор на спасительную тему о ее ребенке.

— Послушай, она же наверняка уже лепечет, и... э — э-э, ну и всякое там разное...

— О, да, — при этом Дейзи смотрела на меня совершенно отсутствующим взглядом. — Хочешь, Ник, я расскажу тебе, что я сказала сразу же после своих родов? Тебе ведь это интересно, правда?

— Да, конечно...

— Что ж, возможно, мой рассказ поможет тебе многое понять... Да, где-то через час после родов — обрати внимание: где был в это время Том, одному Богу известно, — я пришла в себя после наркоза, брошенная и никому не нужная, и спросила сестру: мальчик или девочка? Когда я услышала, что родилась девочка, то отвернулась к стене и заплакала. Потом немного успокоилась и сказала: «Вот и хорошо. Пусть девочка. Очень рада, что девочка. Надеюсь только, что она вырастет дурочкой, потому что в нашей жизни для женщины лучше всего быть дурочкой — хорошенькой дурочкой!»

— Понимаешь, Ник, я убеждена, что в этом мире все ужасно. Самое главное, что все думают точно так же — даже самые умные тонкие люди. Я знаю. Я везде побывала, многое видела и многое делала. — В ее глазах сверкнул вызов — почти как у Тома, потом Дейзи залилась звонким надменным смехом. — Искушенная и разочарованная, да, именно такая я и есть.

Обволакивающий гипнотический голос Дейзи, казалось, внушавший мне — слушай и верь, — не успел еще отзвучать в гулкой тишине наступающей ночи, а я уже почувствовал какую-то нарочитость и неискренность в ее словах. Я испытал странную неловкость, словно весь этот разговор был затеян для того, чтобы хитростью выжать из меня слезинку и заставить сопереживать ей, верить обуревавшим ее чувствам. И действительно, прошла минута, потом — другая, и на миловидном личике зазмеилась жеманная улыбка, словно Дейзи уверилась, что убедила меня в том, что и она имеет честь принадлежать к некоему тайному обществу, как и ее благоверный.

В библиотеке зажгли лампу, и она утонула в малиновых полутонах. Том устроился на ближнем к входу конце дивана, а мисс Бейкер сидела на некотором удалении от него и читала вслух «Сатердей ивнинг пост». Она читала тихо, себе под нос, при этом все слова сливались в монотонное баюкающее бормотание. Лучи света лампы играли на начищенных до зеркального блеска ботинках Тома, расцветивали роскошную шевелюру мисс Бейкер в багрово — золотистые тона, отражались от глянцевого страниц, которые она листала не по — женски сильными пальцами.

Заметив нас, мисс Бейкер энергичным взмахом руки дала понять, чтобы мы ей не мешали.

— Продолжение следует, — закончила она и небрежно отбросила журнал на столик. Потом повела коленом, пружинисто выпрямилась и с ленивой грацией встала с дивана. — Ровно десять, — заметила она, посмотрев для этого на потолок. — Хорошим девочкам пора баиньки!

— Завтра Джордан собирается принять участие в турнире в Вестчестере, — объяснила Дейзи. — А ехать нужно с раннего утра.

— Боже, так вы — Джордан Бейкер!

Теперь мне стало ясно, почему лицо мисс Бейкер показалось мне знакомым: ее надменная мордашка регулярно появлялась на страницах

иллюстрированных спортивных журналов Ашвилла, Хот — Спрингс и Палм — Бич. Насколько я помню, она была замешана в какую-то неприглядную историю, впрочем, подробности я давно успел позабыть.

— Спокойной ночи, — вымолвила она нежным голоском. — Разбудите меня в восемь.

— Неужели ты в состоянии подняться в такую рань?

— В состоянии. Спокойной ночи, мистер Каррауэй, надеюсь, мы с вами еще увидимся.

— Вне всякого сомнения, — заверила ее Дейзи. — Я вообще подумываю, а не поженить ли мне вас? Заглядывай к нам почаще, Ник, а я, как говорится, не буду препятствовать и даже посодействую вашему сближению: ну, случайно запру в чулане или же выведу на лодке в открытый океан, или что там положено делать в подобных случаях?

— Спокойной ночи! — крикнула мисс Бейкер с лестницы. — Дейзи, запомни, я ничего не слышала!

— Она хорошая девушка, — сказал Том через некоторое время. — Плохо, что они разрешают ей вести бродячий образ жизни.

— Кто же эти пресловутые «они»? — подчеркнуто холодно и язвительно переспросила его Дейзи.

— Ну, родственники.

— Вся ее семья состоит из одной — единственной тетки, которой сто лет в обед! Впрочем, Ник, будет приглядывать за ней, скажи мне, что это так, Ник. Думаю, что и специфическая семейная обстановка должна оказать на нее благотворное влияние, не правда ли, дорогой?

Том и Дейзи многозначительно переглянулись.

— Э — э-э, так она из Нью — Йорка? — поторопился спросить я.

— Нет, из Луисвилля. Подруга детства, я провела с ней лучшие безмятежные детские годы.

— Дейзи, ты что же это, надумала поговорить с Ником по душам — там, на веранде? — неожиданно вмешался в разговор Том. Он не просил, а требовал ответа.

— На веранде... по душам... — она пристально посмотрела мне в глаза. — Не думаю, дорогой, помнится, мы разговаривали о нордической расе. Да, точно о ней! — разговор завязался как-то сам собой...

— Смотри, Ник, ты не верь всему, что она тебе наговорит, — посоветовал мне Том.

Я с легкостью согласился, присовокупив только, что ни о чем таком и не услышал, и через несколько минут начал прощаться с гостеприимными хозяевами. Они вышли помахать мне рукой на прощание, отчетливо выделяясь на фоне освещенного прямоугольника открытых дверей. Я сел в машину и уже завел мотор, как вдруг Дейзи громко крикнула: «Эй, подожди!».

— Послушай, я совсем забыла спросить у тебя очень важную вещь. Говорят, что ты помолвлен с какой-то девушкой — дома, на западе?

— Да, да, — добродушно поддержал ее Том. — Слыхали мы о красавице — невесте!

— Чистой воды навет. Ты же знаешь, я слишком беден для женитьбы.

— Но мы действительно слышали! — воскликнула Дейзи. Это было просто невероятно, но, произнося эти слова, она раскрылась мне навстречу, как диковинный цветок. — Три разных человека подтвердили нам эту новость, Ник, поэтому я полагаю, что так оно и есть на самом деле!

Я знал, что могут они иметь в виду, и только делал вид, что ничего не понимаю, однако никакой невесты у меня и в самом деле не было. Пересуды о мифической помолвке действительно были — они-то и послужили причиной того, что я был вынужден ретироваться на восток. Возможно, мне не следовало разрывать отношения со старинной приятельницей из-за чьих-то длинных языков, но, с другой стороны, мне вовсе не хотелось, чтобы эти не к ночи помянутые языки довели меня до алтаря.

Радужный прием, оказанный мне Дейзи и Томом, привел меня в самое благоприятное расположение духа — теперь уже и их баснословное богатство не казалось мне таким уж непреодолимым барьером для наших отношений. Тем не менее, по дороге домой я был смущен и все никак не мог избавиться от вдруг возникшего у меня чувства брезгливости, словно я вымазался в грязи. На мой взгляд, у Дейзи оставался один — единственный выход: взять малышку на руки и навсегда покинуть этот дом. Впрочем, судя по всему, ничего подобного у нее и в мыслях не было. Если говорить о Томе, то меня поразила даже не его интрижка в Нью — Йорке, а то, что его

душевное равновесие было поколеблено, ну надо же, книгой! Что же могло подвигнуть эту мизерабельную натуру грызть черствый хлеб мертворожденных идей, неужели плотское чревоугодие не питало более грешную душу неукротимого сластолюбца?

За день крыши придорожных ресторанчиков раскалились совсем уж по — летнему, стал мягким и податливым, как воск, асфальт у гаражей, где в озерцах яркого света плавали новенькие бензоколонки ярко — красного цвета. Добравшись домой, в Вест — Эгг, я запарковал машину под навесом и присел на газонокосилку, брошенную предыдущим владельцем во дворе. Ветер стих, полная таинственных звуков, вступала в свои права бриллиантовая ночь: где-то в густой листве сонно хлопали крылья невидимых мне птиц, под аккомпанемент стаккато лягушек мощные меха земли раздували вечный орган жизни. Рядом, в фиолетово — голубых сумерках материализовался и растаял иссиня — черный силуэт кошки, я посмотрел ей вслед и обнаружил, что не один люблюсь удивительной летней ночью. Примерно в полусотне футов от меня, выйдя из густой тени соседской виллы, стоял мужчина, засунув руки в карманы, и смотрел на усыпанное горошинами звезд небо. Непринужденность манер, расслабленность позы и хозяйская уверенность, с какой незнакомец топтал свежескошенный газон, однозначно подсказали мне, что это мистер Гэтсби собственной персоной вышел обозреть свои владения и подсчитать, какая же часть неба над Вест — Эггом принадлежит ему на правах частной собственности.

Я собрался было окликнуть его и сослаться на общую знакомую — мисс Бейкер, упоминавшую его за обедом у Бьюкененов, надеясь, что это послужит мне достаточной рекомендацией, однако так и не рискнул окликнуть его и нарушить романтическое одиночество. Как это вскоре выяснилось, ему был совершеннейший недосуг общаться с незнакомыми людьми. Я увидел, как он вдруг простер руку над темными водами бухты, и, несмотря на разделявшее нас расстояние, мне показалось, что его колотит лихорадочная дрожь. Невольно и я посмотрел вслед за указующей дланью, но все было сокрыто во мраке, и только где-то на грани видимости мерцал зеленый огонек, вероятно, сигнальный фонарь на самой оконечности причала. Когда я опять посмотрел в сторону соседской виллы, Гэтсби исчез, и я снова остался в одиночестве в ставшей вдруг неуютной и тревожной пустоте ночи.

Глава II

Примерно на полпути между Вест — Эггом и Нью — Йорком автострада торопливо устремляется навстречу железной дороге и с четверть мили бежит с ней бок о бок, словно хочет миновать угрюмый и пустынный участок земли, лежащий на ее пути. Это настоящая Долина Пепла — фантазмагорическая ферма пепла, золы и шлаков, которые всходят здесь как пшеница, вздымаются в небо крутыми гребнями, вспучиваются холмами и сопками, расплываются кляксами уродливых садов, оборачиваются эфемерными домами с трубами, над которыми курится дымок апокалиптических очагов, а если хорошо приглядеться, можно увидеть трансцендентные пепельно — серые призраки, снующие взад и вперед и растворяющиеся в клубах тумана из пепла и пыли. Время от времени из неведомых недр выползает чудовищная гусеница, составленная из вагонеток, и со страшным лязгом замирает на невидимых рельсовых путях. Тогда на нее набрасываются пепельно — серые призраки и снуют вокруг с лопатами, вздымая непроницаемые пылевые облака, за которыми ничего уже не разглядеть, и одному Богу известно, что там происходит.

Но через некоторое время перед глазами ошеломленного наблюдателя материализуются глаза доктора Т. Дж. Эклберга, возникающие словно из ниоткуда над навевающим смертную тоску пейзажем. У доктора Т. Дж. Эклберга большие голубые глаза — диаметр радужной оболочки составляет приблизительно ярд. Они смотрят прямо на вас, однако лица как такового нет — есть только гигантских размеров очки в желтой оправе, дужка которых сидит на несуществующем носу. Должно быть, сумасбродный остряк — окулист из Квинса установил здесь рекламный щит, надеясь несколько расширить практику, а потом и сам ушел в Страну Вечной Слепоты или забыл о нем и переехал куда-нибудь в погоне за удачей. Но его глаза остались, и, хотя краска потускнела от времени и облупилась от дождя, они и по сей день уныло озирают чудовищно разросшуюся промышленную свалку.

С одной стороны Долина Пепла доползала до маленькой зловонной речушки, и, когда разводят мост, чтобы пропустить

грузовую баржу, пассажирам проходящих поездов приходится любоваться гнетущим зрелищем иной раз не менее получаса. Обычно поезда останавливаются здесь на одну минуту. Этому обстоятельству я и обязан знакомству с любовницей Тома Бьюкенена.

О том, что у него есть пассия, говорили все, кто имел сомнительное удовольствие знаться с Томом. С негодованием рассказывали, что он имеет наглость появляться с ней в модных ресторанах и, оставив в одиночестве за столиком, расхаживает по залу, болтая с приятелями и знакомыми. Мне любопытно было бы на нее посмотреть, хотя ни малейшего желания знакомиться у меня не было, но все же довелось. Как-то раз, во второй половине дня, мы ехали с Томом в Нью — Йорк на поезде, и, когда тот остановился у свалки, Том схватил меня за локоть и в буквальном смысле слова вытащил из вагона на перрон.

— Давай сойдем здесь, — категорически заявил он, — я хочу познакомить тебя с моей подругой.

Я подумал, что он, должно быть, принял изрядную дозу во время ленча, и раз уж я имел глупость составить ему компанию, Том в своей обычной манере намеревался развлекаться, если бы даже ему пришлось тащить меня силой. Со свойственным ему высокомерием и абсолютным пренебрежением к людям он искренне полагал, что у меня нет и не может быть более достойного занятия, чем шататься с ним по свалке в воскресенье, во второй половине дня.

Я плелся следом за Томом, перебирался через невысокий беленый забор, ограждавший железнодорожные пути, потом ярдов сто — в обратную сторону под пристальным наблюдением доктора Эклберга. Вокруг царило абсолютное запустение: не было никаких признаков жилья, кроме трех расположенных одно за другим строений желтого кирпича на самой границе пустыря и некоего подобия ведущей к ним «Мейнстрит» в миниатюре — только без перекрестков и примыкающих улиц. Крошечный магазинчик в первом из строений сдавался в аренду, во втором располагался ночной ресторанчик или кофейня, однако подходы к нему были завалены кучами золы и шлака, наконец, в третьем размещался гараж с вывеской «Ремонт. Джордж Б. Вильсон. Покупка и продажа автомобилей». Оказывается, именно сюда мы и направлялись.

Внутри, среди голых стен, царили грязь и запустение. Останки «форда» сиротливо приютились в темном углу, — груда покрытого толстым слоем пыли искореженного металла. Почему-то я подумал, что это подобие гаража — только маскировка, а за ним, должно быть, скрываются сказочные апартаменты в духе «Тысячи и одной ночи»; тут отворилась дверь крошечного офиса, и на пороге появился владелец гаража, вытиравший руки ветошью, — анемичный блондин рыхловатой комплекции, но сравнительно приятной наружности. Стоило ему увидеть нас, как в его светло — голубых глазах, сразу же повлажневших от избытка эмоций, задрожал робкий проблеск надежды.

— Привет, Вильсон, старый дружище! — сказал Том, сопровождая приветствие увесистым хлопком по плечу. — Как дела?

— Грех жаловаться, — ответил Вильсон несколько неуверенно. — Когда же вы уступите мне ту машину?

— На будущей неделе — мой человек как раз этим занимается.

— Э — э-э, мне кажется, что он что-то слишком долго этим занимается, а?

— А мне так не кажется, — холодно сказал Том. — Но если вас что-то не устраивает, я продам ее после ремонта в другом месте.

— Я вовсе не это имел в виду, — начал поспешно объяснять Вильсон. — Я, собственно, только...

Он запнулся посредине фразы, тем временем Том с видимым нетерпением принялся озираться по сторонам. Вначале я услышал шаги на лестнице, затем крепко сбитая женская фигура появилась в дверном проеме, заслонив свет, проникающий в гараж. Ей было хорошо за тридцать, у нее намечалась явная предрасположенность к избыточной полноте, но ее дородное тело отличалось той чувственной фацией, которая свойственна только избранным представительницам прекрасного пола. Темно — синее крепдешинное платье в крапинку оттеняло изысканную бледность ее лица, в котором я не заметил ни одной красивой или же правильной черты. Однако в ней привлекала бьющая через край жизненная энергия, словно во всем ее естестве тлел неугасимый огонь, готовый в любое мгновение вспыхнуть испепеляющим пожаром.

Она лениво улыбнулась и прошествовала мимо мужа, не замечая его, словно перед ней стоял бесплотный призрак, быстро подошла к

Тому и поздоровалась с ним за руку, глядя прямо в глаза. Провела языком по губам и, не повернув головы, сказала мужу тихим и неожиданно грубым голосом:

— Что встал, как пень, неси стулья, не видишь, что ли, людям присесть не на что.

— О, несу, несу, — Вильсон торопливо засеменил к дверям своего офиса, в мгновение ока растворившись на фоне бетонной стены. Его некогда темный костюм и неопределенного цвета шевелюра были покрыты слоем белесого праха, как густой вуалью, пепельно — серый налет лежал на всем и вся в окрестностях. Но это не касалось его жены, придвинувшейся к Тому чуть ли не вплотную.

— Хочу тебя... увидеть, — настойчиво сказал Том. — Выходи, поедем на следующем поезде.

— Хорошо.

— Буду ждать тебя на перроне, у газетного киоска.

Она молча кивнула и едва успела отойти чуть в сторону, как в дверях офиса показался Джордж Вильсон с двумя стульями в руках.

Мы отошли подальше от гаража, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза, и ждали ее на шоссе. До 4 июля^[5] оставалось всего ничего, и костлявый подросток — итальянец с серым от пепла лицом укладывал петарды вдоль железнодорожного полотна.

— Жуткая дыра, правда? — сказал Том, хмуро переглянувшись с доктором Эклбергом.

— Жуткая, нечего сказать.

— Поэтому она и позволяет себе иной раз выбраться отсюда.

— А что муж — не возражает?

— Вильсон? Он думает, что она гостит у сестры в Нью — Йорке. Да это такой тип бесцветный, что сам не знает, жив он или уже помер.

Вот как получилось, что Том Бьюкенен, его подруга и я поехали в Нью — Йорк вместе, вернее, не совсем так: мисс Вильсон благоразумно села в другой вагон. Со стороны Тома это был совершенно неслыханный поступок: почему-то вдруг он решил не оскорблять провинциальную чувствительность аборигенов Вест — Эгга, которые могли случайно оказаться в этом поезде.

Она переделалась, теперь на ней было платье из узорчатого муслина коричневого цвета, так обтянувшее ее довольно-таки широкие бедра, что оно едва не лопнуло, когда Том помогал ей выйти из вагона на

перроне Пенсильванского вокзала. В газетном киоске она купила номер «Таун Тэтл» и иллюстрированный киножурнал, в аптеке на вокзала — кольдкрем и небольшой флакончик духов. Поднявшись по ступенькам, мы окунулись в гулкую суету автостанции; она пропустила четыре такси, и мы сели только в пятую машину — новенькое авто цвета лаванды, с обивкой серого цвета в салоне, которая и умчала нас прямо на солнцепек нью — йоркских улиц из-под сумрачных сводов Пенсильванского вокзала. Впрочем, ехали мы недолго: вдруг она отвернулась от окна и застучала в перегородку шоферу.

— Хочу вон того щенка, — сказала она требовательно — капризным тоном. — Пусть в апартаментах живет собачка. Это так мило — щенок в доме.

Шофер затормозил, дал задний ход, и мы подъехали к седому старику — торговцу — прямо-таки двойнику Джона Д. Рокфеллера^[6]. На груди у старика висела плетеная корзина, а в ней копошилась дюжина разномастных комочков неопределенной породы.

— Какая это порода? — требовательно поинтересовалась миссис Вильсон, как только старик степенно подошел к авто и остановился у открытого окошка.

— Есть любые. А какая вам больше нравится, леди?

— Ну, я бы хотела полицейскую собаку. Наверняка, у вас такой нет!

Старик с видимым замешательством заглянул в корзинку, запустил туда руку и вытащил за шкурку жалобно скулящего и отчаянно извивающегося щенка.

— Это не овчарка, — жестко сказал Том.

— Пожалуй, так оно и есть, — разочарованно протянул старик. — Да, скорее всего, это эрдельтерьер. — Он погладил коричневую замшевую спинку животного. — Вы только посмотрите на эту шерсть, потрогайте эту шерсть, с такой-то шерстью он никогда не простудится.

— Она милашка! — с воодушевлением воскликнула миссис Вильсон. — Сколько вы просите за нее?

— Сколько я прошу за эту собаку? — он с восторгом посмотрел на щенка. — Эта собака обойдется вам в каких-то десять долларов, леди.

Эрдельтерьер — а среди его дальних предков, возможно, и был кто-то, кто имел отношение к эрдельтерьерам, несмотря на белый окрас шерстки на лапах, — перешел из рук в руки и устроился на

коленях миссис Вильсон, которая принялась с восторгом ласкать щенка и гладить его всепогодную шерсть.

— Да, а это, э — э-э, мальчик или девочка? — деликатно поинтересовалась она.

— Мальчик или девочка эта замечательная собака? — переспросил старик. — Мальчик.

— Сука она, — решительно заметил Том. — Вот ваши деньги. Пойдите и купите на них еще дюжину точно таких же щенят.

Мы свернули на Пятую авеню, тихую и уютную, почти что пасторальную в этот воскресный полдень, так что я особенно и не удивился, если бы за углом паслись овечки, а кудрявый пастушок играл бы на свирели.

— Остановите где-нибудь здесь, — сказал я. — Мне очень жаль, но я вынужден вас покинуть.

— Ни в коем случае, — энергично возразил Том. — Миртл страшно обидится, если ты не посмотришь ее гнездышко. Скажи ему, Миртл.

— Да, да, зайдите к нам в гости, — начала уговаривать меня миссис Вильсон. — Я позвоню сестре. Знающие люди говорят, что моя Кэтрин — писаная красавица.

— Знаете ли, я бы с удовольствием, но мне хотелось бы...

Мы помчались дальше, срезали угол, пересекли Центральный парк и выехали наконец в район Западных Сотых. На 158-стрит такси остановилось у одного из многоэтажных многоквартирных домов, тянувшихся нескончаемой вереницей по обе стороны улицы. Обозрев окрестности с видом королевы, изволившей вернуться в свою резиденцию, миссис Вильсон взяла щенка и прочие покупки и торжественно прошествовала в дом с осознанием собственного величия.

— Да, позвоню-ка я Мак — Ки, их можно тоже пригласить, — заявила она, пока мы поднимались вверх в кабинке лифта. — Только бы не забыть, сразу же позвонить Кэтрин.

Так называемые апартаменты располагались на последнем этаже и представляли собой тесную гостиную, маленькую спальню и узкую ванную комнату. И без того крошечная гостиная была обставлена чересчур массивной для нее мебелью, а все диваны, кресла и кушетки имели гобеленовую обивку; куда ни бросишь взгляд — везде юные

прелестницы резвятся на буколических холмах пасторальных садов Версаля. На единственной картине — даже не картине, а сильно увеличенной фотографии — было изображено нечто вроде курицы на угадывающейся за завесой тумана скале. И только на некотором удалении выяснялось, что курица эта — и не курица вовсе, а чепец, из-под которого пожилая леди взирает на вас с добродушной улыбкой. Старые номера «Таун Тэтл» лежали на столе вперемешку со скандальными журнальчиками, которые продаются на Бродвее из-под полы, и тут же — странного вида книжонка с не менее странным названием «Симон, которого прозвали Петером». Мальчик — лифтер с недовольной миной был отправлен за ящиком с соломой и молоком, вскоре он вернулся, присовокупив по собственной инициативе жестяную банку больших и твердых собачьих галет (одна из них потом уныло мокла в блюдечке с молоком до самого вечера). Тем временем Том открыл дверцу комода и извлек из него бутылку виски.

До такого состояния я напивался только дважды в жизни — причем второй раз именно в этот воскресный полдень. Все происходившее было сокрыто от меня как бы в полумраке, хотя в комнате было светло, по крайней мере, до начала девятого. Сидя на коленях у Тома, миссис Вильсон созывала по телефону гостей; потом закончились сигареты, и я отправился в ближайшую аптеку на углу. Когда я вернулся, они куда-то исчезли, поэтому я устроился в гостиной и прочитал главу из «Симона, которого прозвали Петером», ничего не поняв из прочитанного — то ли это была законченная чепуха, то ли виски оказался слишком крепким.

Как только Том и Миртл вернулись в гостиную (с миссис Вильсон мы перешли на «ты» после первого бокала), стали прибывать и первые гости.

Кэтрин, сестра Миртл, оказалась искусенной особой лет тридцати с изящной шапочкой коротко подстриженных густых волос рыжеватого оттенка и напудренным молочно — белым лицом. Ее выщипанные, а потом подведенные брови, лихо устремлялись вверх, но стремление природы вернуться к первозданному виду придавало ее чертам некоторую незавершенность. Дюжина керамических браслетов украшала ее ухоженные руки, сопровождая каждое движение мелодичным аккомпанементом. Она вошла твердой уверенной поступью, окинув комнату испытующим хозяйским взглядом, как бы

давая понять, что это, в первую очередь, ее собственный дом. Я даже спросил у нее об этом — в ответ она нарочито громко рассмеялась и с видимым удовольствием повторила вопрос вслух, и только потом сказала, что живет с подругой в отеле.

Мистер Мак — Ки из квартиры на нижнем этаже оказался блеклым женоподобным созданием. Было видно, он тщательно готовился к визиту, во всяком случае, гость был гладко выбрит, правда, второпях оставил на щеке клочок засохшей пены для бритья. Он почтительно приветствовал всех присутствующих, находя для каждого пару — тройку вежливых слов, например, мне он доверительно сообщил, что вхож в «артистические круги»; позже я узнал, что он зарабатывает на жизнь фотографией, а увеличенный фотопортрет матери миссис Вильсон, висящий на стене в гостиной, — дело его рук. Его супруга — томная красотка с визгливым голосом и, судя по всему, стервозным характером — с гордостью сообщила мне, что супруг сфотографировал ее ровно 127 раз с тех пор, как они поженились.

Миссис Вильсон успела в очередной раз переодеться — теперь она была одета в прекрасно сшитое платье из кремового шифона, шелестевшее так, словно кто-то постоянно подметал в комнате полы. Сменив платье, она и сама изменилась не только внешне, но и внутренне. Бьющая через край жизненная энергия, так поразившая меня в гараже, трансформировалась в надменность салонной львицы. Ее смех, жестикуляция и даже небрежно отпускаемые реплики с каждым мгновением становились все манернее, казалось, что ее прямо-таки разносит от спесивости. При этом пространство вокруг нее сжимается, пол под ногами разверзается, а ее, осиянную неземным светом, возносит к потолку клубящееся облачко гордыни.

— Э, милая моя, — подчеркнуто громко обратилась она к сестре, — да ведь они только и озабочены тем, как бы половчее сплутовать. Поверь мне, наши денежки не дают покоя этой публике. На прошлой неделе ко мне пришла одна такая мадам — сделать педикюр. Ты бы видела счет — можно подумать, что она вырезала мне аппендикс!

— А как зовут эту женщину? — спросила миссис Мак — Ки.

— Некая Эберхардт. Работает по вызовам и обслуживает клиентов на дому.

— Какое премилое на вас платье, — добавила миссис Мак — Ки. — Просто восхитительное!

Надменно подняв брови, миссис Вильсон не приняла комплимент.

— Ну, что вы, милочка, — пренебрежительно произнесла она. — Эта такое старье, я надеваю это платье, когда мне, знаете ли, нет никакого дела до того, как я выгляжу.

— Что вы, что вы, — не унималась миссис Мак — Ки, — сидит, как влитое, и так идет вам. Знаете, если бы Честер сфотографировал вас в этой позе, получилось бы нечто потрясающее.

Все молча вытаращились на миссис Вильсон, а она откинула непокорную прядку со лба и наградила всех бриллиантовой улыбкой. Мистер Мак — Ки посмотрел на нее оценивающим взглядом профессионала, озабоченно цокнул языком и склонил голову набок. Протянул руку к ее лицу и убрал, потом снова протянул другую руку...

— Да, надо бы изменить освещение, — сказал он после паузы. — Хотелось бы подчеркнуть характерные черты лица. Пожалуй, если бы вы сели вот так — в пол — оборота, я бы попытался поймать в кадр ваши роскошные волосы, миссис Вильсон.

— Мне бы и в голову не пришло менять освещение, — вскричала миссис Мак — Ки. — Разве ты не видишь, что...

— Ш — ш-ш, — осадил ее муж, и мы опять посмотрели на объект фотосъемки, а тем временем Том Бьюкенен громко зевнул и встал со стула.

— Эй, Мак — Ки, вы бы лучше выпили чего-нибудь, — сказал он. — Миртл, неси лед и минеральную воду, пока все тут у тебя не уснули.

— Я уже сказала тому мальчишке насчет льда, — произнесла миссис Вильсон, выразительно нахмутив брови, как бы возмущаясь нерасторопностью низшего сословия. — Ну что за люди. За ними нужен глаз да глаз!

После этой тирады она посмотрела на меня и неожиданно рассмеялась. Схватила на руки щенка, чмокнула его в нос с какой-то избыточной нежностью и удалилась на кухню с таким видом, будто, по меньшей мере, дюжина поваров ожидала там ее указаний.

— Да, а мне удалось-таки сделать несколько премилых вещиц на Лонг — Айленде, — сказал мистер Мак — Ки самодовольным тоном.

Том посмотрел на него с удивлением.

— А два из них висят дома, в рамочке.

— Два... чего? — переспросил так ничего и не понявший Том.

— Два фотоэтюда. Один я назвал «Мыс Монток. Чайки», другой — «Мыс Монток. Море».

Кэтрин перебралась на диван и села рядом со мной.

— Вы тоже живете на Лонг — Айленде? — спросила она.

— Я живу в Вест — Эгге.

— Правда? Где-то с месяц тому назад я была в ваших краях на вечеринке. В доме некоего Гэтсби. Вы его случайно не знаете?

— Все говорят, что он то ли племянник, то ли двоюродный брат кайзера Вильгельма^[7], поэтому у него такая уйма денег.

Поток этой сногшибательной информации о моем соседе прервал возглас миссис Мак — Ки:

— Честер, а ведь у тебя бы получилось с ней, если бы ты как следует постарался.

— Да, дорогая, — мистер Мак — Ки рассеянно кивнул и снова обратился к Тому: — Я с огромным удовольствием поработал бы еще на Лонг — Айленде, если бы появилась такая возможность. Мне бы только заполучить этот шанс — и это все, о чем я прошу.

— А вы попросите Миртл, — коротко хохотнул Том в тот момент, когда миссис Вильсон вплыла в комнату с подносом. — Ты ведь напишешь рекомендательное письмо, а, Миртл?

— Что я должна написать? — обескуражено переспросила Миртл.

— Рекомендательное письмо для мистера Мак — Ки, а он вручит его твоему мужу и сделает пару — тройку фотоэтюдов.

Его губы зашевелились, должно быть, отражая мучительный процесс мышления, наконец, Том произнес:

— Ну, «Джордж Б. Вильсон на фоне бензонасоса» или что-нибудь в этом духе.

Кэтрин придвинулась вплотную и шепнула мне на ухо:

— У сестры и у Тома несчастные браки; она терпеть не может своего мужа, а он — свою жену.

— Да что вы?

— Терпеть не могут. — Она посмотрела на Миртл, потом на Тома. — Ума не приложу, как можно жить с человеком, которого терпеть не можешь? На их месте я бы давно уже развелась и поженилась.

— Получается, что она не любит Вильсона?

Ответ прозвучал совершенно неожиданно, мало того, ответила сама Миртл, услышавшая мой вопрос, — с внутренним ожесточением и до неприличия грубо.

— Слыхали? — воскликнула Кэтрин с одобрением и снова зашептала мне на ухо: Главная загвоздка в его жене: она католичка, а вы сами, небось, знаете, что им не положено разводиться.

Дейзи никогда не исповедовала католицизм, и я удивился изобретательности этой лжи.

— Но я думаю, что они все же поженятся, — продолжила Кэтрин, — переберутся на запад и проживут там какое-то время, пока разгорится весь этот сыр — бор с разводом.

— Тогда уж лучше сразу махнуть в Европу!

— О, так вам нравится Европа? — воскликнула Кэтрин с удивлением в голосе. — Я совсем недавно вернулась из Монте — Карло.

— Неужели?

— Да, я была там в прошлом году, ездила с подругой.

— Надолго?

— Нет, фактически только туда и обратно. Сошли на берег в Марселе. Можете себе представить — на двоих у нас было двенадцать сотен долларов! Так вот: через сорок восемь часов нас обобрали до нитки в этих частных казино. Это было ужасно, я не могу вам передать, что нам пришлось пережить, пока мы добрались домой. Боже, я возненавидела этот город!

На одно короткое мгновение серое нью — йоркское небо в окне вдруг стало лазурным, и я погрузился в ласковые воды Средиземного моря, но визгливый голосок миссис Мак — Ки вернул меня назад!

— Я сама чуть было не совершила самую большую ошибку в своей жизни, — оживленно продолжала она. — Чуть было не вышла замуж за маленького засранца, который буквально не давал мне проходу несколько лет. А знала же, что он и мизинца моего не стоил. И все мне тогда говорили: «Люсиль, этот человек тебе не пара...». И не повстречай я Честера, этот тип меня бы заполучил.

— Все это так, но послушайте, — сказала Миртл Вильсон, задумчиво покачивая головой, — в конце концов, вы ведь не вышли за него замуж.

— Само собой разумеется.

— А я вот вышла, — сказала Миртл, — и в этом-то разница между вашим случаем и моим.

— Только вот зачем ты это сделала? — попеняла ей Кэтрин. — По моему, никто тебя не принуждал.

Миртл смешалась и не нашлась сразу, что ответить.

— Я вышла за него, потому что мне казалось, что он джентльмен, — произнесла она наконец. — Я думала, что встретила человека с манерами, а он оказался жалким ничтожеством и подкаблучником.

— Так-то оно так, — заметила Кэтрин, — но какое-то время ты была им увлечена — прямо с ума сходила!

— Я... сходила по нему с ума?! — воскликнула Миртл с негодованием. — Кто сказал тебе, что я сходила по нему с ума? Если хочешь знать, я была увлечена им не больше, чем этим вот господином.

Она раздраженно ткнула пальцем в мою сторону. Все посмотрели на меня с осуждением. Я немедленно встrepенулся, демонстрируя всем присутствующим, что и в мыслях не держал посягнуть на чувства этой достойной женщины и ровным счетом не имел никакого отношения к ее бурному прошлому.

— Но я действительно сошла с ума, когда вышла за него. Правда, не понадобилось много времени, чтобы понять, какую я совершила ошибку. Оказывается, он выпросил у приятеля его лучший костюм и щеголял в нем на свадьбе, а мне об этом и слова не сказал. Через несколько дней этот человек пришел в дом — моего благоверного как раз не было.

Миртл посмотрела по сторонам и убедилась в том, что все внимательно ее слушают.

— Вот как, говорю я ему, так это ваш костюм. Впервые об этом слышу. Конечно, костюм я ему вернула, а потом упала на диван и редела весь день.

— Ей нужно бежать от него, сломя голову, — подвела итог Кэтрин. — Одиннадцать лет они живут на этой голубятне над гаражом. Знаете, а ведь Том у нее — первый за все эти годы.

Бутылка виски — вторая за этот вечер — пошла по кругу, вызвав оживление у всех присутствующих, кроме Кэтрин, которая уверяла

нас, что «ей достаточно... и вообще... страшно весело и так...» Том отправил привратника за какими-то удивительными сэндвичами, якобы запросто заменяющими ужин по полной программе. Мне ужасно хотелось уйти, подышать свежим воздухом, побродить в сумерках по аллеям парка, но как только я собирался подняться и откланяться, то сразу же оказывался вовлеченным в очередной спор на повышенных тонах, который буквально приковывал меня к креслу. Неожиданно мне пришло в голову, что в этот самый момент случайный прохожий смотрит с улицы на наши светящиеся под самой крышей окна и силится понять, какие страсти кипят за желтыми квадратами оконных рам, какие людские секреты таят они в этот летний вечер. Мне даже показалось, что я отчетливо вижу его поднятую вверх голову, выражение лица, задумчивые глаза. Я чувствовал, что раздваиваюсь и нахожусь в комнате и одновременно на улице, — ошеломленный и восхищенный многообразием жизни и бесконечностью проявлений бытия. Миртл придвинула свой стул к моему дивану и начала рассказывать о том, как познакомилась с Томом, а мне хотелось закрыть глаза и раствориться в ее теплом дыхании и обволакивающих волнах тихого голоса.

— Впервые я увидела его в поезде. Мы оказались рядом: знаете, два маленьких сиденья возле тамбура, друг против друга — их всегда занимают в последнюю очередь. Я ехала в Нью — Йорк к сестре и собиралась у нее переночевать. Помню, на Томе был фрак и лакированные кожаные туфли, и я буквально не могла оторвать от него глаз, но как только он попытался поймать мой взгляд, я делала вид, что рассматриваю рекламу у него над головой. В толпе на вокзале он оказался рядом со мной и сильно прижался накрахмаленной манишкой к моему плечу. Я сказала, что немедленно позову полисмена, но он знал, что я этого не сделаю. Я была вне себя от возбуждения, наверное, в тот момент я вообще не понимала — садимся мы в такси или в вагон подземки. А в голове пульсировало что-то вроде: живешь только раз... живешь только...

Тут она отвернулась от меня к миссис Мак — Ки, и в комнате зазвенел ее нарочито громкий смех.

— Милочка, — чуть ли не кричала она, — да подарю я вам это платье, когда оно мне совсем надоест! Вот завтра же куплю себе новое — и подарю. Составлю список дел, которые немедленно нужно

переделать. Массаж и завивка, еще ошейник для собаки и такую симпатичную пепельницу на пружинке, главное, веночек на могилу матери — знаете, такой с черной муаровой лентой, он еще не осыпается все лето. Все нужно записать, иначе забуду...

На моих часах было девять вечера, но когда я, казалось почти сразу взглянул на циферблат, то с удивлением обнаружил, что стало уже десять. Мистер Мак — Ки уснул прямо в кресле, положив сжатые кулаки на колени, словно деловой человек, позирующий перед объективом фотокамеры. Я вытащил из кармана носовой платок и вытер на его щеке остатки засохшей пены, которая нервировала меня весь вечер.

Щенок сидел на столе, шурил подслеповатые глаза от густых клубов табачного дыма и время от времени жалобно подвывал. Какие-то люди внезапно появлялись перед моими глазами и так же внезапно исчезали, кто-то договаривался куда-то пойти, потом они терялись и снова находились друг от друга на расстоянии пары футов. Ближе к полуночи я увидел Тома Бьюкенена и миссис Вильсон, которые стояли лицом к лицу и выясняли на повышенных тонах, имеет ли право миссис Вильсон ссылаться на имя миссис Бьюкенен или даже просто упоминать его в разговоре.

— Дейзи! Дейзи! Дейзи! — кричала миссис Вильсон. — Говорила и буду говорить, когда захочу. Дейзи! Дей...

Без замаха, коротким и выверенным движением раскрытой ладони Том Бьюкенен разбил ей нос.

Потом началась неразбериха: на полу ванной комнаты появились окровавленные полотенца, забегали по комнатам женщины, раздались сварливо — негодующие возгласы и перекрывающий весь этот шум и гам надрывный полукрик — полувои боли и отчаяния. Мистер Мак — Ки проснулся, недовольно поморщился и отрешенно побрел к двери. На полпути он вдруг развернулся и с недоумением уставился на разыгравшуюся перед его глазами сцену: в загроможденной мебелью комнате его супруга и Кэтрин, неизвестно кого бранили и утешали, а на диване распласталось безжизненное тело, впрочем, пытающееся прикрыть окровавленный нос и гобеленовых прелестниц вчерашним номером «Таун Тэттл». Мистер Мак — Ки отвернулся и пошел к двери. Я осторожно снял свою шляпу с канделябра и вышел следом за ним.

— Давайте встретимся и позавтракаем как-нибудь на днях, — предложил он, когда мы спускались на лифте, стена и морщась с похмелья.

— Где и когда?

— Как скажете.

— Не трогайте рычаги! — нутряным голосом заблажил мальчик — лифтер.

— Прошу прощения, — с достоинством ответил мистер Мак — Ки. — Я даже не заметил, что дотронулся до рычага.

— Хорошо, — произнес я. — Буду рад.

...Потом я почему-то стоял у его кровати, а он сидел на ней в нижнем белье, вдрызг пьяный, с огромной папкой в руках.

— «Красавица и чудовище»... «Одиночество»... «Старая кляча из бакалеи»... «Бруклинский мост»...

Потом я лежал в полусне на лавочке промозглого от сырости Пенсильванского вокзала, уставившись в утренний номер «Трибюн», и все никак не мог дождаться четырехчасового поезда.

Глава III

По вечерам на вилле моего соседа часто звучала музыка и раздавались приглушенные голоса — волшебный гимн богатства, молодости и любви причудливо вплетался в нежную мелодию летних сумерек; словно стайки беззаботных мотыльков, кружились в танце силуэты мужчин и женщин под ласковым звездным небом; юные сатиры и вакханки резвились в призрачной синеве сада среди гейзеров шампанского. В полдень, во время прилива, я часто видел гостившую у Гэтсби компанию, молодые люди ныряли с сооруженной прямо на причальном мостике вышки, загорали на раскаленном добела песчаном пляже, а две его моторные лодки вспарывали зеркальную гладь пролива, и сразу же следом за ними взлетали над пенными водопадами белокрылые аквапланы. По уик — эндам его «роллс — ройс» превращался в омнибус и, начиная с девяти утра до позднего вечера и даже далеко за полночь, доставлял гостей из города или в город, а его желтый фургончик отправлялся на железнодорожную станцию к каждому приходящему поезду и сновал взад — вперед, словно трудолюбивый жучок. По понедельникам прислуга — восемь человек, включая специально нанятого садовника, — принималась за уборку: все вооружались тряпками, швабрами, молотками, садовыми ножницами и трудились как пчелы, ликвидируя следы ночных вакханалий.

Каждую пятницу торговец фруктами из Нью — Йорка поставлял пять больших ящиков с апельсинами и лимонами, а каждый понедельник останки цитрусовых — куча полусохшей кожуры вывозилась с черного входа. На кухне стояла соковыжималка, и специально приставленный к ней работник за полчаса выжимал сок из двухсот апельсинов двумястами нажатиями большого пальца на крошечную кнопку.

По крайней мере, раз в полмесяца на вилле высаживался настоящий десант поставщиков и оформителей, доставлявших несколько сотен ярдов парусины и такое невероятное количество разноцветных лампочек, словно Гэтсби собирался превратить свой сад в гигантскую Рождественскую елку. На столах, в каре из сверкающих

блюд с разноцветными закусками, выстраивались шпалеры запеченных со специями окороков, стояли бастионами салатницы с переливающимися всеми цветами радуги салатами и блюда с запеченными в тесте молочными поросятами, блестели покрытые золотой корочкой индейки, зажаренные на вертеле.

В главной зале сооружался бар с настоящей медной стойкой и богатейшим выбором спиртного — от джина до ликера — и дамских напитков — от крушона до кордиала^[8], причем, последний был позабыт настолько, что современная молодежь вряд ли знала не только его вкус, но и само название.

Музыканты собирались к семи часам. И это был не какой-нибудь скромный квинтет, а симфонический оркестр в полном составе — смычковые, духовые и ударные инструменты: скрипки, гобои, тромбоны, саксофоны, альты, корнет — а-пистоны^[9], пикколо^[10], большие и малые барабаны...

К этому времени возвращались с пляжа последние купальщики и переодевались наверху в своих комнатах; вдоль частной подъездной дороги выстраивались автомобили с нью — йоркскими номерами — по пять в ряд; в залах и гостиных, на верандах и террасах прогуливались эфирные создания, одетые в необыкновенные наряды всех цветов, с очаровательными головками, стриженными по последнему крику моды, с наброшенными на плечи шальями, один только вид которых навсегда лишил бы модниц Кастилии^[11] сна и покоя. К этому времени бармены начинали работать не покладая рук, а расторопные кельнеры без устали разносили по саду подносы с экзотическими коктейлями, оставляя за собой густой шлейф восхитительных ароматов; воздух вибрировал от звонкого смеха и беспечных голосов, случайных намеков и многозначительных недомолвок — наступал час ни к чему не обязывающих светских знакомств и пылких объятий пар, часто так и не удосужившихся узнать друг у друга имена.

Чем больше отворачивала изнуренная Земля свой лик от утомившего ее за день Светила, тем ярче разгорались разноцветные огни в саду — и вот уже ударили литавры, и невидимый в сумерках оркестр заиграл жизнерадостную коктейль — сюиту, а голоса оперных певцов зазвучали на тон выше. С каждым мгновением смех становился все свободнее и громче, а манеры становились все раскованнее и

естественнее. Компании составлялись с такой же непринужденностью, как и распадались. А самые непоседливые — из числа юных и уверенных в себе красавиц — появлялись в обществе дам бальзаковского возраста, чтобы на короткое мгновение стать центром притяжения и внимания и тут же ускользнуть дальше с раскрасневшимися от очевидного успеха щеками — через череду приливов и отливов восхищенных лиц и голосов, сквозь полутона зыбкого мерцающего света. И не было еще случая, чтобы не заговорила хоть в одной из них кровь предков — кочевников: выхватит тогда красотка — цыганка бокал с коктейлем прямо из воздуха, выпьет до дна — для куража — и выскочит на парусину танцевальной площадки с горящими глазами — как танцовщица из табора в пене опаловых кружев; ее руки так и летают белокрылыми чайками, как у короля ритма Фриско, и она танцует в одиночестве и полной тишине, пока дирижер не подстроится под заданный ею ритм, а публика бурлит — вот уже пополз восхищенный шепоток, что это-де дублерша самой Гильды Грей из «Капризов». Вечеринка началась.

Думаю, в тот летний вечер, когда я впервые переступил порог дома Гэтсби, я входил в весьма узкий и ограниченный круг приглашенных. Обычно же гости съезжались безо всяких церемоний. Просто садились в машины и добирались до Лонг — Айленда, зная, что двери этого гостеприимного дома для них всегда открыты. Обычно кто-нибудь из окружения Гэтсби представлял ему новичка, а потом тот был волен вести себя так, как это принято в приличном обществе, правда, со скидкой на атмосферу уединенного увеселительного парка. Впрочем, бывали случаи, когда гостям так и не удавалось познакомиться с хозяином, но это было в порядке вещей, словно простосердечие и простота манер являлись здесь вполне извинительным обстоятельством и служили входным билетом в Сад наслаждений.

Что до меня, то приглашен я был с должными церемониями: ранним субботним утром по моему газону прошествовал шофер в голубой ливрее и вручил мне письмо от своего хозяина, удивившее меня изысканностью слога: мистер Гэтсби, было написано в послании, почтет для себя величайшей честью, если я соблаговолю сегодня вечером пожаловать к нему на «малый прием». Мистер Гэтсби давно уже имел честь видеть меня издалека, однако досадное и непредвиденное стечение обстоятельств помешало ему представиться

мне на правах старожила, впрочем, он надеется, что ему удастся исправить свою оплошность. И подпись: Джей Гэтсби, с витиеватым росчерком.

Сразу же после семи вечера в белом фланелевом костюме я прогуливался по ровному газону виллы Гэтсби скорее напряженно, чем непринужденно, чувствуя себя не в своей тарелке в столпотворении совершенно незнакомых мне людей, правда, некоторых из них я иногда встречал в вагоне нью — йоркского поезда. Больше всего меня поразило обилие легко узнаваемых лиц молодых британцев — прекрасно одетых, слегка голодных, всегда корректных, сосредоточенно беседовавших о чем-то с солидными и респектабельными американцами. Я сразу же подумал, что это страховые агенты или коммивояжеры продают что-нибудь вроде ценных бумаг, полисов или автомашин. Похоже, близость по — настоящему больших денег возбуждала их непомерный аппетит, создавая иллюзию того, что стоит только шепнуть слово нужному человеку (и сделать это правильно выбранным тоном), как денежки сами посыплются к ним в карманы.

Я сразу же отправился на поиски хозяина, но первые два или три человека, к которым я обратился, посмотрели на меня с нескрываемым удивлением и дружно принялись убеждать в своей полной неосведомленности. Мне не оставалось ничего другого, как направиться к столу с коктейлями — пожалуй, единственному месту в саду, где одинокий человек не будет выглядеть таким заброшенным и несчастным.

Скорее всего, здесь бы я и обосновался и напился как следует, исключительно по причине замешательства, если бы в этот самый момент из дома не вышла Джордан Бейкер. Она стояла на верхней ступеньке мраморной лестницы, слегка подавшись назад, и с насмешливым интересом разглядывала разгуливающую по саду публику.

Я не был уверен в том, что ее обрадует наша встреча, но мне обязательно надо было прибиться к знакомому или даже полужнакомому человеку, пока я не начал цепляться с разговорами к совсем посторонним людям.

— Привет! — закричал я, радостно бросившись ей навстречу.

Мой ненатурально оживленный и излишне громкий голос прокатился гулким эхом по всему саду.

— Я даже не сомневалась в том, что обязательно встречу вас здесь, — рассеянно произнесла она, пока я поднимался по ступенькам. — Мне, кажется, вы рассказывали, что живете по соседству...

Она не отпускала мою руку, как бы давая понять, что позаботится обо мне... но чуть позже, а сама развернулась к двум молодым девушкам в одинаковых желтых платьях, стоявших у основания лестницы.

— Здравствуйте! — закричали девушки дуэтом. — Жалко, что вы не выиграли.

Речь шла о гольфе, вернее, о финальной встрече турнира, которую Джордан бездарно проиграла на прошлой неделе.

— Вы нас не помните, — сказала одна из девушек в желтом. — А ведь мы познакомились с вами около месяца тому назад.

— Отчего же не помню, — заметила Джордан. — Только вы с тех пор перекрасились.

Я вздрогнул. К счастью, девушки уже ушли, и это язвительное замечание могла отнести на свой счет разве что надменная луна, неожиданно рано появившаяся сегодня над садом и попавшая сюда не иначе как по недосмотру поставщика — в корзине с провизией.

Изящная золотистая ручка Джордан скользнула мне под руку, мы спустились по ступенькам и решили немного погулять по саду. В сумерках, прямо перед нами, материализовался поднос с коктейлями, мы взяли по высокому бокалу и подсели к столу, где расположились две девушки в желтом и трое мужчин, каждый из них был одинаково невнятно представлен нам как «мистер Мамбл»!^[12]

— А вы часто бываете на здешних вечеринках? — спросила Джордан у девушки, сидевшей рядом с ней.

— Последний раз — с месяц тому назад; мы с вами тогда и познакомились, — бойко и смело ответила она; потом повернулась к своей подруге и спросила: — По — моему, ты тоже, Люсиль?

— Да, я тоже, — без запинки отчеканила Люсиль. — Мне здесь очень нравится. Знаете, я вообще редко думаю о том, что делаю, поэтому и живу без забот. В прошлый раз я сидела на стуле, зацепилась за гвоздь и порвала платье. Так он узнал мое имя, адрес —

и через какую-то неделю я получила коробку от Круарье, а в ней — новенькое вечернее платье.

— И вы не отправили его назад? — спросила Джордан.

— Чего бы это я его отправляла? Я вообще думала его сегодня надеть, но оно широковато в груди, так что нужно немного перешить. Чудное платье: голубой газ, а отделка — бледно — лиловый бисер. Все удовольствие — двести шестьдесят пять долларов!

— Да, что-то с ним не так, раз уж он делает такие вещи, — с надрывом изрекла первая девушка. — По — моему, он не желает иметь никаких неприятностей с кем бы то ни было.

— Кто не желает? — спросил я.

— Гэтсби! Мне рассказывали...

Обе девушки и Джордан доверительно склонились друг к другу.

— Мне рассказывали, что когда-то он убил человека...

От одного только упоминания об этом всех нас бросило в нервную дрожь. Даже три мистера Мамбла подались вперед, жадно вслушиваясь в ее слова.

— Не думаю, что так оно и было на самом деле, — скептически заметила Люсиль. — Дело в том, что во время войны он был немецким шпионом.

Один из мистеров Мамблов энергично закивал головой, как бы подтверждая правоту ее слов.

— То же самое сказал мне один мой знакомый, который знает о нем абсолютно все с малых лет, потому что вырос с ним в Германии, — поспешно заверил нас мистер Мамбл.

— О, нет, — сказала первая девушка, — это абсолютно невозможно, потому что Гэтсби служил в американской армии во время войны.

После этих слов кредит нашего доверия к Гэтсби сразу же резко возрос, а она продолжила с энтузиазмом:

— Вы только посмотрите на него, когда он думает, что его никто не видит. Держу пари: такой убьет — и не почешется!

От избытка эмоций она зажмурила глаза и даже задрожала. Следом за ней — и Люсиль. Всем стало не по себе, все стали озираться по сторонам, с ужасом ожидая увидеть подкравшегося сзади Гэтсби! Что же, подумал я, возможно, и были в прошлом этого человека романтические тайны и неразгаданные загадки — иначе не

распространялись бы о нем подобного рода слухи; мало того, о них не шептались бы в полусветских кулуарах те люди, которые не считают нужным понижать тон в любой другой ситуации.

Тем временем сервировали первый ужин, второй должны были подать после полуночи. Джордан предложила мне присоединиться к ее компании, обосновавшейся за столом в другом конце сада. Это были три супружеские пары и бойфренд Джордан — молодой человек с гонором из легко узнаваемой породы вечных студентов; время от времени он плоско острит и бросал прозрачные полунамекы так, словно одаривал присутствующих жемчугами, — и все это с мрачноватой и непоколебимой уверенностью в том, что рано или поздно Джордан неизбежно капитулирует под его неослабевающим натиском. Вместо того, чтобы разделить и веселиться каждый в свое удовольствие, они держались обособленно — чопорным кружком, словно взялись продемонстрировать всей честной компании, как принято вести себя во время загородной прогулки в аристократических кругах. Это был респектабельный Ист — Эгг, снизошедший до демократичного Вест — Эгга, но всячески дистанцирующийся от его балаганного веселья простолюдинов.

— Давай уйдем отсюда, — взмолилась Джордан через полчаса, — меня тошнит от всех этих церемоний.

Признаться, я и сам извелся, в конце концов, было просто нелепо тратить время на этих напыщенных и самодовольных «аристократов духа».

Сославшись на настоятельную необходимость встретиться с хозяином виллы, мы встали из-за стола. Джордан пояснила, что я так и не был ему представлен, поэтому чувствую себя крайне неловко. Всепонимающий студент кивнул с меланхоличной и вместе с тем циничной улыбкой.

Первым делом мы направились в бар — там была уйма людей, но Гэтсби среди них не оказалось. Мы поднялись по ступенькам, однако не обнаружили его и на веранде. Наугад отворив массивного вида дверь, мы вошли в библиотеку с устремленными ввысь стрельчатыми окнами в готическом стиле и резными панелями из английского дуба, похоже, вывезенными из Европы, из какого-нибудь разоренного войной замка. Дородный мужчина средних лет в огромных очках, придававших его лицу нечто свиное, сидел на краешке огромного

стола и пытался сфокусировать свой взгляд на полках с книгами — он был изрядно пьян. Когда мы вошли, он быстро развернулся на стуле и внимательнейшим образом изучил Джордан с ног до головы.

— Что вы об этом скажете? — отрывисто спросил он.

— О чем?

Он махнул рукой в сторону книжных полок.

— Обо всем этом. Не извольте сомневаться. Уж поверьте мне на слово — я давно проверил. Все настоящее.

— Книги? Он кивнул.

— Все до единой... никакой бутафории... переплеты, страницы и прочее. Я и подумать не мог, что здесь окажется что-то, кроме картонных обложек. Невероятно, но факт остается фактом: все до единой — настоящие. Страницы и... Хотя, что это я, позвольте мне вам показать.

Заподозрив нас в скептицизме, он сорвался с места, устремился к полкам и тут же вернулся с первым томом курса «Стоддардовых лекций».

— Вы только посмотрите! — закричал он ликующим голосом. — Оттиск, печать — все сделано bona fide^[13]. На эту наживку я и поймался! Но каков каналья — второй Веласкес!^[14] Это просто шедевр. Какая глубина! Какая экспрессия! Какой реализм! Главное, знал ведь, когда остановиться: даже страницы не разрезаны! Собственно, а чего же вы хотели? Этого и следовало ожидать!

С этими словами он выхватил книгу из моих рук, бережно поставил ее на место, бормоча что-то вроде, мол, вытащишь кирпичик, тут и всей библиотеке конец.

— А кто вас привел? — спросил он. — Или вы сами пришли? Меня, например, привели. Тут многих приводят!

Джордан посмотрела на него с многозначительным лукавством, но ничего не ответила.

— Да, — продолжил он, — помню, что меня привела леди по фамилии Рузвельт. Миссис Клод Рузвельт. Вы, случаем, ее не знаете? Я познакомился с ней вчера ночью, правда, не помню где. Так уж получилось, что я пьянствую всю эту неделю, почему-то пришло в голову, что атмосфера библиотеки настроит меня на трезвый лад.

— И что, помогает?

— Думаю, да — чуть — чуть. Пока рано утверждать что-нибудь определенно. Я не рассказывал вам о книгах. Знаете, это не бутафория. Все, что вы видите...

— Вы уже рассказывали.

Мы сочувственно пожали ему руку и вышли из библиотеки.

Тем временем на импровизированной парусиновой танцплощадке в саду начались танцы. Танцоры средних лет теснили своих молодых подруг к центру площадки, пожилые пары держались ближе к краю — партнеры бережно поддерживали друг друга, соблюдая между собой приличествующую возрасту дистанцию, и превеликое множество девушек танцевало в гордом одиночестве. Все кружились в бесконечном хороводе, а оркестр получал передышку только на те короткие мгновения, когда плакало банджо, и щелкали рефреном кастаньеты. К полуночи в саду Гэтсби не осталось равнодушных — все безудержно предавались веселью. Знаменитый тенор спел оперную арию на итальянском, а выступление не менее прославленного контральто сопровождал джаз — банд; между номерами музыкальной программы публика дурачилась, выделявая балетные па и «трюки», и тогда всполохи безудержного смеха доставали до небес. Дуэт эстрадных актеров — близнецов, при ближайшем рассмотрении оказавшихся старыми знакомыми — девушками в желтом, сыграл костюмированную пьеску из детского репертуара; шампанское давно уже начали наливать в огромные бокалы, размером чуть больше чаши для омовения рук. К этому часу луна поднялась высоко над заливом, на волнах которого под частую капель оловянных слез банджо играли блики расплавленного серебра.

Я по — прежнему сидел рядом с Джордан Бейкер за одним столом с двумя джентльменами моего возраста и юной проказницей, которая была готова залиться смехом по любому поводу. Я пребывал в прекрасном расположении духа. Приняв два бокала — чаши шампанского, я преисполнился осознания значительности и глубокой осмысленности происходящего вокруг нас.

Во время короткой паузы сидевший напротив мужчина посмотрел на меня и улыбнулся.

— До чего же знакомое лицо, — мягко произнес он. — Простите, вы случайно не служили в 3-й дивизии во время войны?

— Так точно, сэр, в 9-м пулеметном батальоне, сэр! — отрапортовал я.

— А я — в 7-м пехотном до июня тысяча девятьсот восемнадцатого. Я сразу понял, что мы с вами где-то раньше встречались.

Мы вспомнили войну, на какое-то мгновение вернувшись в выцветшие и промозглые от дождя французские деревушки. Я понял, что он живет где-то поблизости, когда он рассказал, что недавно приобрел гидросамолет, собирается провести полетные испытания завтра утром и спросил:

— Не хотите присоединиться, старина? На первый раз — только вдоль берега?

— А во сколько?

— В любое время — на ваше усмотрение.

Я только было собрался представиться и спросить, как его зовут, но тут Джордан повернулась ко мне, улыбнулась и спросила:

— Ну что, полегчало вам хоть немного?

— Да, спасибо, — ответил я и снова повернулся к новому знакомому. — Знаете ли, я в совершенно отчаянном положении: до сих пор так и не познакомился с хозяином. Я живу здесь, по соседству, — и махнул рукой в сторону скрытой в ночи живой изгороди, — и Гэтсби прислал ко мне своего шофера с приглашением на вечеринку.

Мне показалось, что на какое-то короткое мгновение в глазах моего собеседника промелькнули непонимание и даже растерянность.

— Прошу любить и жаловать: Гэтсби, — коротко отрекомендовался он.

— Что? — настал мой черед удивляться. — Ой, прошу прощения...

— Взаимно. Я думал, вы знаете. Боюсь, что хороший хозяин из меня так и не получился.

Он понимающе улыбнулся, вернее, в его улыбке было нечто большее, чем понимание. Это была редкостная улыбка, пожалуй, хватит пальцев одной руки, чтобы сосчитать, сколько раз за всю жизнь довелось мне увидеть такую. Казалось, что она предназначена только вам, но только на одно мимолетное мгновение, потом вы тонули во вселенской теплоте этой удивительной улыбки, словно впитавшей в себя все невысказанное дружелюбие окружающего вас мира. Это была

грустная улыбка умудренного жизнью человека, вам сразу же давали понять, что поймут вас ровно настолько, насколько вы сами того захотите, поверят так, как вам самим хотелось бы верить себе, наконец, она как бы исподволь убеждала вас в том, что здесь вы произведете именно то впечатление, какое и хотели бы произвести. Вдруг улыбка исчезла с его лица — и передо мной предстал элегантный молодой человек, прожигатель жизни и плейбой, слегка за тридцать, с показавшейся мне несколько неуместной склонностью к сложным лексическим периодам и по — светски изысканным оборотам речи. Еще до нашего с ним официального знакомства, я сразу же обратил внимание на эту его манеру: он словно плел из жемчужин слов сложное ожерелье. В этот самый момент появился мажордом, почтительно доложив, что мистера Гэтсби вызывают к аппарату — на проводе Чикаго. Гэтсби встал из-за стола и распрощался со всеми коротким кивком.

— Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, старина, — обратился он ко мне. — Приношу извинения — дела, я присоединюсь к вам несколько позже.

Как только он удалился, я сразу же повернулся к Джордан, чтобы поделиться с ней своими впечатлениями. Почему-то я представлял себе мистера Гэтсби толстячком средних лет с одутловатым багровым лицом.

— Кто же он такой? — спросил я. — Не знаете?

— Просто Гэтсби.

— Я имею в виду — откуда он родом, чем зарабатывает на жизнь...

— Ну, и вы туда же! — лениво усмехнулась она. — Знаю с его слов, что в свое время он учился в Оксфорде.

Где-то в глубине сознания забрезжил огонек, и кое-что начало проясняться, однако следующая же ремарка Джордан снова смешала все карты.

— Правда, я не очень-то этому поверила.

— Но почему?

— Трудно сказать, — решительно заметила она. — Почему-то мне показалось, что его там и близко не было.

Кое-что в ее словах напомнило мне давешнее высказывание девушки в желтом, мол, такой убьет — и не почешется, — но это только подстегнуло мое любопытство. Я перестал бы копаться в его

прошлом, узнав, например, что он родился в болотах Луизианы или в трущобах нью — йоркского Ист — Сайда. Как раз-таки это было бы вполне допустимо и понятно — мне доводилось слышать и более невероятные истории, но чтобы молодой человек вынырнул вот так из небытия и приобрел себе дворец на побережье залива Лонг — Айленд — это было уже слишком, даже на мой неискушенный взгляд провинциала.

— Во всяком случае, он регулярно дает балы и устраивает приемы, — заметила Джордан с чисто урбанистическим неприятием конкретности. — Обожаю большие приемы, вернее, то восхитительное ощущение анонимности и одновременно — интимности. В маленькой компании никогда не чувствуешь себя уединенно.

Неожиданно громко загудел большой барабан, и дирижер мощным басом перекрыл разноголосый гвалт веселящейся публики:

— Леди и джентльмены! По просьбе мистера Гэтсби мы исполним для вас новую композицию небезызвестного Владимира Тостофф, ставшую украшением концерта в Карнеги — холл в мае этого года. Если вы следите за прессой, то прекрасно помните: последнее произведение Владимира Тостофф стало настоящей сенсацией музыкального сезона.

Дирижер снисходительно посмотрел на притихшую публику и веско добавил:

— Абсолютной сенсацией!

Все засмеялись и зааплодировали.

— Итак, — бодро закончил он, — Владимир Тостофф, «Джазовая история мироздания».

Увы, суть произведения мистера Тостофф ускользнула от меня, поскольку после первых же мощных аккордов я обнаружил Гэтсби, который в одиночестве стоял на верхней площадке мраморной лестницы, а его взгляд с удовлетворением перебегал от одной группы гостей к другой.

Не было ничего зловещего в его внешности: приятный овал лица, смуглая от загара кожа, аккуратная короткая стрижка, словно он пользовался услугами парикмахера ежедневно. Он практически ничего не пил, и это обстоятельство не могло не выделить его на фоне безалаберного и шумного веселья. Казалось, чем раскованнее ведут

себя гости, тем сдержаннее и корректнее становится сам хозяин. Под заключительные аккорды «Джазовой истории», демонстрируя свое полнейшее восхищение и потрясение, девушки игриво падали в притворные обмороки, зная, что их тут же подхватят сильные руки верных рыцарей; только Гэтсби по — прежнему стоял один — никто не падал в его объятия, ни одна изящная головка с модной в этом сезоне французской стрижкой «боб» не легла на его плечо, не подошел к нему и ни один «солист» из числа любителей импровизированного вокала, которых здесь было более чем достаточно.

— Прошу прощения.

Над нашим столиком почтительно склонился мажордом мистера Гэтсби.

— Мисс Бейкер? — уточнил он. — Прошу простить, но мистер Гэтсби почтительно просит вас прибыть для конфиденциального разговора.

— Со мной? — удивленно переспросила Джордан.

— Да, мадам.

Она посмотрела на меня, удивленно подняв брови, медленно поднялась и последовала за мажордомом к дому. Про себя я отметил, что она носит вечернее платье, да и все другое, как спортивный костюм, — была в ее движениях какая-то элегантная небрежность, словно она училась делать свои первые шаги на поле для гольфа погожим солнечным днем.

Я опять остался один, на моих часах было уже два. Из выходявших на веранду окон до меня какое-то время доносились приглушенные и оттого еще более интригующие звуки голосов. Я с большим трудом отбилась от приятеля мисс Джордан, который умолял меня присоединиться к высокоинтеллектуальной беседе на родовспомогательную тему, которая завязалась у него с двумя хористками, и тоже пошел в дом.

Большая зала была набита битком. Одна из девушек в желтом сидела за пианино, а рядом с ней стояла молодая рослая рыжеволосая леди из знаменитой хоровой капеллы, ангажированная на сегодняшний вечер. Леди выпила море шампанского, поэтому во время пения она вдруг как-то некстати сообразила, что эта распроклятая жизнь грустна и безрадостна; поэтому она не столько пела, сколько плакала навзрыд. Каждая пауза заполнялась

деликатными прерывистыми всхлипываниями, а затем продолжалось исполнение музыкального номера вибрирующим от горя сопрано. Слезы текли из глаз леди, лились ручьем им не давали жирно накрашенные ресницы. Крупные слезы окрашивались в густой чернильный цвет, а только потом стекали по щекам грязно — фиолетовыми струйками. Кто-то из публики отпустил шуточку, мол, это ноты, которые она записала на щеках, чтобы не сбиться. Услышав это, рыжеволосая леди пьяно всплеснула руками, рухнула в кресло и погрузилась в тяжелый пьяный сон.

— Бедненькая, — с умилением пояснила стоявшая рядом со мной девушка, — у нее случилась потасовка с неким джентльменом, который выдает себя за ее мужа.

Я посмотрел по сторонам. Большинство оставшихся леди было занято перебранкой с джентльменами, выдающими себя за их мужей. Разлад не обошел стороной даже изысканную компанию Джордан — квартет из Ист — Эгга. Один из джентльменов с поразительным легкомыслием увлекся разговором с хорошенькой актрисой, а его жена, на первых порах делавшая вид, что это ее совершенно не занимает, разве что забавляет, мало — помалу закипала, а потом перешла к кинжальным фланговым атакам: как бы светясь изнутри от возмущения, она возникала то справа, то слева от мужа искрящимся бриллиантом и грозно шипела ему в ухо:

— Ты ж — же обещ — шал...

Справедливости ради нужно заметить, что не одни только легкомысленные гуляки — мужья категорически отказывались ехать домой. Прямо на моих глазах две потрясенные и возмущенные леди вели ожесточенный спор со своими вызывающе трезвыми мужьями. Жены выражали соболезнование друг другу на повышенных тонах.

— Дорогая, — устало жаловалась одна из них, — я уже и привыкла. Стоит ему только увидеть, что я по — настоящему весела, он тут же волочит меня домой.

— В жизни не видела такого законченного эгоиста.

— И всегда, всегда мы должны уходить первыми. — Мы тоже...

— Но сегодня мы чуть ли не последние, — конфузливо заметил один из супругов. — Даже оркестр и тот полтора часа как уехал.

Несмотря на страшные обвинения в коварстве, бессердечии и деспотизме, диспут завершился короткой стычкой, после чего

побежденные, но продолжающие оказывать ожесточенное сопротивление брыкающиеся жены были выведены под руки в ночной полумрак.

Пока я стоял у гардероба у выходной двери в зале и ждал, когда мне подадут шляпу, из библиотеки вышли Джордан Бейкер и Гэтсби. Похоже, он заканчивал последнюю взволнованную тираду прямо на ходу, но сразу же оказался в непроницаемом корсете светской учтивости, как только увидел, что несколько человек направились к нему попрощаться. Спутники мисс Джордан нетерпеливо ждали ее на веранде, но она остановилась на минутку пожать мне руку.

— Только что мне довелось выслушать просто потрясающую историю, — шепнула она. — Долго мы там просидели?

— Не меньше часа.

— Да уж... Просто потрясающе, — задумчиво повторила она. — Но я дала честное слово, что этот разговор останется между нами, — так что не буду вас интриговать. — Она грациозно зевнула прямо мне в лицо. — Заходите без церемоний... Телефонный справочник... Попросите соединить с миссис Сигурни Хауорд... Моя тетя...

Последние фразы она произносила уже на ходу, а в дверях небрежно махнула на прощание загорелой рукой и исчезла в сопровождении потерявших терпение провожатых.

Я чувствовал определенную неловкость из-за того, что несколько злоупотребил гостеприимством хозяина, и направился к Гэтсби, вокруг которого столпились самые стойкие гости. Я хотел еще раз извиниться за то, что не представился ему сразу же после появления на вилле, хотя и искал его весь вечер, равно как и за свою оплошность, когда я не признал его в саду.

— Право же, сущие пустяки, — добродушно оборвал он меня. — Даже не думайте об этом, старина. — В его непринужденной манере обращения было не больше фамильярности, чем в дружеском похлопывании по плечу. — И не забудьте: мы собирались полетать на гидроплане. Жду вас завтра утром в девять.

— Филадельфия на проводе, сэр, — раздался голос из-за спины.

— Хорошо, через минуту. Скажите, я сейчас буду. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Гэтсби улыбнулся, а я вдруг подумал: прекрасно получилось, что я ухожу сегодня одним из последних,

потому что он, похоже, и сам этого хотел. — Спокойной ночи, старина... Спокойной ночи.

Я спустился вниз по лестнице и обнаружил, что вечер еще не совсем закончился. В полусотне футов от входных дверей, в свете дюжины фар, перед моими глазами возникла необычная и странная картина. В кювете возле дороги лежал на правом боку новенький двухместный закрытый автомобиль с начисто срезанным колесом, пару минут тому назад целым и невредимым выехавший со стоянки. Причина исчезновения колеса прояснилась, стоило мне увидеть острый выступ стены, само же колесо лежало поблизости. У места аварии собралась полдюжина испуганных и сгорающих от любопытства шоферов. Брошенные ими авто заблокировали проезд, так что образовалась пробка, а завывание разноголосых звуковых сигналов выстроившихся сзади машин только усиливало хаос.

Мужчина в длинном до пят пыльнике вылез из-под покореженной машины и встал посреди дороги с уморительной миной на лице, недоуменно переводя взгляд с машины на колесо, а с колеса — на зевак.

— Нет, вы видели? — спросил он. — Прямо в кювет.

Похоже, он был безмерно удивлен самим фактом дорожного происшествия. Нетрадиционная манера выражать свое удивление сразу же показалась мне знакомой, а в следующее мгновение я узнал нетрезвого книголюба из библиотеки Гэтсби.

— Как это могло случиться? Он недоуменно пожал плечами.

— Я абсолютно не разбираюсь в механике, — решительно заявил он.

— Но все-таки, как это случилось? Вы наехали на стену?

— Даже не спрашивайте, — сказал Совиный Глаз, подразумевая, я-де умываю руки. — Я мало, что знаю о технике вождения, вернее, вообще ничего не знаю. Случилось — и все. Что я могу еще сказать?

— Хорошо, если вы пока еще неопытный водитель, зачем же вы сели за руль ночью... для чего же вы сели за руль, если толком не умеете управлять?

— А я и не управлял! — с возмущением объяснил он. — Чего бы это я управлял?

Все буквально оцепенели от непритворного ужаса.

— Так вы, э — э-э, самоубийца?

— Вам еще крупно повезло, что все закончилось только колесом. Это же надо такое учудить: садиться за руль и даже не пытаться рулить.

— Минуточку, — начал объяснять «отступник», — вы меня неправильно поняли. Это ведь не я рулил. В машине должен был остаться еще один человек.

Последнее заявление вызвало настоящий шок, и гулкое «а — а-ах» прокатилось по рядам зевак, но тут дверца машины стала потихоньку открываться. Ряды смешались, и толпа — теперь это была толпа — непроизвольно попятилась, а когда дверца открылась полностью, воцарилась зловещая звенящая тишина. Из искореженного железного чрева стал восставать, неспешно и по частям, словно флюоресцирующий, белый, как мел, фантом. Однако при ближайшем рассмотрении фантом оказался легкомысленного вида личностью, нетвердо державшейся на ногах, обутой в бальные туфли сорок пятого размера.

— Почему стоим? — добродушно и безмятежно справился он. — Бензин закончился?

— Да вы сюда — вот сюда посмотрите!

Дюжина указательных пальцев уткнулась в ампутированное колесо. Он посмотрел на него, потом на небо, должно быть, заподозрив, что именно оттуда оно и свалилось.

— Как ножом отрезало, — объяснил кто-то из шоферов. Он недоуменно кивнул.

— Надо же, а я и не заметил, что мы стоим.

После короткой паузы он глубоко вздохнул, расправил плечи и деловым тоном, при этом его язык слегка заплетался, поинтересовался:

— Ну — с, джентльмены, мне надо ехать, и не подскажете ли вы мне, где здесь ближайшая заправка?

Дюжина джентльменов, голоса которых звучали ненамного тверже, сразу же принялась убеждать его в том, что ехать решительно невозможно, поскольку не существует абсолютно никакой физической связи между колесом и лежащей в кювете машиной. И в этом все дело.

— Так вы ее — задним ходом, — порекомендовал он собеседникам после короткого размышления. — Включите задний ход — сдуйте слегка назад и вытащите машину, а дальше уж я как-нибудь сам.

— На чем? Колеса-то нет. Он заколебался.

— Но попробовать-то, в самом деле, можно, — заметил он.

Кошачий концерт гудков и сирен достиг крещендо. Я развернулся и прямо по газону пошел домой, но уже почти на пороге не удержался и оглянулся назад. Небеса над виллой Гэтсби были словно запечатаны свинцовой печатью луны, теплая летняя ночь была по — прежнему прекрасна, а в переливающимся разноцветными огоньками, но уже безжизненном саду не звучал веселый беззаботный смех. Зияющие провалы окон и расщелина парадного входа исторгали пустоту, а чуть размытый силуэт хозяина дома, застывшего на веранде с поднятой в прощальном приветствии рукой, показался мне особенно одиноким и неприкаянным.

* * *

Я перечитал записки и увидел, что создается такое впечатление, будто бы события трех вышеупомянутых вечеров, разделенных к тому же многими неделями, и составляли главное содержание моей тогдашней жизни. На самом же деле все было совершенно иначе, и те вечера были всего лишь случайными эпизодами насыщенного разнообразными событиями лета, и, само собой разумеется, в то время вечера эти занимали меня много меньше, чем проблемы личного характера.

Работа поглощала практически весь световой день. По утрам я направлял свои стопы в некую конторку со скромным названием «Честный кредит», и ласковое в это время суток солнце мягко отбрасывало мою верную тень на запад, пока я пробирался узкими расселинами улиц меж белых небоскребов Нью — Йорка. Со временем я узнал по именам многих молодых клерков и биржевых маклеров, и мы частенько завтракали вместе в мрачных и набитых битком, но зато дешевых ресторанчиках крошечными свиными сосисками с картофельным пюре и кофе — на десерт. У меня даже завязался короткий, но бурный роман с девушкой, которая жила в Джерси — Сити и работала в отделе депозитных счетов, но ее брат при встрече стал бросать на меня злобные взгляды, так что уже в июле я решил вполне уместным прервать эту связь, воспользовавшись ее отъездом в отпуск.

Ежедневно я обедал в ресторанчике Йельского клуба — и это было, пожалуй, самое мрачное время в течение рабочего дня, — потом поднимался по лестнице на второй этаж, в библиотеку, и с добрый час упорно грыз гранит инвестиций и кредитов. Среди членов клуба было немало кутил, но в библиотеку они не поднимались, так что работал я без помех. Вечером, если погода позволяла, я спускался вниз по Мэдисон — авеню, проходил мимо старинного «Мюррей — хилл отеля», поворачивал по 33-стрит и выходил прямо к Пенсильванскому вокзалу.

Я начал привыкать к колоритной и даже авантюрной атмосфере нью — йоркских вечеров, безоговорочно полюбил состояние того необъяснимого удовлетворения, которое испытываешь, глядя на беспрестанное мельтешение мужчин, женщин и машин на улицах и площадях большого города. Мне нравилось бродить по Пятой авеню среди вечно куда-то спешащих нью — йоркцев, выбирать взглядом женщин с изысканной романтической внешностью и загадывать: вот сейчас познакомлюсь с ней, войду в ее судьбу, и никто никогда ничего не узнает, — а если и узнает, ни в чем не упрекнет. Время от времени я мысленно следовал за своей избранницей и провожал ее прямо до апартаментов на углу какой-нибудь старинной, полной таинственного очарования улочки, и она смотрела на меня с загадочной улыбкой, прежде чем скрыться в уютном полумраке за дверь. Бывало и так, что очарованные сумерки восточной столицы как бы отторгали меня, — тогда я чувствовал одиночество, грызущее душу, и ощущал эту безнадежность и в других — бедных молодых клерках, тоскующих у роскошных витрин в ожидании опостылевшего часа одинокого холостяцкого ужина, молодых нищих клерков, прекрасно понимающих, что проходят лучшие мгновения и часы не только этого вечера, но и всей жизни, увы, такой быстротечной.

Позже, после восьми вечера, когда пульс живущего обычной суматошной жизнью города особенно учащался, в сумерках 40-стрит с трудом пропускали через свои склеротические вены потоки машин, едущие по направлению к «театральной миле», я чувствовал, что беспокойное сердце мое трепещет и рвется из груди. Неясные, прильнувшие друг к другу, тени в салонах такси, норовисто пофыркивающих на перекрестках, отголоски чужих песен и раскаты чужого смеха, малиновые огоньки сигарет, расцветивающие полумрак

витиеватыми вензелями, — все это тревожило и бредило душу. Нет, я не испытывал зависть, а только представлял себе, что это я мчусь куда-то в погоне за неземными наслаждениями, — я искренне радовался за них и желал им только добра.

На какое-то время я потерял из вида мисс Бейкер и встретился с ней снова только в середине лета. Я тешил свое самолюбие знакомством с чемпионкой по гольфу, любил бывать с ней в обществе и слышать восхищенный шепоток болельщиков и поклонников, знавших ее в лицо. Потом родилось и более сложное чувство. При этом не могло быть и речи о влюбленности — просто я был заинтригован, и мною двигало чисто мужское любопытство. Мне было крайне важно узнать, что же на самом деле скрыто за этой маской надменной пресыщенности — ведь рано или поздно все наносное и напускное слетит, как шелуха, обнажив истинную суть. Вскоре такой случай представился. Как-то мы были с ней на приеме в одном доме, в Варвике, и она там бросила под проливным дождем взятую у приятелей машину — бросила, позабыв закрыть раздвижную крышу, а потом преспокойно солгала что-то, объясняясь по этому поводу. И в этот момент я, наконец, вспомнил ту неприглядную историю, связанную с Джордан, которая забрезжила было в моей памяти во время нашей первой встречи у Бьюкененов. Я вспомнил, как на ее первом крупном турнире по гольфу в кулуарах пополз слухок, едва не попавший на первые полосы местных газет, что в полуфинале Джордан загнала мяч в невыгодную позицию и то ли подвинула его к лунке, то ли отодвинула от нее. Эта малоприятная история начала перерастать в крупный скандал, который все же удалось замять. Вначале отказался от своих первоначальных показаний мальчик — клюшконос, а потом и другой свидетель признался, что мог ошибиться. Так или иначе, но этот инцидент и замешанные в нем персоны сохранились в моей памяти.

Джордан Бейкер инстинктивно избегала людей незаурядных с аналитическим складом ума. И вот ведь парадокс: она чувствовала себя защищенной только среди людей глубоко порядочных, даже и в мыслях не допуская, что в их кругу может появиться человек с поведением, мягко говоря, предосудительным. При этом сама Джордан была патологически бесчестна. Она относилась к тому сравнительно редкому типу женщин, которые стремятся быть сильнее

обстоятельств и стремятся к этому любой ценой. Я готов допустить, что этим качеством она обзавелась в ранней молодости, когда все казалось эпатажем, одним из способов самоутверждения, возможностью взирать на мир с холодной улыбкой и потворствовать малейшим прихотям своего упругого и соблазнительного тела.

Я не делал из этого никакой трагедии. Неблаговидные поступки не отнесешь к числу наихудших женских изъязнов — обычно стараешься не обращать на них внимания, а если и обращаешь, то не судишь очень уж строго. Признаться, вначале я был несколько огорчен, а потом перестал даже думать об этом — вот и все. На той же вечеринке в Варвике между нами состоялась прелюбопытнейшая дискуссия о культуре вождения. Все началось с того, что она проехала настолько близко от стоявшего на перекрестке рабочего, что крылом мы зацепили и хорошенько рванули полу его куртки — при этом пуговицы и заклепки так и посыпались на дорогу.

— Вы — отвратительный водитель, — возмутился я. — Нужно быть осторожней или вообще не садиться руль.

— Я и так осторожна.

— Только что в этом я убедился.

— Значит, другие осторожны, — беззаботно ответила она.

— При чем тут другие?

— Они будут уступать дорогу из-за своей осторожности, — пояснила Джордан. — Знаете ли, для транспортного происшествия требуется минимум два участника.

— А если вам попадется такой же водитель, как вы?

— Надеюсь, что никогда не попадется, — ответила она. — Ненавижу неосторожных людей. Зато такие, как вы, мне очень нравятся!

Ее серые прищуренные от солнца глаза внимательно смотрели на дорогу. Она намеренно старалась изменить характер наших взаимоотношений, во всяком случае, в тот момент мне показалось, что я влюблен. Однако я предпочитаю слыть тугодумом в подобного рода ситуациях, кроме того, я взял за правило ни при каких обстоятельствах не преступать свой собственный моральный кодекс и для начала разрешить малоприятную проблему, возникшую у меня дома: я был помолвлен с одной девушкой. Регулярно — раз в неделю — я продолжал отправлять ей письма с обязательной подписью: «Целую.

Люблю. Ник», но все, что я помнил о ней, — это капельки пота, выступавшие над верхней губой во время игры в лаун — теннис. Нас с ней практически ничего не связывало, но требовалось деликатно внести ясность в наши отношения, прежде чем я мог бы считать себя окончательно свободным от матримониальных обязательств.

Каждый из нас считает себя воплощенной добродетелью, по крайней мере, знает свои достоинства, порой скрытые от других; например, я отношу себя к той сравнительно небольшой группе честных людей, с которыми мне довелось иметь дело в этой жизни.

Глава IV

Рано утром в воскресенье, под звон колоколов звонниц прибрежных поселков, оголодавшие светские львы и их львицы вернулись в дом Гэтсби, расцветив зеленые лужайки яркими и нарядными туалетами.

— Да он бутлегер^[15], милая моя, — сказала одна молодая леди своей собеседнице, оторвавшись от букета его цветов, чтобы допить его коктейль.

— Я знаю только то, что он убил человека, узнавшего в нем племянника фон Гинденбурга^[16] — ответила ее товарка. — Сорви мне розу, дорогая, и налей еще капельку вот в этот хрустальный бокал.

Из любопытства и по собственной инициативе я начал вести журнал визитов того лета на полях железнодорожного расписания. Сейчас оно лежит передо мной — пожелтевшая бумага потерлась на сгибах, чернила выцвели, но еще можно различить штемпель «Действительно с 5 июля 1922 г.» и разобрать сделанные мною записи. Это своего рода документальное свидетельство, которое позволяет представить себе размах гостеприимства дома Гэтсби и всех тех «аристократов духа», кто этим гостеприимством пользовался, учтиво воздавая хозяину тем, что ровным счетом ничего о нем не знал, да и не желал знать.

Из Ист — Эгга приезжали супруги Честер — Бек и Личи, а также некий джентльмен по фамилии Бунзен, известный мне со времен Йеля; бывал здесь и доктор Вебстер Сивет, утонувший прошлым летом где-то в Мэне. Далее: Хорнбимы, Вилли Вольтер с супругой и клан Блэкбаков, которые обычно сбивались в стадо где-нибудь в углу и ожесточенно трясли бородами, как козлы, если кто-нибудь пытался подойти к ним поближе. Затем: Исмэи и Кристи (чаще мистер Хуберт Ауэрбах и супруга мистера Кристи!), а с ними и Эдгар Бивер — знаменитый тем, что в одночасье, вернее, за один зимний полдень, поседел как столетний старик, главное, что никто — и он в том числе — так до сих пор и не знает почему.

Если я не ошибаюсь, был здесь и Кларенс Эндайв из Ист — Эгга. Он приезжал один — единственный раз, в белых бриджах, и затеял

потасовку в саду с местным прощельгой по фамилии Этти. С другого конца острова приезжали Чидлзы, О. Р.П. Шредеры, Стонуолл Джексон Абрамс из Джорджии, Фишгарды и Рипли Снелл. Снелл приезжал ровно за три дня до того, как попал в федеральную тюрьму, и набрался до такого состояния, что улегся спать на дороге, а миссис Юлиссез Свэтт проехала на автомобиле по его правой руке. Дэнси обожали приезжать сюда всем семейством, равно как и С. В. Вайтбэт, которому было уже хорошо за шестьдесят, а также Хаммерхеды и Белуга, импортер табака, со своими дочерьми.

Из Вест — Эгга приезжали Поулы, Малреди, Сесил Роубэк и Сесил Шен, а также Галик, сенатор штата Нью — Йорк; Ньютон Оркид, контролировавший «Филмз пар экселленц», Эксхот, Клайд Кoen, Дон С. Шварце (сын) и Артур Мак — Карти — пять последних были так или иначе связаны с кинобизнесом. Затем: Кэтлипсы, Бемберги и Г. Эрл Малдун — родной брат того самого Малдуна, который впоследствии удавил свою жену. Частенько навещался сюда и известный промоутер Да Фонтано. Эд Легро, Джеймс Б. Феррет (Сучок), Де Джонг с супругой и Эрнст Лилли — все они приезжали посидеть за ломберным столиком, а если Феррет выходил в сад проветриться, это означало, что он проигрался в пух и прах, и акции «Ассошиэйтед трэкшн» подскочат завтра на бирже на несколько пунктов.

Некий джентльмен по фамилии Клипспрингер бывал здесь так часто и так подолгу, что получил прозвище «Постоялец», да он и был пансионером, поскольку своим собственным жильем, по — моему, так и не обзавелся. Из «мира Мельпомены» у Гэтсби бывали Гас Уэйс, Орэйс О'Донован, Лестер Майер, Джордж Даквид и Фрэнсис Булл. Из Нью — Йорка приезжали Кромы, Бэххиссоны, Денникеры, Рассел Бетти, Корриганы, Келлехеры, Дьюары, Скелли, С. В. Белчер, Смерки и молодые Квинны (сейчас они в разводе), наконец, Генри Л. Пальметто, который покончил жизнь самоубийством (бросился под поезд сабвея на станции «Таймс — сквер»).

Бенни Мак — Кленаван всегда приезжал в сопровождении четырех девушек — не всегда одних и тех же, но походивших друг на друга, как однойцовые близнецы, поэтому все считали, что именно эти и были здесь в прошлый раз. Мне трудно вспомнить их по именам, но, по — моему, их обычно звали Жаклин, возможно, Консуэло или Глория, или

Джун, или Джуди; зато фамилии были красивые — мелодично звучащие названия цветов или же месяцев, впрочем, могли быть названы и громкие фамилии каких-нибудь воротил американского бизнеса, а если вы проявляли настойчивость, вам по секрету признавались; что это-де их племянницы и кузины.

В дополнение к вышесказанному могу добавить, что видел там Фаустину О'Брайен минимум один раз, кроме нее — девиц Бедекер, молодого Брюера, которому на войне оторвало осколком нос, мистера Албруксбургера и мисс Хааг — его невесту, Ардиту Фиц — Петерс и мистера П. Джуветта, бывшего в свое время шефом «Американского легиона»^[17]. Наконец, мисс Клаудия Хип с молодым человеком, которого она представляла как своего шофера и Принца Какого — То Там Королевства, которого мы прозвали Дюком (не могу вспомнить его имени, если вообще знал его когда-нибудь).

Все эти люди бывали у Гэтсби тем далеким летом.

* * *

Как-то в конце июля, примерно в девять утра, роскошное авто Гэтсби подъехало к моему дому, подпрыгивая на бульжниках подъездной дороги, и остановилось, сверкающий хромом рожок разразился бойкой триолью^[18]. После той вечеринки я дважды побывал на вилле Гэтсби, летал на гидроплане и, воспользовавшись его настойчивым приглашением, загорал у него на пляже, — он же посетил меня впервые.

— Доброе утро, старина. Вы не забыли, что мы завтракаем сегодня в городе? Вот и поехали вместе...

Он сидел в салоне, удобно устроившись за приборной панелью, свободно и расслабленно, с той удивительной природной грацией и изяществом, которые отличают сто процентного американца из общества от других прямоходящих! Я склонен объяснять этот феномен незакрепощенностью мышц, связанной с тем, что их счастливому обладателю не пришлось зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом, и правильной осанкой, выработанной в детстве, однако самый весомый вклад, на мой взгляд, сюда вносят наши национальные спортивные игры — быстрые, нервные и грациозные. Что касается Гэтсби, то взрывная энергия его тренированного тела постоянно искала выхода, выражавшегося в постоянной нацеленности на

движение и в своего рода импульсивности, придававшей его обычно сдержанным и педантичным манерам своеобразный шарм. Он и минуты не мог посидеть спокойно — то ногой отбивал ритм, как танцовщик, то с силой сжимал и разжимал кулаки, как боец перед схваткой.

— Что скажете, старина? — стремительным и гибким движением он выбрался из машины, чтобы дать мне рассмотреть салон. — Правда, хороша? Вы ее раньше видели?

Конечно, я видел ее раньше. Все в округе видели ее — и не раз. Сверкающий никелем и хромом, насыщенного кремового цвета болид с удлиненным хищным корпусом и полудюжиной отделений для шляп, шляпок и инструментов, встроенным баром и еще бог весть чем, дюжиной сияющих ветровых щитков, в которых отражалась тысяча солнц. Мы уселись в обитую зеленой кожей «оранжерею» на колесах, отгородились от окружающего мира полудюжиной створок, стекол, щитков и дверец и помчались в Нью — Йорк.

Я встречался с ним уже не первый раз и, к моему величайшему огорчению, вынужден был признать, что говорить нам практически не о чем, вернее, Гэтсби мало что имел мне сказать. Первое впечатление масштабности и значительности его личности как-то постепенно ушло, и я стал относиться к нему, как к владельцу модного и дорогого загородного ресторана, расположенного к тому же рядом с моим домом.

Вот эта поездка и оказалась для меня весьма важной в плане постижения загадочной души богатого соседа. Мне сразу же показалось, что сегодня он, если и не встревожен, то чем-то расстроен: еще на полпути к Вест — Эггу Гэтсби стал рассеянно обрывать свои изящно построенные фразы, нерешительно похлопывать себя по коленям, одергивать полы пиджака и расправлять несуществующие складки на брюках цвета жженого сахара.

— Послушайте, старина, — неожиданно спросил он. — Вы, верно, составили мнение на мой счет?

Ошеломленный вопросом в лоб, я попытался было уклониться от прямого ответа, отделавшись ни к чему не обязывающими тривиальностями, к которым такого рода вопросы обычно и обязывают.

— Оставьте. Пустое! — властно оборвал он меня. — Хорошо, я расскажу вам о себе. Мне бы крайне не хотелось, чтобы вы питали свое любопытство теми совершенно дикими историями, которые ходят обо мне в нашем кругу.

Следовательно, для него не были секретом чудовищные слухи о нем, гулявшие по залам и гостиным его виллы, — вся та злоречивая болтовня, которую просто обожали наши светские сплетники и сплетницы.

— Клянусь говорить правду и только правду! — после этих слов, прозвучавших одновременно высокопарно и саркастически, Гэтсби действительно поднял правую руку, как бы призывая Вседержителя в свидетели защиты. — Я отпрыск богатого и знатного рода, родился на среднем западе, увы, эта генеалогическая ветвь на мне и закончится. Рос я в Америке, получил образование в Оксфорде, поскольку все мои предки учились в этом университете, и это стало своего рода семейной традицией.

Он искоса посмотрел на меня, и я понял, почему Джордан Бейкер заподозрила его в неискренности: «Получил образование в Оксфорде» прозвучало настолько скомкано и фальшиво, словно он знал, что эта фраза всегда дается ему с большим трудом, и потому торопился произнести ее как можно быстрее. Я понял, что не могу верить этому человеку, отныне незримая печать недостоверности будет отмечать все произнесенные им слова, и неожиданно для себя подумал: а не идеализировал ли я его? Может быть, он и в самом деле такая темная личность, каким рисует его молва?

— Где именно на среднем западе? — спросил я, чтобы что-нибудь спросить.

— В Сан — Франциско^[19].

— Понятно...

— Все мои родственники отошли в мир иной, оставив мне в наследство крупное состояние.

Это прозвучало с такой напыщенностью и безграничной скорбью в голосе, словно он по сей день не мог смириться с безвременной кончиной членов своего клана, что я даже подумал: полноте, он ведь нарочно морочит мне голову, — и хотел было понимающе ухмыльнуться, но, взглянув на него, сразу же отказался от своих намерений.

— И вот я — сказочно богатый, как молодой индийский раджа — отправился в путешествие по Европе, жил в лучших отелях и дворцах Парижа, Венеции, Рима; отбирал для своей коллекции драгоценные камни — прежде всего, рубины; пристрастился к охоте и охотился на крупного зверя; немного ваял, рисовал — просто для себя. Я жил, как в полусне, стараясь отринуть тоску и забыть то, что со мной произошло.

Признаться, я едва сдерживал себя, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо. Чего стоила одна только его пропахшая нафталином лексика! Замшелые фразы, почерпнутые явно из приключенческих романов, все эти тюрбаны и рубины вместе с охотой на тигра, не иначе как в *Vois de Boulogne!*^[20] Перед моими глазами вставал сказочный персонаж из книжки для детей младшего возраста: соломенное пугало и опилки, сыплющиеся из прорех его кафтана, на дорогу, вымощенную желтым кирпичом!

— Потом началась война. Здесь, в комиссариате, я получил патент на чин первого лейтенанта^[21] и поехал воевать. Я вздохнул с облегчением и решил принять смерть на поле боя, но пули меня не брали, старина.

В Аргоннском лесу я командовал двумя сводными пулеметными ротами, вернее, тем, что от них к тому времени осталось. Так вот, мы прорвали линию обороны немцев, а пехота нас не поддержала: с правого и левого фланга образовались бреши шириной по полмили. Два дня и две ночи мы удерживали позиции — сто тридцать бойцов и шестнадцать «лююисов», — потом пехота все-таки соединилась с нами, а разведка доложила, что нас пытались смять три немецкие пехотные дивизии; во всяком случае, у трупов, которые буквально штабелями лежали на поле брани, были знаки различия трех разных дивизий. Я был произведен в майоры, а правительства каждой из стран, входивших в Антанту, наградили меня орденами — даже Черногория, крошечная Черногория на побережье Адриатики.

Крошечная Черногория! Он словно попробовал на вкус эти слова, удовлетворенно кивнул головой и улыбнулся. Улыбка эта, судя по всему, адресовалась Черногории, ее тревожной истории и героической борьбе черногорцев, как если бы умудренный богатым жизненным опытом человек анализировал геополитическую цепь событий и обстоятельств в их причинно — следственной связи, одним из узловых

звеньев которой была незащищенная европейская держава и ее скромный дар от чистого сердца. Лед недоверия был растоплен; за несколько минут его короткого рассказа я словно окунулся в атмосферу тех горячих деньков и перелистал дюжину иллюстрированных журналов военного времени.

Гэтсби полез в карман, и тяжелый кружок металла на ленте опустился в мою ладонь.

— Это один из тех орденов — от Черногории.

К моему искреннему удивлению, орден выглядел как настоящий. «Orderi de Danilo» — вилась причудливая вязь латиницы на аверсе — «Montenegro, Nicolas Rex».

— Переверните.

Я прочитал выгравированную на реверсе надпись: «Майору Джею Гэтсби. За выдающуюся доблесть».

— Да, и вот еще что я все время держу при себе — на память об оксфордских деньках. Снято в том самом четырехугольном дворе Тринити — колледжа. Слева от меня — нынешний граф Донкастер.

На фотографии группа праздных молодых людей в блейзерах стояла под аркой, за которой виднелись шпили зданий и церквей. Я сразу же узнал Гэтсби в молодом человеке с битой для крикета в руке — он выглядел моложе, чем сейчас, но не так, чтоб уж очень namного.

Боже мой, значит, все это правда! Значит, висели полосатые тигровые шкуры на стенах его Охотничьего зала во дворце у Большого канала^[22], значит, действительно набирал он полные пригоршни рубинов, склонившись над сундуками с сокровищами, чтобы, увлекшись игрой багряных граней, хоть на мгновение забыть боль, терзающую его плоть и душу.

— Да, старина, я сегодня намеревался попросить вас об одной услуге, — сказал он с довольным видом, раскладывая сувениры по карманам, — поэтому и решил рассказать немного о себе. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы считали меня каким-то ничтожеством. Вы же знаете, я постоянно окружен абсолютно чужими и чуждыми мне людьми, но так, или в скитаниях я надеюсь забыть то, что со мной произошло. — Он запнулся, но тут же добавил: — Да, видимо, сегодня я и расскажу вам мою грустную повесть.

— За ленчем?

— Нет, нет, — сегодня днем. Я тут краем уха слышал, что вы пригласили мисс Бейкер на чашку чая, не правда

— Надеюсь, вы не скажете мне, что влюблены в нее и требуете сатисфакции?

— Нет, старина. Конечно, нет. Просто мисс Бейкер была настолько любезна, что согласилась переговорить с вами по интересующему меня делу.

Я не имел ни малейшего представления, о каком таком «деле» может говорить со мной Джордан, но был скорее раздосадован, чем заинтригован. Я уговаривался с ней о встрече вовсе не для того, чтобы обсуждать проблемы мистера Джея Гэтсби. Не знаю почему, но я даже не сомневался, что «дело» это не стоит и выеденного яйца, и досадовал на себя уже за то, что некогда принял приглашение и переступил порог его уж слишком гостеприимного дома.

Больше он не вымолвил ни слова. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем неприступнее становилась стена холодной корректности, которой он старался отгородиться от меня. Промелькнул Порт — Рузвельт с океанскими лайнерами, украшенными красной полосой, мы мчались по старинной бульжной мостовой мимо неосвещенных, но заполненных страждущими салунов с блестками позолоты на линялых вывесках, сохранившихся здесь с начала девятисотых. Потом по обе стороны дороги потянулись проплешины Долины Пепла, и я успел заметить миссис Вильсон, надрывающуюся у помпы.

Распластав кремовые крылья, наш сверкающий болид пролетел через половину Астории, но только через половину, — едва мы закружили меж опор надземной железной дороги, как я услышал привычное тарыхтение мотоцикла, нас догнал рассерженный полисмен и поехал бок о бок с нами, но только по соседнему ряду.

— Все нормально, старина, — крикнул мне Гэтсби.

Мы свернули к обочине и остановились. Гэтсби достал из бумажника какую-то белую карточку и сунул ее под нос полисмену.

— Все в порядке, проезжайте, — вскинул руку к козырьку полисмен. — В следующий раз узнаю вашу машину, мистер Гэтсби. А сейчас приношу извинения.

— Что это вы ему показали? — спросил я, когда мы отъехали. — Открытку с видом Оксфорда?

— Нет, как-то раз мне случилось оказать дружескую услугу комиссару полиции, и с тех пор он присылает мне почтовую карточку к каждому Рождеству.

Солнце повисло в перекрестье ажурных ферм прямого, как стрела моста, играя бликами на крыльях вечно спешащих куда-то автомашин. За рекой липкой грудой сахарных головок и белоснежного кускового рафинада лежал город, возведенный здесь мистической силой денег, которые, как известно, не пахнут. Он всегда представляется таким с моста Квинсборо, и всякий раз смотришь на него словно впервые, и всякий раз он манит и очаровывает тебя, обещая бросить к твоим ногам все тайны и красоты мира.

Вот и похоронные дроги с гробом, заваленным цветами, а следом за ними — два наемных экипажа мрачной расцветки с задернутыми занавесями; должно быть, в них сидят безутешные родственники усопшего, и менее мрачной расцветки фиакры — для знакомых и друзей. Друзья, короткогубые европейцы — откуда-нибудь с юга или востока — печально смотрели на нас, и я подумал, может быть, это и к лучшему, что хоть на какое-то время вид роскошного авто Гэтсби отвлек их и частично сгладил угрюмую безысходность похорон. Когда мы пересекали Блэквэллс — Айленд, навстречу нам выехал шикарный лимузин с белым шофером, тремя модно одетыми неграми, двумя фатоватого вида парнями и девушкой. Я громко рассмеялся, когда негроиды вылупили глаза, ревниво разглядывая нас и нашу машину.

Теперь-то все может случиться, раз уж мы перебрались через этот мост, — подумалось мне, — причем, абсолютно все и со всеми.

Даже с Гэтсби — и в этом не было бы ничего удивительного.

* * *

В бурлящий нью — йоркский полдень мы встретились с Гэтсби в хорошо проветриваемом подвальчике на 42-й стрит. Силясь раскрыть глаза, судорожно прищуренные после залитых расплавленным солнцем городских улиц, я вглядывался в мягкий полумрак заведения, пока не обнаружил Гэтсби, оживленно беседовавшего с кем-то в вестибюле.

— Мистер Каррауэй, это мой друг мистер Вольфсхайм.

Маленький еврей с неожиданно ровным носом поднял свою непропорционально большую голову и едва не уколол меня пуками

жесткой растительности, буйно произраставшей в его ноздрях. Через некоторое время я разглядел в полумраке и пару щелочек — глаз.

— Я бросил на него один маленький взгляд, — сказал мистер Вольфсхайм, крепко пожимая мне руку, — и что вы себе думаете, я потом сделал?

— Что? — дипломатично поинтересовался я. Вероятно, вопрос был адресован не мне, поскольку

он тут же нацелил свой экспрессивный нос в сторону Гэтсби.

— Дал деньги Кэтспо и сказал: «Кэтспо, я дал тебе деньги, но ты не давай ему ни пенни, пока он не заткнется». И что вы думаете — тут он сразу и заткнулся.

Гэтсби взял нас под руки и повел внутрь ресторанчика. Мистер Вольфсхайм начал было рассеянно изрекать очередную пространную сентенцию, но вдруг оцепенел.

— Три хайбола? — осведомился старший официант.

— Милое здесь местечко, — сказал мистер Вольфсхайм, разглядывая пресвитерианских дев на потолке. — Но помнится, через дорогу — еще лучше.

— Да, хайболы, — подтвердил Гэтсби и повернулся к еврею, — там страшное пекло.

— Душно и еще тесно, согласен, — сказал мистер Вольфсхайм. — Но сколько воспоминаний!

— А что там за ресторан? — поинтересовался я.

— Старый «Метрополь».

— Старый «Метрополь», — ностальгически повторил мистер Вольфсхайм. — Там навсегда остались милые лица моих друзей, которые уже никогда не вернутся. Сколько буду жив, не забуду ночь, когда подстрелили Розы Розенталя. Нас было шестеро за столом, а Розы ел и пил за восьмерых. Под утро подошел к нам кельнер — глазенки так и бегают... да, а сам и говорит, мол, просят вас на минутку. Розы собрался было подняться, а я ему не дал. Слушай, говорю ему, пусть эти ублюдки идут сюда, раз уж им приспичило с тобой поговорить, а я тебя к ним не пущу, чтоб мне провалиться на этом самом месте. А времени было около четырех, так что, если бы не шторы, было бы совсем светло.

— И что же ваш приятель — остался? — простодушно поинтересовался я.

— Какой там остался, конечно, пошел, — нос мистера Вольфсхайма с негодованием повернулся в мою сторону. — Да, в дверях еще обернулся и говорит, мол, не отдавайте мой кофе, пусть остывает. Вышел на улицу и получил три маслины в брюхо — в набитое как барабан брюхо. А те уехали на машине.

— Четверых, по — моему, поджарили на электрическом стуле? — спросил я.

— Пятерых — вместе с Беккером, — сказал он, кровожадно раздувая лохматые ноздри. — Я так понимаю, что вы ищете деловые х — хонтакты.

Последнее слово он не произнес, а словно выкашлял, — и я даже растерялся, обескураженный неожиданной сменой темы разговора. Поэтому за меня ответил Гэтсби.

— О нет! — прямо-таки вскричал он. — Это не тот человек.

— Не тот? — мистер Вольфсхайм даже огорчился.

— Не тот. А это мой друг, я ведь сказал вам, что о том деле мы поговорим в другой раз.

— Прошу пARDону, — сказал мистер Вольфсхайм. — Я, старый дурак, принял вас за другого.

Тем временем подали «хэш» — сочное мелко нарезанное мясо — и мистер Вольфсхайм сразу же позабыл о ностальгической атмосфере «Метрополя» и принялся за дело с достойной каннибала деликатностью, не забывая при этом цепко и пристально смотреть по сторонам. Оглядев пространство перед нами, он тут же обернулся назад. Мне показалось, что мистер Вольфсхайм не преминул бы заглянуть и под стол, если бы его не конфузило присутствие постороннего человека.

— Послушайте, старина, — спросил Гэтсби, подавшись в мою сторону, — я случаем не рассердил вас сегодня утром?

Он улыбнулся, но на этот раз я не поддался его обаянию.

— Не люблю, когда наводят тень на плетень, — ответил я. — Не понимаю, почему бы вам честно и откровенно не рассказать мне о своих намерениях. Для чего вам потребовалось впутывать в эту историю мисс Бейкер?

— Да будет вам известно, старина, что мисс Бейкер настоящая леди и прекрасная спортсменка, вот уж она бы ни в коем случае не согласилась впутать себя, как вы говорите, в какие-либо дела.

Он посмотрел на часы, подскочил и опрометью бросился из зала, оставив меня наедине с мистером Вольфсхаймом.

— У него важный телефонный разговор, — сказал мистер Вольфсхайм, провожая его взглядом. — Прекрасный парень, правда? Симпатяга и джентльмен.

— Да, да.

— Выпускник Оггсфорда.

— О — о-о!

— Да, учился в Англии, в Оггсфорде. Знаете Оггсфордский колледж?

— Приходилось слышать.

— Один из самых знаменитых колледжей в мире.

— А вы давно знакомы с Гэтсби? — поинтересовался я. — Несколько лет, — сказал он с довольным видом. — Имел удовольствие познакомиться с ним сразу же после войны. Человека с манерами узнаешь сразу же, мне вот хватило одного часа понять это. Такого человека, сказал я себе, можно пригласить в дом и представить матери и сестре. — Он помолчал и неожиданно произнес: — Я вижу, вы разглядываете мои запонки...

По правде говоря, у меня и в мыслях не было рассматривать его запонки, но после этих слов я был просто вынужден сделать это. Запонки были искусно выточены из кусочков какого-то знакомого мне материала, наверное, слоновой кости.

— Да, прекрасные экземпляры коренных зубов наших с вами соплеменников! — доверительно сообщил мне мистер Вольфсхайм.

— Ну, надо же, — я еще раз внимательно посмотрел на запонки. — Любопытная идея...

— Да — с, — он подтянул рукава. — Да — с, Гэтсби строг в отношениях с женщинами. Во всяком уж случае, на жен своих приятелей не заглядывается.

Стоило только объекту подсознательного доверия мистера Вольфсхайма вернуться, как старый еврей одним глотком допил свой остывший кофе и поднялся из-за стола.

— Спасибо за компанию, — сказал он, — пора бежать, не смею злоупотреблять вашим вниманием, джентльмены.

— А, может, посидите с нами, Мейер? — спросил Гэтсби без всякого энтузиазма.

Мистер Вольфсхайм простер свою длань, что походило на бенедиктинское благословение.

— Вы очень любезны, но мы с вами — представители разных поколений, — напыщенно произнес он. — Да — с, молодые люди, у вас найдутся темы для разговора: о спорте, о молодых леди, о ваших... — взмахом руки он обозначил недостающие члены предложения. — А мне уже минуло полвека, поэтому не буду навязывать вам свою компанию.

Потом он прощался и долго пожимал наши руки, при этом его трагический нос слегка дрожал, а я подумал: уж не обидел ли я старика случайно вырвавшимся словом?

— Временами он бывает болезненно сентиментальным, — сказал Гэтсби. — Сегодня у него как раз один из таких дней. Достаточно известная в Нью — Йорке фигура, между прочим, завсегдатай Бродвея.

— Так кто же он, какой-нибудь актер?

— Нет.

— Дантист?

— Мейер Вольфсхайм? Ну, что вы! Он игрок. — Гэтсби помедлил и хладнокровно добавил: — Это тот самый человек, который фактически сорвал проведение «Мировой серии» в 1919 году.

— Сорвал «Мировую серию», — ошеломленно повторил я.

Я был потрясен. Конечно, я помнил, что в 1919 году было приостановлено проведение «Мировой серии», но я считал, что это связано с разного рода организационными неполадками. Мне и в голову не могло прийти, что это дело рук одного человека, умудрившегося обмануть доверие полусотни миллионов человек с бесцеремонностью взломщика, обчистившего банковский сейф.

— Как же это ему удалось? — спросил я после минутной паузы.

— Дело случая, старина.

— Как же он не попал за решетку?

— Не было никаких доказательств, старина. Он очень хитрый и осторожный субъект.

Я настоял на том, что сам оплачу счет. Когда официант принес сдачу, я увидел знакомую фигуру Тома Бьюкенена в другом конце набитого битком зала.

— Не составите компанию, мистер Гэтсби? — спросил я. — Мне нужно поздороваться со знакомым, это займет буквально одну минуту.

Заметив нас, Том Бьюкенен выскочил из-за стола и сделал полдюжины шагов в нашем направлении.

— Куда это ты запропастился! — закричал он на весь зал. — Дейзи рвет и мечет, ты хотя бы позвонил.

— Мистер Бьюкенен, позвольте представить вам мистера Гэтсби...

Они быстро пожали друг другу руки, при этом Гэтсби неожиданно смутился и даже растерялся, что было для него вовсе уж нехарактерно.

— Рассказывай, как дела, — продолжал орать Том. — Каким ветром тебя занесло в эту харчевню...

Я повернулся к мистеру Гэтсби, но его уже не было рядом со мной.

* * *

— Осенью семнадцатого года, наверное, в октябре, — начала свой рассказ Джордан Бейкер, сидя подчеркнуто прямо на стуле с не менее прямой спинкой в чайной на террасе отеля «Плаза», где мы с ней встретились через несколько часов после ленча в компании Гэтсби и старого Вольфсхайма, я вышла на улицу и бродила по городу без определенной цели — шагала по тротуарам или по газонам. С большим удовольствием по газонам, потому что на мне были новые английские туфли с резиновыми шипами, — и было приятно ощущать, как они легко вдавливаются в мягкий грунт. На мне была новенькая юбка в складку, порывы ветра слегка раздували ее, и тогда ало — бело — лазоревые флаги неодобрительно щелкали, словно с осуждением цокали своими полотняными язычками: ай — яй — яй!

Самый большой флаг развевался на ветру над самым большим в городе газоном дома Дейзи Фэй. Ей недавно исполнилось восемнадцать — она была ровно на два года старше меня, но ни одна девушка во всём Луисвилле не пользовалась таким потрясающим успехом, как Дейзи. Она носила только белые наряды, и еще у нее был белоснежный родстер^[23], а телефон в их доме разрывался день и ночь, потому что молоденькие офицеры из Кемп — Тейлор мечтали провести вечер или «ну, хотя бы часик» в её милой компании.

Когда тем утром я проходила мимо ее дома, то увидела белый родстер, запаркованный у обочины, а в нем — Дейзи в обществе молодого лейтенанта, которого я прежде никогда здесь не видела. Они были всецело поглощены друг другом и заметили меня, когда я была уже в пяти футах от машины.

— Привет, Джордан! — неожиданно поздоровалась она. — Подойди, пожалуйста, на секунду.

Я зарделась от восторга! — еще бы! — на меня обратила внимание старшая девочка, причем именно та, которая нравилась мне больше всех. Она спросила, не в Красный Крест ли я направляюсь, — почти все девушки нашего городка несколько часов в день помогали медсестрам в перевязочной военного госпиталя, — а, узнав, что именно туда я и иду, попросила передать старшей медсестре, что не появится сегодня. Молодой офицер глядел на нее влюбленными глазами — каждая девушка мечтает о том, чтобы ее парень именно так смотрел на нее. Это было так романтично и возвышенно, что я часто вспоминала то осеннее утро и молодого влюбленного офицера. Его звали Джей Гэтсби. Потом он исчез на четыре года, а когда я случайно встретила с ним на Лонг — Айленд, мне и в голову не могло прийти, что это тот самый молодой человек.

Да, эта история случилась в девятьсот семнадцатом, а уже в следующем году вокруг меня стали увиваться ухажеры, я сыграла в первых турнирах и очень редко виделась с Дейзи. Она вращалась в других кругах — среди взрослых молодых мужчин, — с ними же и развлекалась, если это вообще ее волновало в то время. В городке о ней ходили совершенно дикие слухи: будто бы зимой мать застала ее чуть ли не у порога дома с чемоданом в руках; якобы она собиралась уезжать в Нью — Йорк — прощаться с каким-то солдатом, отправлявшимся на войну за океан. Был жуткий скандал, ее, само собой разумеется, не отпустили, а за это она несколько недель ни с кем в доме не разговаривала. Правда, с тех пор никто не видел ее в обществе молодых офицеров, но она окружила себя компанией молодых людей — белобилетников, которых не брали в действующую армию по причине плоскостопия или, к примеру, близорукости.

И только к следующей осени она стала прежней Дейзи: по — прежнему веселой и по — прежнему беззаботной и жизнерадостной. Сразу же после перемирия с семьей состоялся ее первый выезд в свет, а где-то в феврале заговорили о ее помолвке с молодым человеком из Нового Орлеана. Но уже в июне она вышла замуж за Тома Бьюкенена из Чикаго с такой помпой и размахом, которых до сих пор не знали в тихом провинциальном Луисвилле. В четырех частных пульманах жених привез в сонный городок сотню своих друзей, снял целый этаж

в отеле «Мюльбах» и за день до бракосочетания преподнес невесте жемчужное кольцо за триста пятьдесят тысяч долларов.

Я была подружкой невесты и ровно за полчаса до свадебного застолья зашла в ее комнату. Убранная цветами невеста в белоснежном подвенечном платье, прекрасная, как июньская ночь, валялась на кровати с бутылкой сотерна в одной руке и письмом — в другой, пьяная до неприличия!

— Позд — здравь м — меня, — пробормотала она заплетающимся языком, — н — напилась первый р — раз в ж — жиз — ни, но до чего, ч — черт меня под — дери, х — хорошо.

— Дейзи, что с тобой?

Я испугалась, скажу я вам: никогда не думала, что девушка может напиться до такого состояния, тем более, в день свадьбы.

— З-забирай! — она сунула руку в корзину для мусора, которая лежала рядом с ней на кровати, и вытащила кольцо. — Отдай э — этому внизу и скажи всем: Дейзи п — передо — мала, так им и с — скажи — п — передумала Д — дейзи...

Потом уткнулась в подушку и начала горько стонать и рыдать. Я выскочила из комнаты и увидела горничную ее матери. Мы заперли дверь, сняли с Дейзи свадебное платье и вдвоем затолкали ее в ванну с холодной водой. Вытащить из ее руки письмо нам так и не удалось. Так она и сидела с ним, пока буквы не начали расплываться, а бумага расползаться белыми, как снег хлопьями, — и только тогда она разрешила забрать бесформенный комок и положить его в мыльницу.

Больше она не произнесла ни слова. Мы дали ей понюхать ватку, смоченную нашатырным спиртом, положили грелку со льдом на лоб, и ровно через полчаса, натянув на нее платье, вывели из комнаты с жемчужным колье на груди. Досадный инцидент был исчерпан. На следующий день, в пять часов пополудни, она, как ни в чем не бывало, обвенчалась с Томом Бьюкененом, и молодожены уплыли на три месяца в круиз по южным морям — куда-то в Океанию.

Я встретила их в Санта — Барбаре, когда они возвращались домой. Мне кажется, что до этого момента я никогда не видела такой влюбленности в собственного мужа. Стоило ему выйти из комнаты хотя бы на минуту, как она начинала беспокойно оглядываться по сторонам и с тревогой спрашивать, куда же делся Том, и была буквально не в себе, пока он не появлялся в дверях. Она могла часами

сидеть на пляже, уложив его голову к себе на колени, поглаживая пальчиками его лицо и, казалось, испытывая наслаждение лишь оттого, что ее избранник рядом с ней. Это было трогательное зрелище, и вы могли прослезиться от умиления, глядя на их счастливые и влюбленные лица. Все это было в августе. Ровно через неделю после моего отъезда из Санта — Барбары машина Тома врезалась ночью в фургон на Вентурской дороге, причем передние колеса срезало как бритвой, а женщина, сидевшая рядом с ним в салоне, сломала себе руку. Пронырливые репортеры разнюхали, что ночной пассажиркой Тома Бьюкенена была одна из горничных отеля «Санта — Барбара». Само собой разумеется, все это попало в местные газеты.

В апреле Дейзи благополучно разрешилась от бремени, и вместе с малюткой — дочкой они на год уехали во Францию. Как-то весной я видела их в Каннах, потом в Довиле, затем они вернулись в Америку и обосновались в Чикаго. Дейзи, как вам известно, была необыкновенно известна в Чикаго. Общество, в котором они вращались, состояло, главным образом, из золотой молодежи — бездельников и прожигателей жизни, — однако Дейзи и в этом окружении сохранила совершенно безупречную репутацию. Не в последнюю очередь потому, что она практически не пила, сохраняя трезвую голову и тогда, когда все кругом упивались до полусмерти. Трезвый человек не сболтнет лишнего, а уж если приспичит позволить себе чего-нибудь предосудительное, то может выбрать момент, когда никому до него нет дела или никто уже и не соображает, что он там задумал. А может, она вообще никогда не разводила амуры, хотя было, было нечто в ее голосе, позволявшее заподозрить ее во всех смертных грехах.

Шесть недель тому назад она впервые за много лет услышала имя Гэтсби. Это было в тот раз, когда я спросила, не знаете ли вы некоего Гэтсби. Помните? После того как вы уехали домой, она пришла в мою комнату — я уже практически спала — и спросила, какой он, этот Гэтсби, — а когда я описала его, она странно изменившимся голосом сказала мне, что знала его в молодости. Вот тут я и вспомнила лейтенанта в белом родстере.

* * *

Тем временем мы успели уйти из «Плаза», и конец этой истории мисс Бейкер рассказывала мне в салоне «виктории», когда мы

медленно ехали по аллеям Центрального парка. Солнце стыдливо пряталось за роскошными дворцами кинозвезд на западных 50-стрит. Чистые и звонкие голоса веселящейся детворы разносились под тенистыми кронами деревьев, как стрекотание цикад в густой траве:

Я шейх Аравии седой,
Твоя любовь всегда со мной.
Я прокрадусь к тебе в шатер,
И пусть луна потупит взор.

— Странные бывают в жизни совпадения, — заметил я.

— А не было никакого совпадения.

— То есть, что вы имеете в виду?

— Гэтсби намеренно купил свой дом, чтобы жить рядом с Дейзи — хотя и на другой стороне бухты.

Вот как! — выходит, не одно только сияние звездного неба интересовало моего соседа той июньской ночью! Это был тот редкостный миг, когда, подняв забрало своей безупречной корректности и блистательного великолепия, Гэтсби предстал передо мной в своем истинном облики — облики человека ранимого и не чуждого людских слабостей.

— Теперь передаю вам его просьбу: согласились бы вы как-нибудь вечерком пригласить к себе Дейзи так, чтобы и он мог зайти?

Непритязательность и скромность этой просьбы буквально потрясла меня. Как! — пять лет! — целых пять лет он ждал этой встречи. Купил роскошную загородную виллу, куда, как мотыльки на огонек, слетались совершенно ненужные и незнакомые ему люди. И все это только для того, чтобы «как-нибудь вечерком» напроситься в гости к полужнакомому человеку.

— Не могу понять, мисс Джордан, для чего понадобилось посвящать меня в такие подробности личной жизни, если он намеревался просить меня о такой незначительной дружеской услуге?

— Он так долго ждал этого часа, что боится, как бы вы неправильно не истолковали его просьбу. Понимаете, все эти его манеры — светскость, галантность и куртуазность — это нечто внешнее, а в глубине души он совсем не такой, каким представляется окружающим, — думаю, и вам в том числе.

Я почти было согласился, но что-то не давало мне покоя.

— Послушайте, а почему бы ему не попросить вас устроить это свидание?

— Дело в том, что ему хотелось бы, чтобы Дейзи увидела его дом, а вы живете как раз по — соседству.

— Понятно...

— Я думаю, что все эти годы он ждал ее, думал, что она вот — вот появится на пороге его дома, но этого, увы, так и не произошло. Потом он начал как бы случайно расспрашивать о ней своих гостей, надеясь найти общих знакомых. Первой оказалась я. Тогда-то он и обратился ко мне со своей просьбой: помните вашу первую вечеринку, когда я проговорила с ним около часа? Вы бы слышали, каким только мастером риторики оказался мистер Гэтсби, как искусно ходил он кругами, вокруг да около, прежде чем добрался до сути дела! Я предложила устроить им завтрак в Нью — Йорке, но он категорически отказался от этого и без конца повторял, что не имеет в виду ничего предосудительного, а всего лишь хочет увидеться с ней в доме приятеля — соседа.

— Как только я рассказала ему, что вы друг Тома, он решил отказаться от этой идеи. О Томе он практически ничего не знает, хотя и рассказал мне, что все это время просматривал чикагскую прессу в надежде случайно наткнуться на упоминание о Дейзи.

Было уже совсем темно, а когда мы проезжали под небольшим мостиком, я обнял мисс Бейкер, ощутив волнующую бархатистость ее плеч, и предложил поужинать со мной. Неожиданно Дейзи, Гэтсби и их проблемы отошли на второй план, а сейчас меня занимала только эта уверенная в себе и прагматичная мисс Скептицизм, с ленивой грацией покоящаяся в моих объятиях. Пьянящий азарт охватил все мое естество, где-то в глубине сознания пульсировала шальная мысль: есть только два пути — путь охотника и путь дичи — или ты идешь по следу или преследуют тебя.

— Дейзи тоже имеет право на что-то большое и чистое в своей жизни, — промурлыкала Джордан.

— А сама Дейзи? Она-то хочет увидеться с ним или нет?

— Гэтсби не хочет, чтобы она заранее знала об этих планах. Предполагается, что вы пригласите ее на чашку чая. Вот и все.

Темные аллеи парка остались позади, и перед нами забрезжили подсвеченные мягким и рассеянным светом фасады 59-й стрит. В

отличие от Гэтсби или же Тома Бьюкенена, наконец, не было у меня той, чей дивный образ путеводной звездой воссиял бы над миром темных улиц и пустых переулков, затмив своим неземным светом слепящие огни рекламы, поэтому я ограничился тем, что крепко сжал в объятиях ту, которая была рядом со мной. Ее капризный и насмешливый рот растянулся в полуулыбке, когда я жадно приник к ее губам.

Глава V

Поздно ночью, когда я вернулся в Вест — Эгг, мне показалось, что начался пожар. Я даже испугался на одно короткое, но крайне неприятное мгновение: в два часа вся прибрежная полоса была охвачена заревом огней, отблески яркого света выхватывали из темноты заросли кустарника, бежали причудливыми огненными змейками по проводам. Но стоило только такси свернуть за угол, я понял, что это вилла Гэтсби ярко освещена сверху донизу — свет горел в каждом окне, начиная от башенки до подвала.

Вначале я решил было, что это очередная вечеринка, а подгулявшие гости играют в прятки и разбрелись по всему дому. Правда, было непривычно тихо, и лишь ветер свистел в проводах — раскачивал их, словно баюкал, — и тогда огоньки гасли, чтобы через мгновение вспыхнуть опять, как будто дом подмигивал кому-то в темноте.

Потом затарахтел двигатель, и такси с довольным урчанием скрылось в ночи, а я увидел, что Гэтсби направляется ко мне прямо через газон.

— У вас иллюминация прямо как на Всемирной выставке! — сказал я.

— Да что вы... — Гэтсби машинально оглянулся. — Захотелось пройтись по комнатам. Поехали на Кони — Айленд, старина. В моем авто.

— Боюсь, что уже слишком поздно.

— Как скажете. Может быть, освежимся в бассейне? Я за все лето так и не поплавал в нем.

— Благодарю, но мне давно пора ложиться.

— Что же, нет — так нет...

Гэтсби замолчал, глядя на меня с едва скрываемым нетерпением.

— Я переговорил с мисс Бейкер, — сказал я. — Собираюсь завтра же позвонить Дейзи и пригласить ее на чашку чая.

— Вот и прекрасно, — небрежно обронил он. — Мне бы крайне не хотелось затруднять вас.

— Какой день вас устроит?

— А какой день устроит вас? — поспешно переспросил он. — Старина, вы же знаете, мне бы крайне не хотелось затруднять вас.

— Как насчет послезавтра?

Он ненадолго задумался, а потом нерешительно произнес:

— Это было бы прекрасно, только вот надо бы... выкосить траву.

Мы с ним одновременно посмотрели на траву, вернее, на непролазные заросли моего владения и четкие очертания примыкавшего к ним тщательно подстриженного газона Гэтсби. Я сразу же понял, что выкосить следует мою траву.

— И потом, есть еще одна, э — э-э, небольшая проблема, — нерешительно начал он, а потом и вовсе замолчал.

— Так давайте перенесем визит на несколько дней, — сказал я.

— О, да я ведь совсем не о том. То есть о том, но... — Гэтсби окончательно смешался и, похоже, мучительно подыскивал слова. — Видите ли, старина, я подумал, что вы ведь, э — э-э, несколько стеснены в средствах и не так уж много зарабатываете, верно?

— Не то слово! — ответил я.

Мой ответ, похоже, придал ему решительности, и он закончил куда более уверенно:

— Да, так вот, я и подумал, вы уж извините, ради Бога, что я... Да, знаете ли, вообще-то я отошел от дел, но кое — какие деловые связи сохранились — так, мелкий бизнес, чтобы совсем уж не заржаветь. И я подумал, раз уж у вас такие заработки... Вы ведь занимаетесь бонами и облигациями, старина?

— Скажем так: пытаюсь заниматься ими.

— Очень хорошо! Тогда мое предложение может заинтересовать вас. Во всяком случае, много времени не займет, а заработать можно прилично. Но это довольно-таки конфиденциальное дело.

Сегодня я понимаю, что если бы тот разговор состоялся при нескольких иных обстоятельствах, то вполне мог стать поворотным пунктом всей моей жизни. Но это заманчивое предложение было сделано им с такой медвежьей неловкостью и выглядело такой уж незавуалированной попыткой отблагодарить меня за будущую услугу, что я просто не мог принять его.

— Мне очень жаль, — ответил я, — но я настолько загружен, что физически не смогу вести еще и ваши дела, мистер Гэтсби.

— Но вам не придется иметь никаких дел с Вольфсхаймом! — воскликнул он.

По всей видимости, Гэтсби решил, что меня отнюдь не вдохновляет перспектива «деловых х — хонтактов» со старым евреем, о которых зашла речь во время ленча в Нью — Йорке, но мне удалось убедить его, что он заблуждается. Он подождал немного в надежде, что я продолжу разговор, но я был поглощен своими проблемами и совершенно не расположен к общению, так что ему не осталось ничего другого, как с видимой неохотой откланяться и уйти.

Я испытывал легкое головокружение и чувствовал себя абсолютно счастливым после вечера с Джордан, поэтому провалился в глубокий сон, едва положив голову на подушку. Не знаю, отправился ли Гэтсби на Кони — Айленд или же всю ночь напролет бродил по анфиладам комнат, а ярко освещенные окна его виллы горели в ночи путеводными звездами. Я позвонил Дейзи на следующее утро прямо из офиса и пригласил в гости на чашку чая.

— Приезжай без Тома, — строго сказал я.

— А кто это — «Том»? — с невинным кокетством спросила она.

К утру небеса прохутились, и на землю хлынули потоки проливного дождя. В пол — одиннадцатого в дверь постучался газнокосильщик в дождевике и сообщил, что прислан мистером Гэтсби привести в порядок лужайку перед домом. Тут только я вспомнил, что забыл предупредить финку, поэтому поехал за ней в поселок и долго кружил по переулкам среди промокших до самого фундамента беленых домиков, и раз уж такое дело, купил несколько чайных чашек, лимоны и цветы.

С цветами я поспешил, поскольку в два часа от Гэтсби поступило содержимое, наверное, целой теплицы с соответствующими аксессуарами для их размещения. Час спустя кто-то нервно распахнул входную дверь, и на пороге появился Гэтсби в белом фланелевом костюме, сорочке серебристого цвета и золотистом галстуке. В лице — ни кровинки, а под глазами черные круги — следы бессонницы.

— Все в порядке? — с порога спросил он.

— Трава в идеальном состоянии, если вы ее имеете в виду.

— Какая трава? — растерялся он. — А, трава во дворе! — Он нервно посмотрел в окно, но, учитывая его взвинченное состояние, вряд ли что-нибудь там увидел.

— Выглядит очень даже неплохо, — рассеянно заметил он. — Где-то мне попался прогноз, что к четырем дождь прекратится. Если не ошибаюсь, в «Джорнэл». Забыл спросить, а у вас есть все, что нужно для... э — э-э, для чая?

Я отвел его в буфетную, где он с видимым неодобрением покосился на мою финку. Потом Гэтсби тщательно осмотрел со всех сторон дюжину лимонных кексов, приобретенных мной в лавке деликатесов.

— Пойдет, как вы считаете? — поинтересовался я.

— О чем речь! Конечно, пойдет, — сказал он и неискренне добавил: — Старина...

К половине четвертого проливной дождь превратился в холодную и мутную туманную взвесь, в которой плавали крупные тяжелые капли росы. Гэтсби с отсутствующим взглядом листал «Экономику» Клея, сотрясаясь вместе с полом, который ходил ходуном под тяжелой поступью моей финки, устроившей, похоже, настоящий погром в крошечной кухне. Время от времени он бросал обеспокоенный взгляд на подслеповатые от дождя окна, словно на улице происходили странные тревожные и малопонятные ему события. Неожиданно он поднялся и ломким трагическим голосом заявил, что приносит извинения за причиненное беспокойство, но вынужден откланяться, потому что...

— Ну, и почему же? — невежливо оборвал его я.

— Никто не придет к чаю. Уже слишком поздно. — При этом он смотрел на часы с видом человека, которого призывают дела государственной важности. — Не могу же я, в самом деле, сидеть у вас целый день.

— Побойтесь Бога, мистер Гэтсби, только без двух минут четыре!

Он сел, но при этом посмотрел на меня так жалобно, будто бы я силой удерживаю его в своем доме. Вдруг раздалось ворчание двигателя машины, подъезжающей к дому. Мы оба нервно вздрогнули, поднялись на ноги, потом я в спешке выбежал на крыльцо.

Большая машина с поднятым тентом продиралась через кусты сирени, блестящие свежeweымытой листвой. Машина остановилась, и из-под кокетливо сдвинутой набок шляпки нежно — голубого цвета выглянуло милое личико Дейзи; она взирала на меня с ослепительно радостной улыбкой.

— Так вот где ты прячешься от меня, дорогой! Милое воркование ее голоса органично вплелось в

мягкое журчание небесных струй. Вначале я воспринял нежную модуляцию ее речи — плавный переход из одной тональности в другую, — а только потом общий смысл ее слов. Мокрый локон лежал на ее щеке нежным мазком, как последний, завершающий штрих придворного портретиста. Я помог ей выбраться из авто и увидел бисеринки дождя, сверкавшие на ее запястьях драгоценными браслетами.

— Послушай, — заворковала она, — уж не влюблен ли ты в меня страстно и безнадежно! К чему такая таинственность! — да еще — без Тома!

— Тайна замка Синей Бороды! Скажи шоферу, что он не понадобится тебе в течение часа.

— Ферди, вернитесь за мной через час. — И доверительно сообщила мне, что ее шофера зовут Ферди.

— Слушай, а у него, случаем, нет аллергии на бензин, ну, я имею в виду насморк, ты меня понимаешь!

— Нет, думаю, что у него нет аллергии. А почему ты об этом спрашиваешь? — поинтересовалась Дейзи невинным голоском.

Мы вошли в гостиную. К моему величайшему удивлению, там никого не было.

— Вот это номер! — воскликнул я.

— Какой номер? — спросила Дейзи.

В этот момент раздался тихий и полный скрытого достоинства стук в парадную дверь. Дейзи недоуменно оглянулась, а я пошел открывать. Мистер Гэтсби с бледным как сама смерть лицом и налившимися свинцовой тяжестью руками, засунутыми в накладные карманы пиджака, стоял в глубокой луже у порога и с трагическим выражением смотрел мне прямо в глаза.

С руками — гирями в карманах он проследовал за мной в холл, затем развернулся, как на шарнире, и, исчез в гостиной. Но все это было совсем не смешно. Между тем свинцовые тучи заволокли небо, и опять начался ливень: крупные капли забарабанили по крыше, но стук моего сердца заглушал шум дождя. Я тихо прокрался к парадной двери и прикрыл ее плотнее.

Воцарилась полная тишина, и с полминуты из-за закрытых дверей гостиной не доносилось ни звука. Потом я услышал приглушенные голоса, отголоски смеха и ненатурально высокий и звонкий голосок Дейзи:

— Признаться, я ужасно рада видеть вас после стольких лет.

Потом голоса смолкли, и делать мне стало совсем уж нечего. Пауза затянулась, и это бесцельное времяпрепровождение показалась мне настолько нестерпимым, что я не выдержал и вошел в комнату.

Гэтсби стоял, прислонившись к камину, по — прежнему не вынимая рук из карманов, изо всех сил изображая непринужденность и даже скуку на бледном лице. Распрямив плечи и вздернув вверх подбородок, он почти что упирался головой в циферблат старинных каминных часов, которые давно уже не шли и тихо доживали свой век на полке. Испуганная, взволнованная и, как всегда, грациозная Дейзи робко сидела на краешке стула, а Гэтсби смотрел на нее сверху вниз обезумевшим от волнения взглядом.

— Да, да, мы старые добрые знакомые, надеюсь, впредь ими и останемся, — с мучительным усилием выдавил из плотно сжатых губ Гэтсби. Он растерянно посмотрел на меня и сделал такое движение, словно хотел улыбнуться, но из этого ничего не вышло. Немую сцену разрядили невесть сколько лет простоявшие на каминной полке часы: Гэтсби все-таки задел их — они накренились и рухнули бы на пол, если бы он не обернулся и не придержал их своими дрожащими руками. Затем Гэтсби аккуратно водрузил реликвию на полку, после чего несколько успокоился и даже сел на диван. Но он сидел неестественно выпрямившись и спрятав подбородок в ладонях.

— Прошу прощения за неловкость, — сказал он, вероятно, имея в виду каминные часы.

Я чувствовал, что весь горю, как в лихорадке. В голове вертелись обрывки сотен приличествующих времени и месту фраз, но я не мог вспомнить ни одной из них, чтобы попытаться хоть как-нибудь разрядить обстановку.

— Это, э — э-э, очень старые часы, и мне было бы очень жаль... — с идиотским апломбом начал я, словно несчастные часы лежали на полу, разбитые вдребезги, — грудой разлетевшихся шестеренок и осей.

— А ведь сколько лет прошло... — начала Дейзи своим обычным голосом.

— В следующем ноябре исполнится ровно пять лет со времени нашей последней встречи, — выпалил Гэтсби, не задумываясь ни на секунду.

Этот понятный всем присутствующим автоматизм его реплики прервал завязавшийся было разговор, и на несколько минут в гостиной опять воцарилась гнетущая тишина. Не зная, что делать дальше, я попросил их помочь с сервировкой чайного стола — и оба они с готовностью вскочили. Но как это всегда и бывает в подобного рода случаях, вошла чертова финка с чайным подносом в руках.

Мучительная скованность начала проходить вместе с неизбежной суетой вокруг чашек, ложек и кексов, и за столом создалась атмосфера некоторой непринужденности, во всяком случае, так выглядело внешне. Гэтсби старался не привлекать к себе внимание, и пока мы с Дейзи вели обычную светскую беседу, смотрел на нас потухшими и несчастными глазами. Это не входило в мои намерения, поэтому при первой же возможности я нарушил плавное течение застолья: встал из-за стола, извинился и объяснил, что мне придется ненадолго оставить их одних.

— Куда это вы? — сразу же забеспокоился Гэтсби.

— Я вернусь через несколько минут.

— Прошу прощения, миссис Бьюкенен, но мне нужно сказать несколько слов Нику, — сказал Гэтсби и вышел следом за мной из комнаты.

Он чуть ли не бегом проследовал за мной на кухню, плотно притворил дверь и трагически прошептал:

— О, Боже!

— Что случилось?

— Это ошибка, — простонал он, укоризненно качая головой, — чудовищная непростительная ошибка.

— Что вы, право! Ну, растерялись, с кем не бывает, — сказал я, догадавшись присовокупить: — Дейзи, между прочим, тоже необыкновенно смущена.

— Смущена? — переспросил он с некоторым недоверием в голосе.

— Еще как! Думаю, не меньше вашего.

— Умоляю: не так громко!

— Вы ведете себя как ребенок, — нарочито раздраженно сказал я, — как маленький и злой ребенок. В конце концов, это даже

невежливо — оставлять леди в одиночестве.

Он решительным жестом остановил поток обидных слов и посмотрел мне в глаза с непередаваемой укоризной, потом осторожно приоткрыл дверь и вернулся в гостиную.

Я вышел через заднюю дверь, совершив точно такой же маневр, как и разнервничавшийся Гэтсби, но только полчаса тому назад, и поспешил укрыться от дождя под большим черным деревом с раскидистыми ветвями, густой листвой и свилеватым стволом.

Тем временем дождь зарядил не на шутку, и мой неровный газон, тщательно подстриженный с утра садовником мистера Гэтсби, превратился в зыбкую топь со стоячими озерцами и глубокими омутами. Из моего наблюдательного пункта, под деревом, не было видно ничего, кроме поражающего своими размерами дома Гэтсби, поэтому я и таращился на него битых полчаса, как некогда Кант на шпиль своей колокольни. Примерно десять лет тому назад, в период повального увлечения «стилизованной архитектурой», его построил один состоятельный пивовар. Говорят, будто он предложил своим соседям платить за них все налоги в течение пяти лет, если они согласятся покрыть крыши своих домов соломой. Но фундаментальным планам возведения Родового Гнезда не суждено было осуществиться. Местное население категорически отказалось играть в фермеров — первопоселенцев. Не выдержав такого удара, пивовар скончался, а его наследники продали дом, когда на входных дверях еще висел траурный венок. Американцы порой соглашаются стать на время «крепостными», но категорически отказываются рядиться в шутовские одежды пейзажистов!

* * *

Через полчаса дождя как не бывало, на голубом небе засияло ласковое солнце, а по серпантину подъездной аллеи закружил фургон бакалейщика с полуфабрикатами для целой армии прислуги Гэтсби. Сам он, подумал я, надолго потерял аппетит. Горничная отворяла окна верхнего этажа, поочередно показываясь в каждом из них, потом выглянула из центрального эркера и, опершись на полукруглый выступ, задумчиво и с удовольствием плюнула вниз. Что же, пора было возвращаться. Пока лил дождь, до меня доносилось воркование их голосов — то тихих и безмятежных, то взволнованных и

осекающихся от избытка переполнявших их чувств. Но во внезапно опустившейся на сад тишине постепенно растворились все звуки, доносившиеся прежде из гостиной.

Я вошел в дом, нарочито громко топая ногами, устроил небольшой погром в кухне — разве что не перевернул плиту, — впрочем, голубки ровным счетом ничего не видели и не слышали. Они сидели в противоположных углах дивана, не отрывая друг от друга восхищенных глаз, при этом в воздухе витало невысказанное признание, а сама атмосфера разительно переменилась: от угловатости и робости Гэтсби не осталось и следа, и Дейзи не выглядела больше заторможенной и скованной. Увидев меня, она сразу же бросилась к трельяжу — вытирать слезы носовым платком и приводить себя в порядок. Однако больше всего меня потрясло выражение лица Гэтсби, вернее, происшедшие с ним перемены. Он в буквальном смысле слова лучился, в нем бурлила энергия, он был преисполнен совершенно несвойственной ему экзальтацией, а исходящие от него невидимые волны электризовали все вокруг, на несколько градусов подняв температуру воздуха в гостиной.

— О, это вы, старина, привет! — сказал он так, словно не видел меня десять лет. На одно короткое мгновение мне даже показалось, что Гэтсби настолько зарапоровался, что собирается пожать мне руку:

— Да вот, дождик перестал...

— В самом деле? — когда смысл сказанного окончательно дошел до него, и Гэтсби обратил внимание на солнечных зайчиков, беззаботно скачущих по комнате, он счастливо улыбнулся, как метеоролог, составивший верный прогноз погоды, как Сын Света, одержавший нелегкую победу над Тьмой. И тут же передал эту воистину благую весть Дейзи: — Как вам это нравится, оказывается, дождь-то давно уже перестал!

— Это прекрасно, это просто удивительно, Джей! — в ее обволакивающем голосе слились воедино скрытые от самой себя боль разлуки, тоска одиночества и ликующая всепобеждающая радость обновления.

— Прошу всех ко мне, — сказал Гэтсби. — Мне хочется показать вам свой дом.

— Вы уверены, что мне следует пойти вместе с вами?

— Непременно, старина, непременно!

Дейзи поднялась по лестнице в ванную комнату — умыться, и я тут же испытал угрызения совести, вспомнив о своих убогих полотенцах, но изменить что-либо было уже поздно, тем более что мы с Гэтсби вышли и ждали ее в саду.

— Очень даже неплохо выглядит отсюда мой дом, вы не находите? — спросил Гэтсби. — Посмотрите, какая удачная планировка: весь фасад обращен к солнцу.

Я безоговорочно согласился с тем, что зрелище действительно впечатляет.

— Да... — Его взгляд нежно погладил каждую арочную дверь, каждую квадратную башенку. — Я ровно три года упорно трудился, старина, пока не заработал достаточную сумму на этот дом.

— Я полагал, что вы унаследовали состояние.

— Так оно и было, старина, так оно и было, — автоматически повторил он, — но во время войны я лишился практически всего. То были времена Большой Паники, знаете ли.

Похоже, он настолько углубился в воспоминания, что в ответ на мой вопрос, а чем, собственно, он зарабатывал себе на жизнь, буркнул, мол, это его личное дело, — и только потом спохватился, что прозвучало это, по меньшей мере, невежливо.

— О, я занимался разными вещами, — исправил он свою оплошность. — Вначале это были лекарственные препараты, потом переключился на нефть. Правда, в настоящее время не занимаюсь ни тем, ни другим. — Он пристально посмотрел на меня: — Может быть, нам стоит вернуться к нашему вчерашнему деловому разговору?

Я не успел ответить, потому что из дома вышла Дейзи и ослепила нас багряно — золотым сиянием двух рядов медных пуговиц, сверкавших в ярких лучах предзакатного солнца на ее платье.

— Неужели этот огромный дом — ваш? — воскликнула она, протянув руку в направлении виллы.

— Вам нравится?

— Очень, но я просто не понимаю, как вы можете жить там один.

— О, я по мере возможности стараюсь, чтобы он не пустовал. Он открыт для моих друзей днем и ночью. Здесь часто бывают интересные люди, театральные и прочие знаменитости.

Вместо того, чтобы пройти к Гэтсби напрямую, вдоль берега, мы пошли круглым путем, по дороге, и вошли в имение через боковой въезд. Дейзи с довольным мурлыканьем любовалась возвышающейся над окрестностями громадой, вырисовывающимся на фоне облаков баронским замком феодальной эпохи; восторгалась цветущим садом — тончайшим ароматом жонкилий, медвяным духом цветущего боярышника и сливы, пьянящим благовонием белоснежных с золотом лилий. Мне было даже как-то непривычно, что на пустых мраморных лестницах не видно сейчас красавиц в туалетах всех цветов радуги, грациозно, словно балерины, снующих вверх — вниз по ступенькам, — и только звонкие трели птиц разносились в вышине над притихшим имением.

Потом мы ходили по музыкальным салонам в стиле Марии Антуанетты^[24] и гостиним а la Карл II^[25]. Создавалось такое впечатление, что дом полон гостей, но они получили строжайший приказ хранить молчание и не показываться до тех пор, пока мы не уйдем, и прячутся сейчас под диванами и столами. Когда Гэтсби захлопнул дверь в «библиотеку колледжа Мертон», я явственно услышал булькающий смех мистера Совиный Глаз!

Потом мы поднялись по лестнице и пошли бесконечной анфиладой будуаров, задрапированных розовым и голубым шелком, с букетами свежих цветов на каждом шагу; переходили из гардеробных в бильярдные, заглядывали в ванные комнаты с мраморными ваннами, утопленными в кафельном полу. В одной из комнат нам попался всклокоченного вида мужчина, который лежал на ковре в ночной пижаме и делал лечебную гимнастику. Это был тот самый Клипспрингер — он же «Постоялец»! Я видел его этим утром, когда он с озабоченным и голодным видом рыскал по пляжу. Мы завершили обход дома в личных апартаментах мистера Гэтсби, состоявших из спальни, ванной комнаты и кабинета с мебельным гарнитуром а la Адам. Здесь мы и обосновались, потом Гэтсби достал из встроенного буфета бутылку шартреза, и мы насладились превосходным букетом густого, как мед, ликера из подвалов знаменитого картезианского монастыря.

Он не отводил глаз от Дейзи и, на мой взгляд, делал переоценку ценностей, то есть интерьеря, в зависимости от того, какое впечатление производила богатая обстановка его покоев на миссис

Бьюкенен. А временами он застывал в растерянности и недоумении и смотрел по сторонам отсутствующим взглядом, словно рядом с Дейзи все вещи этого мира теряли свою первоначальную ценность, и не было ничего более важного на свете, кроме затмевающего все и вся божественного образа его возлюбленной. В таком просветленном состоянии он едва не свалился с лестницы, — и хорошо еще, что я оказался в этот момент рядом с ним.

Его спальня была, возможно, самым скромным и аскетическим помещением виллы, не считая лежащего на туалетном столике несессера с бритвенными и прочими принадлежностями из чистого золота. Дейзи сразу же потянулась к золотому гребню и начала расчесывать свои роскошные волосы, а Гэтсби сидел в кресле, жмурился от удовольствия, как сытый кот, и смеялся тихим счастливым смехом.

— Как это странно, старина, — весело сказал он. — Не могу поверить, как ни стараюсь...

Судя по всему, расположение духа Гэтсби благополучно миновало две фазы и сейчас как раз вступало в третью. После естественного замешательства и смущения, после всепоглощающей радости и восторга, он преисполнился ошеломляющего восхищения и даже умиления от того, что его избранница была рядом с ним. Долгие годы мечтал он об этом дне, мысленно принимал ее в своем огромном доме, ждал ее бессонными ночами, стиснув зубы в невероятном напряжении душевных сил. Теперь наступила реакция: он все-таки добился своего, но что-то словно сломалось у него в душе, как лопнувшая пружинка в каминных часах.

Этот эмоциональный коллапс продолжался еще с минуту, потом он взял себя в руки и начал демонстрировать свой гардероб. Гэтсби распахивал перед нами один шкаф за другим, показывал множество костюмов, домашних и купальных халатов, галстуков, разноцветных сорочек, разложенных на полках — по дюжине в каждой стопке.

— Мой английский поставщик отправляет мне одежду и белье два раза в год — к началу весеннего и осеннего сезона.

Он достал с полки несколько стопок и вывалил прямо на стол разноцветную груду сорочек плотного шелка, тончайшего полотна и мягкой фланели, распустившихся на наших глазах диковинными тропическими цветами. Увидев наш восторг и удивление, Гэтсби стал

выкладывать дюжины новых и новых сорочек в клетку, крапинку и полоску, с вышитыми темным шелком монограммами и причудливыми узорами; разноцветная гора, вздымавшаяся чуть ли не до самого потолка, расцветивалась коралловыми, лазоревыми, изумрудными и оранжевыми тонами и полутонами. Глядя на все это великолепие, Дейзи вначале жалобно застонала, а потом разрыдалась по — женски — в голос, — уткнувшись головой в кипу хрустящей мануфактуры.

— Какие красивые сорочки! — заливалась она горькими слезами, а мягкая ткань заглушала всхлипывания и стенания. — Простите меня, ради Бога, но я никогда прежде не видела таких чудесных... таких восхитительных сорочек...

* * *

После дома нам предстояло осмотреть поместье, плавательный бассейн, гидроплан и летнюю оранжерею, но вначале через открытое окно до нас донеслись отдаленные раскаты грома, а потом опять хлынул дождь. Мы встали рядом у окна и долго смотрели на покрытые мелкой рябью воды пролива.

— Если бы не сел туман, мы бы увидели отсюда и ваш дом, — сказал Гэтсби Дейзи. — Там у вас, на причале, всю ночь светится зеленый огонек.

Дейзи в порыве нежности взяла его под руку, но он, похоже, не обратил на это ни малейшего внимания, поскольку осмысливал скрытое значение прозвучавшей только что фразы. Зеленый огонек как символ надежды утратил для него свое глубокое символическое значение в эту вот самую минуту. Раньше он был для него путеводной звездой, освещавшей пути и дороги, которыми ходила Дейзи; раньше он смотрел на него и думал, что, возможно, в эту самую минуту и Дейзи взглянула на мерцающий в ночи огонек, неясно предчувствуя будущую встречу... Все это осталось в прошлом, и зеленый огонек стал именно тем, чем и был на самом деле: зеленым сигнальным фонарем — и не более того! Что же, значит, под хрустальным куполом небес стало еще на одну мечту меньше, — вот так и уходит из нашей жизни романтика и волшебство!

В сгущающихся сумерках я ходил по комнате и рассматривал разные занимательные вещицы. Мое внимание привлекла увеличенная

фотография пожилого джентльмена в костюме яхт — клуба, висевшая на стене над столом.

— Кто это?

— Это? Это мистер Дэн Коди, старина. Мне показалось, что я слышал это имя.

— Он уже умер. Некогда это был мой лучший друг.

Потом я увидел на бюро маленькую фотографию самого Гэтсби — он стоял, дерзко и даже вызывающе вздернув подбородок, тоже в костюме яхт — клуба; на вид ему было лет восемнадцать.

— Ой, просто восхитительно! — радостно воскликнула Дейзи. — Надо же — «помпадур»! Вы никогда не рассказывали, что носили такую прическу, — и про яхту тоже.

— Вы лучше сюда посмотрите, — поспешно перевел разговор на другую тему Гэтсби. — Здесь газетные вырезки — все это о вас.

Они стояли рядом, перебирая пожелтевшие листки. Я уже собрался попросить его показать коллекцию рубинов, но неожиданно зазвонил телефон, и Гэтсби подошел к аппарату.

— Да... Нет... Не могу сейчас... Я же сказал, не могу сейчас разговаривать, старина... Нет — только маленький городок... Неужели он сам не знает, что это такое — маленький городок... От него не будет никакого толку, если Детройт для него — маленький городок...

Гэтсби повесил трубку.

— Скорее идите сюда! — закричала Дейзи от окна.

Дождь все еще шел, но свинцовая пелена туч на западе разошлась, и где-то над самым морем уже распустились бутоны золотистых и розовых облачков.

— Вы только посмотрите на эту красоту! — прошептал ла она. — Как же мне хочется поймать одно такое розовое облачко, посадить вас на него, дунуть — и плывите себе по воле ветра...

Я собрался было опять «оставить их на несколько минут», но они и слушать меня не захотели. Возможно, мое присутствие позволяло им острее чувствовать запретную и предосудительную близость.

— Вот что мы сейчас сделаем, — сказал Гэтсби, — позовем Клипспрингера, и пусть он нам сыграет что-нибудь на пианино.

С криком «Юинг! Юинг! Где вы?» Гэтсби вышел из комнаты, и уже через несколько минут вернулся назад в компании смущенного

молодого человека Несколько изнуренного вида, с жидковатыми светлыми волосами и в очках в черепаховой оправе. Сейчас он выглядел не так затрапезно, как давеча: на нем были парусиновые брюки неопределенного цвета, спортивная рубашка с воротником «апаш» и спортивные туфли.

— Наверное, мы помешали вашим занятиям? — вежливо осведомилась Дейзи.

— Я спал! — отчаянно закричал мистер Клипспрингер в припадке смущения. — То есть, нет! Вначале я спал, а потом, э — э-э, встал...

— Клипспрингер прекрасно играет на пианино, — оборвал его Гэтсби. — Не правда ли, старина, вы ведь играете на пианино? Эй, вы меня слышите, Юинг...

— Собственно... Собственно говоря, я плохо играю. Вернее, я вообще не играю, знаете ли. Да, я давно уже не практике.

— Вниз, старина, идемте вниз, — оборвал его посредине фразы Гэтсби. Затем он мягко щелкнул выключателем. Серые подслеповатые окна исчезли, и весь дом засверкал бриллиантовой россыпью огней.

В огромном музыкальном салоне Гэтсби зажег одну — единственную лампу — возле пианино, дрожащей рукой дал Дейзи прикурить и сел рядом с ней на диван, в дальнем темном углу комнаты, куда проникали только отблески от натертого до зеркального блеска паркета холла.

Зазвучали первые аккорды «Обитатели любви», вдруг Клипспрингер бросил играть, развернулся на табуретке и с виноватым видом посмотрел в сторону Гэтсби.

— Ну, я же говорил вам. Говорил. У меня ничего не полу...

— Старина, вы попытайтесь не разговаривать, а играть, — прервал его Гэтсби и властно произнес: — Играйте же, наконец!

...В час рассвета,
В час заката
На улыбку не скупись...

За окном завывал ветер, а где-то далеко, в открытом море, сверкали молнии и перекатывались глухие раскаты грома. Сумерки опустились на Вест — Эгг и зажгли сотни лампочек — светлячков в окнах домов. В набитых битком вагонах нью — йоркского электропоезда торопились домой, мчались через мрак и непогоду

усталые обитатели пригородов. Закончился еще один беспокойный день, и воздух был напоен тревогой и ожиданием встречи с днем завтрашним.

Пусть богач над златом чахнет
У тебя другое счастье!
В час рассвета,
В час заката
На улыбку не скупись...

Я опять заметил замешательство и озадаченность на лице Гэтсби, когда подошел к нему попрощаться. Похоже, он в очередной раз усомнился в подлинности своих собственных чувств и неожиданной, негаданной благосклонности фортуны. Миновало ровно пять лет! Наверняка были сегодня такие мгновения, когда он бывал несколько разочарован тем, что реальность несколько не совпадает с идеалом, и Дейзи его мечты мало чем походит на оригинал. Впрочем, здесь ему было некого винить, кроме самого себя, вернее, своего богатого воображения. Как это обычно и бывает, идеальный образ превзошел реальный по всем статьям. Он творил свой идеал в порыве вдохновения, долгими бессонными ночами, наделяя его подчас такими качествами, какие и не снились прототипу. Но и в этом не было ничего из ряда вон выходящего: в состоянии ли скупая природная красота сравниться с нашим представлением о ней?

Он пытался справиться с обуревавшими его чувствами. Его широкая ладонь лежала на ее руке, а когда Дейзи что-то промурлыкала ему прямо в ухо, Гэтсби повернулся к ней по — юношески пылко и взволнованно. Он буквально утонул в мягких и теплых волнах ее обволакивающего голоса, который прямо-таки завораживал его, как пение Сирены.

Они попросту забыли обо мне, правда, Дейзи на секунду подняла голову и протянула мне руку, зато Гэтсби, похоже, вообще не помнил, кто я такой и почему здесь нахожусь. Я еще раз посмотрел на них, они взглянули на меня невидящими и непонимающими глазами, потому что весь огромный мир принадлежал только им двоим. Я вышел из комнаты, спустился по мраморной лестнице и ушел в дождь, оставив их наедине.

Глава VI

Как-то раз, ласковым летним утром, молодой амбициозный репортер из Нью — Йорка постучался в двери Гэтсби и бесхитростно поинтересовался, не имеет ли тот сказать что-нибудь.

— Имею ли я сказать что-нибудь... Простите, а о чем? — дипломатично справился Гэтсби.

— Неважно о чем — пару слов для прессы.

Через пять минут выяснилось, что молодой человек услышал фамилию Гэтсби в офисе редакции в связи с обстоятельствами, о которых он то ли не хотел говорить, то лив них совершенно не разобрался. Но с похвальной для репортера пронырливостью «взял след» и отправился на разведку, причем в свой законный выходной день.

Это был своего рода выстрел навскидку, но самородное репортерское чутье не подвело. Слухи о Гэтсби, распространявшиеся усилиями сотен людей, пользовавшихся его гостеприимством и на этом основании считавших себя вправе судить о нем и его прошлом, перешли в иное качество, и был недалек тот день, когда Гэтсби и все с ним связанное должно было стать главной темой скандальных газетных публикаций. Молва связывала его с фантастическими проектами века, вроде «подземного нефтепровода в Канаду», рассказывали, что живет он вовсе не в доме, а на огромной яхте размером с трансатлантический лайнер, и именно на ней он тайно курсирует вдоль побережья Лонг — Айленда. Видимо, вся эта таинственность и чудовищное нагромождение слухов тешили самолюбие Джеймса Гетца из Северной Дакоты, — только трудно сказать почему.

Его звали Джеймс Гетц, во всяком случае, таково было его настоящее имя. Он изменил его в возрасте семнадцати лет — в знаменательный день, ставший началом его бурной карьеры, когда яхта Дэна Коди встала на якорь у одной из самых опасных отмелей Верхнего озера. Его звали Джеймс Гетц, когда он в тот день шатался без дела по берегу, одетый в рваное джерси грязно — зеленого цвета и парусиновые штаны, но уже Джей Гэтсби отвязывал, а попросту,

«заимствовал» чужую лодку со стоянки у причала. Именно Джей Гэтсби добрался до «Туоломеи» Дэна Коди и сообщил ему, что ровно через полчаса поднимется ветер, сорвет яхту с якоря и разнесет ее в щепки.

Возможно, это имя пришло ему в голову не вдруг, возможно, он выдумал его задолго до того. Его родители были недалекими людьми и неудачливыми фермерами и он никогда не воспринимал их всерьез, да и не относился к ним, как к своим настоящим отцу с матерью. В своих юношеских фантазиях Джеймс Гетц воображал, будто достоин других родителей. Собственно, Джей Гэтсби — его, так сказать, духовный образ — возник из идеализации своей собственной натуры, став своего рода материальным воплощением неудовлетворенных юношеских амбиций. Он был агнцем Божьим, если слова эти сохранили хоть какой-нибудь смысл, а если сохранили, то он был именно «агнцем», исполнявшим Замысел Творца, если понимать под промыслом Божьим служение тщетной мирской суете и плотским утехам. Так был вылеплен Джей Гэтсби, вылеплен именно таким, каким только и мог он выйти из рук семнадцатилетнего юнца — в полном соответствии со вкусами и пристрастиями, свойственными этому возрасту.

Больше года он скитался по южному побережью Верхнего озера, конопатил лодки, ловил лосося, добывал съедобных моллюсков и вообще не брезговал никакой работой за стол и ночлег. Его смуглое мальчишеское тело обрастало мускулами в изнурительном рыбацком труде, а мятежный дух закалялся в безудержных и шумных попойках в портовых салунах. Он рано познал женщин, и, испорченный их вниманием, стал относиться к ним с презрением. Он презирал юных девиц за их неискушенность и ненавидел зрелых женщин за их многоопытность, за их настойчивые попытки стать частью его мирка, построенного на патологически животном эгоцентризме.

Но в душе его не было покоя, там царили хаос и смятение. Самые затейливые и невероятные видения посещали его по ночам. Причудливые миры и ослепительные протуберанцы, тысячи солнц мелькали перед ним то ли в полусне, то ли в полубреду под вечное тиканье часов на умывальнике в душевой комнате, на смятой постели или прямо на полу — на ворохе сваленной на пол одежды, пропитанной влажными испарениями мертвенно — голубого лунного

света. Болезненное воображение плело один замысловатый узор за другим, оплетая сознание невидимыми путями, пока спасительный сон не принимал его в свои объятия посреди какой-нибудь особенно яркой и дерзкой сцены. Какое-то время ночное блуждание по звездам было для него потаенной дверцей в недоступный для него мир отдохновения и грез, словно Некто Великий и Ужасный внушал ему веру в иллюзорность бытия и убеждал в том, что мир незыблемо покоится на трех китах или, в крайнем случае, на крыльшках эльфов.

Тщетная погоня за якобы уготованным ему блестящим будущим привела его в маленький лютеранский колледж Святого Олафа на юге Миннесоты; и это произошло за несколько месяцев до встречи с Коди. Там он продержался всего лишь две недели, потрясенный монашеским фатализмом в целом и всеобщим равнодушием к барабанам его судьбы в частности; однако самым большим разочарованием его послушничества стала унижительная работа дворника, которую предложили ему святые отцы в виде платы за учение. Она окончательно отвратила его от схоластической карьеры. Он вернулся к родным берегам, и как раз был занят тем, что подыскивал себе подходящую работу, когда яхта Дэна Коди встала на якорь у одной из самых опасных отмелей Верхнего озера...

Коди исполнилось пятьдесят. Он прошел свои университеты на серебряных приисках Невады, питался медвежьим мясом на Юконе и появлялся везде, где только пахло деньгами и металлом, начиная с семьдесят пятого. Сделки с монтанской медью принесли ему миллионы; золотые и прочие лихорадки, сотрясавшие Америку до самого основания, пощадили его физическое здоровье, но поставили на грань психического расстройства и размягчения мозга, чем не преминули воспользоваться увивавшиеся вокруг него женщины, и многие из них пытались разлучить его с деньгами, добытыми ценой лишений и труда. Так, некая Элла Кей, «добропорядочная журналистка из приличной газеты», посредством грязных интриг и низких ухищрений пыталась сыграть роль мадам де Ментенон при слабеющем Коди, и в конечном итоге заставила его искать убежище в открытом море на борту собственной яхты «Туоломеи»; в 1902 году пикантные подробности этой истории смаковала вся бульварная пресса. Пять лет он скитался по морям, и в конце концов зашел в залив

Литтл — Герл в Верхнем озере, став вестником Судьбы для Джеймса Гетца.

Когда юный Гетц отдыхал, табаня веслом, и смотрел снизу вверх на леерное ограждение дека, изящная яхта показалась ему воплощением всего прекрасного, что только может быть на белом свете. Думаю, он улыбался, когда разговаривал с Коди, — к этому времени юный искатель приключений успел понять, что людям нравится его улыбка. Так или иначе, но Коди задал ему парочку вопросов (именно тогда и прозвучало новое имя) и с удовлетворением обнаружил, что юноша сметлив и дьявольски честолюбив. Через несколько дней он отправился с ним в Дулут и купил ему голубую куртку, шесть пар белых полотняных брюк и форменную фуражку яхт — клуба. Когда «Туоломея» вышла в открытое море и ушла в плаванье к Вест — Индии и Северной Африке — к берберийским берегам Джей Гэтсби драил палубу и ловко управлялся со снастями.

Он был зачислен в команду, впрочем, его прямые обязанности так и не были определены: Гэтсби попеременно нес вахту стюарда, помощника капитана, шкипера, секретаря. Доводилось ему бывать и «личным тюремщиком» Дэна Коди; Трезвый Дэн прекрасно знал, что может вытворить его второе «я» в пьяном виде! Обязанности тюремщика возлагались на Гэтсби именно в таких чрезвычайных ситуациях — и доверие Коди к нему росло, а со временем он стал полагаться на Джея больше, чем на самого себя. Пять лет ходили они по морям, трижды обойдя вокруг континента. Возможно, так могло бы продолжаться бесконечно долго, если бы одной несчастливой ночью, на стоянке в Бостоне, на палубу не поднялась Элла Кей. Дэн Коди тихо скончался ровно через неделю после этого, презрев все и всяческие законы гостеприимства, но, видимо, несчастному было не до них.

Я хорошо помню его портрет, который висел в спальне Гэтсби: седые волосы, багровое лицо с пустыми и колючими глазами. Он был одним из тех буйных конквистадоров Дикого Запада, кто привнес на Восток безудержный разврат публичных домов и необузданную жестокость салунов фронта^[26]. В определенном смысле Гэтсби был обязан этому горькому пьянице благоприобретенным неприятием спиртного. Случалось, что на какой-нибудь слишком уж разгульной вечеринке женщины поливали его шампанским, но сам он позволял себе, в крайнем случае, только рюмку ликера.

Коди оставил ему двадцать пять тысяч долларов, но Гэтсби не получил ни цента из наследства старого морского волка. Он так до конца и не разобрался в юридической казуистике, благодаря которой миллионы Коди уплыли прямо в карман «добропорядочной журналистки из приличной газеты», но факт остается фактом: Гэтсби остался с тем, с чем приплыл к «Туоломее» пять лет тому назад, не считая бесценного жизненного опыта, благодаря которому юношеские грезы Джеймса Гетца облеклись в плоть и кровь.

* * *

Все это он рассказал мне много позже и исключительно для того, чтобы опровергнуть нелепые слухи о своем прошлом, в которых не было ни фана правды. Более того, происходило это в непростое для меня время, когда личные обстоятельства складывались таким образом, что я был готов поверить всему или ничему. Вот почему я и решил воспользоваться короткой заминкой в развитии событий, чтобы несколько прояснить ситуацию и поставить на место клеветников и сплетников, пока мистер Гэтсби переводит дух, если можно так выразиться!

Пауза возникла и в нашем с ним общении. Примерно пару недель мы не только не виделись, но даже не разговаривали по телефону. Я проводил в Нью — Йорке большую часть свободного времени, бродил с Джордан по вечерним улицам и всеми силами пытался войти в доверие к ее тетке преклонного возраста.

В конечном итоге я сам отправился к нему в один из воскресных дней, ближе к вечеру. Не прошло и двух минут после моего прихода, как заявился Том Бьюкенен в компании обуреваемых желанием выпить молодых людей. Я был просто потрясен, хотя удивляться следовало, скорее, нерасторопности Тома, умудрившегося так затянуть с «ознакомительным» визитом.

Молодые люди упражнялись в верховой езде где-то поблизости отсюда, — Том, его приятель по фамилии Слоун и хорошенькая особа в коричневой амазонке, которым доводилось бывать в доме Гэтсби и раньше.

— Рад видеть вас, — сказал Гэтсби, выйдя на веранду. — Искренне рад, что вы заглянули ко мне.

Словно их это волновало!

— Прошу садиться. Сигареты? Сигары? — он нервно ходил по комнате и звонил в колокольчик, вызывая прислугу. — Через минуту принесут чего-нибудь выпить.

Его определенно беспокоило присутствие Тома. Правда, он все равно не успокоился бы, не угостив неожиданных гостей, отдавая себе отчет в том, что за этим они, собственно, и явились. Мистер Слоун капризно отказывался от предлагаемых угощений.

— Лимонад?

— Нет, не хочу.

— Может быть, шампанского?

— Спасибо, что-то не хочется.

— Ну, тогда — извините, — сокрушенно сказал Гэтсби и сразу же спросил: — Хорошая была прогулка?

— Здесь в округе прекрасные дороги.

— Но я полагал, что автомобили...

— Может быть...

Повинуясь какому-то порыву, Гэтсби повернулся к Тому, который с самого начала повел себя так, словно они встретились впервые.

— Кажется, мы с вами где-то встречались, мистер Бьюкенен?

— О, да, — сказал Том с грубоватой фамильярностью. — Как же, помню. Прекрасно помню.

Я был готов отдать голову на отсечение, что Том ни сном ни духом не помнит о случайной встрече в нью — йоркском ресторанчике.

— Помните? Пару недель тому назад...

— А, вот когда! Вы еще тогда были с Ником.

— Имею честь быть знакомым с вашей супругой, — почти что агрессивно продолжил Гэтсби.

— Как тесен мир, — равнодушно обронил Том и повернулся ко мне: — Ник, ты ведь живешь где-то поблизости?

— Совсем рядом.

— Надо же!

Мистер Слоун не принимал участия в беседе и сидел, откинувшись на спинку кресла, с надменным и усталым видом. Молодая леди тоже хранила загадочное молчание, но после пары хайболов расцвела нежной и обольстительной улыбкой.

— О, мы намереваемся выбраться на пленэр, и рассчитываем быть у вас в следующее воскресенье, мистер Гэтсби, — медовым голосом

заявила она. — Вы ведь не возражаете?

— Как можно, леди! Почту за честь...

— Решительно, вы очень любезны, — бесцветным голосом произнес мистер Слоун. — Однако нам пора...

— Помилуйте, почему так скоро? — вежливо запротестовал Гэтсби.

Теперь он взял себя в руки, и ему определенно захотелось пообщаться с Томом Бьюкененом накоротке.

— Собственно, а почему бы вам не остаться на ужин? Я не удивлюсь, если заглянет кто-нибудь из Нью — Йорка.

— Нет, нет, приглашаю всех к себе, — с энтузиазмом заявила молодая леди. — Всех! И вас тоже!

Последняя реплика относилась ко мне. Тем временем мистер Слоун выбрался из кресла и встал посреди гостиной.

— Поехали! — сказал он, обращаясь к юной амазонке.

— Правда! Правда... — кокетливо продолжала она. — Давайте поедем, мило проведем время. Места хватит для всех!

Гэтсби посмотрел на меня с неммым вопросом. Он явно хотел поехать, словно не видел того, что мистер Слоун крайне этим недоволен и уже решил для себя этот вопрос.

— Боюсь, что не могу воспользоваться вашим любезным приглашением, — сказал я.

— Но вы-то поедете, мистер Гэтсби? — не унималась леди — амазонка.

Мистер Слоун зловеще прошептал ей что-то прямо в ухо.

— Вовсе даже не опоздаем, — громко ответила она. — Просто нужно собираться и ехать прямо сейчас.

— Правда, я не держу лошадей, — сказал Гэтсби. — Последний раз я ездил верхом на фронте, а своей конюшни так и не завел. Впрочем, я поеду следом за вами на авто. Буду готов через минуту.

Мы вышли на веранду, мистер Слоун и юная леди отошли в сторону и яростно заспорили.

— Черт побери! — сказал Том. — Он что — действительно поедет? Не понял, что ли, что он ей ни к чему?

— Но ведь она его пригласила.

— Там соберутся люди, а он никого из них не знает. Где, к чертям собачьим, он познакомился с Дейзи? — нахмурился Том. — Черт его

знает, может, я чего-нибудь недопонимаю, но мне абсолютно не нравится, когда приличные женщины ездят незнамо куда и знакомятся со всякими сомнительными типами.

Неожиданно я увидел, как мистер Слоун и леди спустились по мраморным ступенькам, он придержал стремя и помог ей сесть в седло, а потом вскочил на коня и сам.

— Уезжаем, — сказал Слоун, повернувшись к Тому, — мы уже опаздываем.

— Вы уж не сочтите за труд передать, что мы не могли ждать ни секунды, — его последние слова предназначались мне.

Том пожал мне руку, его приятели ограничились сухими кивками и сразу же пустили лошадей карьером.

Они едва успели скрыться за пожелтой августовской листвой, как на веранду вышел Гэтсби — в шляпе и с летним плащом в руке.

Похоже, Тому действительно не давала покоя мысль, что Дейзи ездит неизвестно куда и, мало того, без него, поэтому в следующий уик — энд он появился на вилле Гэтсби вместе с супругой. Думаю, что его присутствие привнесло нечто тягостное и гнетущее в обычно праздничную ауру *jour fixe*^[27] Гэтсби; во всяком случае, тот прием запомнился мне окрашенным в мрачные тона. Вроде бы и компания подобралась прежняя, и шампанское лилось рекой, и таким же разноголосым был гвалт броско разодетой публики, но что-то было не так. Что-то чуждое и враждебное самому духу вечеринки витало в воздухе. Раньше такого не было. Впрочем, я мог и ошибиться: может быть, я просто привык — привык воспринимать Вест — Эгг как некий самодостаточный мир со своей моралью, своими ценностями, своими героями и героинями; мир, ослепший и оглохший от упоения собой, — мир без комплексов неполноценности, поскольку он просто не знал, что это такое. Теперь представилась редкая возможность взглянуть на этот изолированный мирок как бы со стороны — глазами Дейзи, и переоценить то, с чем давно уже свыкся, что давно уже перестал видеть в истинном свете.

Том и Дейзи приехали ближе к вечеру, когда компании уже успели составиться и распаться, и все мы гуляли по сказочным аллеям сада шумной и нарядной толпой. Дейзи была в восторге — словно лишившись дара речи, она время от времени издавала довольные воркующие звуки.

— О, как это волнительно! — взволнованно шептала она. — Ник, всякий раз, когда тебе захочется поцеловать меня, дай мне только знать. И я — твоя! Только позови меня! — или предъяви «грин кард»! — зеленые карточки я обычно вручаю тем, кто...

— Присмотритесь к людям, — порекомендовал Гэтсби.

— А я и смотрю — уже все глаза проглядела. Я восхищена этими...

— Взгляните на их лица — многие из них должны быть вам знакомы, — продолжал, словно и не слыша ее, Гэтсби.

Том бесцеремонно — в своей обычной манере — и без капли стеснения таращился на почтенную публику.

— Я редко наношу визиты — все больше живу анахоретом, знаете ли, — нахально заявил он. — Так что я, скорее, вообще не вижу здесь ни одного знакомого лица.

— Но не станете же вы утверждать, в самом деле, что вам незнакома эта леди? — Гэтсби бросил неназойливый взгляд в сторону необыкновенной красавицы, которая выглядела экзотической орхидеей, распутившейся на фоне белой сливы.

Том и Дейзи застыли, широко раскрыв глаза и судорожно хватая ртами воздух. Кажущаяся нереальность происходящего, когда в запросто сидящем рядом с тобой человеке узнаешь вдруг кого-нибудь из «небожителей» — вроде звезды экрана или мультимиллионера, похоже, окончательно добила их.

— До чего она мила! — промурлыкала, наконец, Дейзи.

— Вполне с вами согласен, а мужчина, наклонившийся к ней, — тот самый знаменитый режиссер! — продолжил Гэтсби.

Он переходил с ними от одной группы гостей к другой и церемонно представлял:

— Миссис Бьюкенен... мистер Бьюкенен, — и после секундного колебания: — Настоятельно рекомендую: мистер Бьюкенен — отменный наездник и великолепный игрок в поло.

— О, нет, — решительно возразил Том, — ничего подобного.

Однако звучание этого словосочетания, видимо, настолько понравилось Гэтсби, что Том остался «великолепным игроком в поло» на весь оставшийся вечер.

— Никогда не встречала столько знаменитостей сразу и в одном месте! — оживленно произнесла Дейзи. — Ну, а этот, как его там, — с синим носом, — просто душка, вы не находите?

Гэтсби назвал его по имени и уточнил, что это всего — навсего мелкий продюсер.

— Все равно, он — душка!

— Дорогая, с куда большим удовольствием я не был бы «великолепным игроком в поло», — застенчиво произнес Том, — а, будучи одним из самых скромных и незаметных гостей, любовался бы на наших кинозвезд со стороны!

Потом Дейзи и Гэтсби танцевали. Признаться, меня удивили грациозные и старомодно — ностальгические па его фокстрота — мне впервые довелось увидеть танцующего Гэтсби. Потом они неторопливо побрели в сторону моего дома и около получаса просидели там на ступеньках, а я тем временем патрулировал ближние подступы в саду. «Мало ли что, — сказала Дейзи, — пожар, потоп или какое-нибудь еще наказание Божье!»

Том выскочил откуда-то, когда мы сидели за столом и собирались ужинать.

— Вы не возражаете, если я вас покину и переберусь вон за тот столик? Там подобралась веселая компания, и парни рассказывают уморительные истории!

— Иди, милый, — сердечно промурлыкала Дейзи, — на всякий случай, возьми мой золотой карандашик, если вдруг потребуются записать чей-нибудь адресок.

Через какое-то время Дейзи огляделась по сторонам и сообщила мне, что «девица — явно из простонародья, но достаточно смазливая». Было совсем несложно понять, что не так уж весела и беззаботна была Дейзи в этот вечер, если не считать того получаса на ступеньках моего дома.

Мы оказались за столиком, где подобралась совсем уж подгулявшая компания. Каюсь — все это по моей вине: Гэтсби позвали к телефону, а я увидел старых знакомцев по прошлой вечеринке и подсел к ним безо всякой задней мысли. Но то, что забавляло меня в прошлый раз, сегодня действовало на нервы, отравляло вечер.

— Как самочувствие, мисс Бедекер?

Девица Бедекер тщетно пыталась прикорнуть у меня на плече. Услышав вопрос, она села подчеркнуто прямо и открыла глаза.

— Чиво?

Массивная леди, только что назойливо приглашавшая Дейзи сыграть в гольф в местном клубе «как-нибудь утречком», с темпераментом снулой рыбы бросилась на защиту подружки.

— О, сейчас-то она в порядке. Она всегда вот так ревет белугой после пятого или шестого коктейля. А сколько раз я ей говорила: «Милая, тебе и капли в рот брать нельзя».

— А я и не беру, — вяло огрызнулась девица Бедекер. Мы услышали вопли и тут же сказали доктору Сивету:

— Док, кому-то наверняка понадобится сегодня ваша помощь!

— Бедняжка не знает, как ей вас и благодарить, — ехидно заметила другая леди. — Когда вы макали ее головой в бассейн, то нечаянно забрызгали платье.

— Отвратительную взяли моду — чуть что, сразу макать головой в бассейн, — пробормотала мисс Бедекер. — Однажды они чуть не утопили меня в Нью — Джерси.

— Тем более я порекомендовал бы вам — ни единой капли впредь, милая моя, — интеллигентно заметил доктор Сивет.

— А ты это самому себе пропиши! — взревела девица Бедекер. — Тоже мне — доктор называется. Руки ходуном ходят. Да я бы ни за какие деньги не согласилась ложиться к алкоголику под нож.

И так далее, и тому подобное! Последнее, что я отчетливо запомнил: вечерет, а мы стоим рядом с Дейзи и смотрим короткометражный фильм под названием «Продюсер и его Звезда». Они все время просидели под раскидистой белой сливой. Он смотрел на Нее, и их лица почти соприкоснулись, разделенные одной лишь голубой полоской лунного света. Я подумал, что он весь вечер так вот заваливался и заваливался в ее сторону, подбираясь все ближе и ближе, как вдруг его губы впились в ее бархатистую звездную щечку.

— Мне она определенно нравится, — сказала Дейзи. — До чего все-таки мила...

Что же до остального, то оно действительно оскорбляло чувства Дейзи; мне показалось, что она растеряна — и это было не притворство, а крик души. Вест — Эгг определенно напугал ее, вернее, ее ужаснуло то, в какую обитель порока превратилось некогда скромное рыбацкое селение Лонг — Айленда, развращенное бродвейскими нравами; она была явно ошеломлена мощью первозданных эмоций, бурливших в котле страстей человеческих, едва

прикрытом крышкой манер, и тем Вечным Призывом, который берedit бессмертную душу, торопя и понуждая пройти крестным путем из небытия в небытие. Было что-то тревожное в этом навязчивом опрощении чувств и нравов, которое она не могла, да и не желала принимать.

...Мы втроем сидели на мраморных ступеньках и ждали, когда появится их машина. Было совсем темно, и только десятифутовый прямоугольник света из раскрытых дверей рассекал предрассветный мрак. В гардеробной, за задернутой шторой, появлялись призрачные персонажи театра теней — женские силуэты, наводившие красоту перед невидимыми зеркалами.

— Послушай, а кто он такой — этот твой Гэтсби? — неожиданно спросил Том. — Не иначе, как крутой бутлегер?

— Интересно, кто это мог тебе такое сказать? — хмуро спросил я.

— Да никто. Думаешь — не видно! Вроде ты и сам не знаешь, все эти богатые выскочки — через одного бутлегеры.

— Только не Гэтсби, — коротко отрезал я.

Том замолчал, и слышно было, как хрустит гравий под подошвами его ботинок.

— Тут надо было хорошенько постараться, чтобы устроить такой балаган!

Подул легкий бриз, всколыхнув серую дымку боа Дейзи.

— Этот балаган будет поприличнее того зверинца, который собирается у нас, — сказала Дейзи, не скрывая раздражения.

— Что-то я не заметил, что ты была в восторге.

— А вот и была!

Том рассмеялся и повернулся ко мне:

— Ага, особенно, когда та рыжая попросила тебя отвести ее под холодный душ. Ник, ты обратил внимание, в каком диком восторге была моя благоверная?

Но Дейзи уже не обращала на него внимания, а под аккомпанемент музыки, доносившейся откуда-то из дома, еле слышно напевала своим грудным обволакивающим голосом, придавая хорошо знакомым словам совершенно новый смысл — неуловимо исчезающий в ночи. Когда мелодия взлетала вверх, ее низкий голос переплетался с напевными звуками и мягко ломался, как это всегда бывает с

контральто, а после каждой каденции в мир словно выплескивалось немного чудотворной теплоты.

— Было много таких, кого и не собирались приглашать, — неожиданно сказала Дейзи. — И ту девушку не приглашали. Лезут, будто им тут медом намазано, ну, а он из вежливости помалкивает.

— Кто же он такой, черт побери? — опять взялся за свое Том. — Не успокоюсь, пока не выясню.

— Можешь не трудиться, я тебе и так расскажу, — сказала Дейзи. — Он занимается аптечным бизнесом — развернул целую сеть аптек.

Припозднившийся лимузин Бьюкененов бесшумно, словно пристыжено, вывернул из-за поворота.

— Спокойного сна, Ник, — сказала Дейзи.

Грустная мелодия вальса «Три часа утра», гвоздя нынешнего музыкального сезона, лилась из распахнутых дверей, и взгляд Дейзи скользнул мимо меня туда — к веселью и свету гостеприимного дома. Что и говорить, было нечто романтически притягательное в пестрой суете случайных встреч и ни к чему не обязывающих знакомств, чего так не хватало ей в упорядоченной нью — йоркской повседневности. Почему же так не хотелось ей уезжать отсюда, почему же не отпускала ее печальная мелодия? Неужели настолько хорош был незатейливый скромный вальс? Что же такого волшебного могло произойти в эти хмурые предрассветные часы? Может быть, ждала она, что скользнет сейчас кленовый листок — кораблик со снастями из паутинок по серебряной лунной дорожке, выпорхнет из него красавица — фея в ослепительном сиянии вечной юности и свежести и околдует, обворочит гостей, а с ними и хозяина, — и один лишь дерзкий взгляд ее очей сведет с ума Гэтсби, и позабудет он о пяти годах своей нерушимой верности. Кто знает...

— Ей совершенно не понравилось, — трагически прошептал Гэтсби.

— А, по — моему, очень даже понравилось.

— Нет, — терзался он, — нет, ей было скучно, и вообще...

Он замолчал, и я почувствовал, что Гэтсби искренне расстроен.

— Я все время ощущал какой-то барьер между нами: вроде бы она — рядом и вместе с тем далеко — далеко от меня. И я не мог, понимаете, не мог помочь ей это понять.

— Прошу прощения, вы это о танцах?

— О каких еще танцах? — Он нетерпеливо щелкнул пальцами, словно сбрасывая костяшки на счетах, а вместе с ними и все танцевальные вечера, которые устраивал в своем имении. — Старина, танцы здесь вообще не при чем.

Видимо, он хотел, чтобы Дейзи подошла к Тому и сказала, что не любит его, — ни больше и ни меньше, — а потом, перечеркнув таким образом последние четыре года своей жизни, можно было бы заняться утилитарной стороной дела, то есть оформлением будущих супружеских отношений. Наверное, после того как Дейзи обрела бы свободу, Гэтсби собирался вернуться с ней в Луисвилль и сыграть свадьбу в ее доме, как это и должна было произойти пять лет тому назад.

— А она не понимает, — сказал он. — А раньше могла понять практически все. Мы сидели с ней часами...

Он осекся и принялся мерить шагами опустевшую аллею, засыпанную апельсиновой кожурой, конфетными обертками и увядшими цветами.

— А не много ли вы от нее хотите? — осторожно спросил я. — Прошлого не вернешь.

— Прошлого не вернешь? — недоверчиво переспросил он, как бы пробуя фразу на вкус. — Почему это не вернешь? Очень даже вернешь!

Он нетерпеливо огляделся по сторонам, будто прошлое затаилось где-то рядом, в тени его виллы, и достаточно было протянуть руку, чтобы крепко ухватить его за шкуру.

— Я сделаю все, чтобы вернуть то, на чем мы остановились пять лет назад, — сказал он и решительно добавил: — Абсолютно все. Она это поймет.

Он погрузился в воспоминания, и я почувствовал, что он мучительно пытается обрести в них самое себя или же какое-то необыкновенно важное для него чувство, что некогда растворилось без остатка во всепоглощающем пожаре любви. Да, судьба била его и ломала, и что-то навсегда осталось там — в начале пути, но если бы удалось вернуться к истокам и начать сначала, вероятно, и удалось бы еще повернуть все по — другому и понять, что же было безвозвратно утрачено — тогда, когда жизнь казалась бесконечной, и всё еще было впереди... ..Пять лет тому назад, погожим осенним вечером, они

бродили по городу, вдыхая терпкий аромат прелой листвы, и забрели на странную улицу, где не росли деревья, а сама она словно щерилась тротуаром, ослепительно белым в серебристом свете луны. Здесь они остановились и повернулись друг к другу. Похолодало, и ночь была полна той колдовской загадочности и неосознанного смятения, которые на изломе осени всегда испытывают натуры впечатлительные и романтические. Мягкий электрический свет, лившийся из окон, с жадностью вылизывал лужицы ночного мрака у их ног. Мне вдруг открылось, рассказывал Гэтсби, что плитки тротуара — вовсе не плитки, а призрачные ступеньки бесконечной лестницы, теряющейся в листве над нашими головами, и можно было бы подняться вверх, но только в одиночку, а уже там — у самого источника Мироздания — припасть к его живительным струям и глотнуть первозданной магической Силы самой матери Природы.

Его сердце билось все чаще и чаще, когда бледное от волнения лицо Дейзи придвигалось к его лицу, заслоняя полнеба. Их венчала ночь, и Гэтсби знал, стоит ему поцеловать ее, стоит ему опалить бранным дыханием потаенную мечту, как сразу же навсегда исчезнет чувство божественного полета и свободы. И он медлил, словно боялся спугнуть мгновение, прислушиваясь к самым чувствительным струнам своей души, камертонам Творца и хрустальным колокольчикам звезд. Он все-таки поцеловал ее, и нежного прикосновения его губ было достаточно для того, чтобы вся она раскрылась навстречу ему, как цветок. Инкарнация свершилась.

Я не мог отделаться от ощущения, что уже слышал нечто подобное много лет назад, во всяком случае, в его чудовищно сентиментальном и даже слащаво — приторном повествовании был какой-то смутно знакомый мне ритм, угадывались отголоски некогда произнесенных, но уже напрочь забытых слов. В миг озарения где-то в глубине подсознания даже начал обростать словесной плотью некий мысленный образ, и я открыл было рот, чтобы сформулировать прописную истину, но губы мои шевелились совершенно беззвучно, как у него, и то, что я практически уже вспомнил, опять кануло в бездну памяти.

Глава VII

Как-то субботним вечером, в тот самый момент, когда ажиотаж вокруг Гэтсби достиг наивысшего предела, праздничные огни в его саду не зажглись, и на этом закончилась загадочная карьера «друга Марса, Вакха и Венеры» — закончилась столь же таинственно, как и началась. Вначале я обратил внимание на то, что многочисленные авто, с бодрым фырканьем кружащие по серпантину его подъездной дороги, через считанные секунды возвращаются назад, неуверенно тычась бамперами, словно побитые псы. «Да здоров ли он, в самом-то деле?» — подумал я, и отправился на его виллу. Незнакомый прислужник с совершенно бандитской физиономией не пустил меня даже на порог.

— Любезный, уж не болен ли часом мистер Гэтсби?

— Нет, — нагло ответствовал мне этот тип, а потом подумал немного и сквозь зубы добавил: — Сэр.

— Я его давно уже не видел, поэтому и встревожился. Передайте, что мистер Каррауэй заходил справиться о нем.

— Кто? Кто? — грубо переспросил он.

— Каррауэй!

— Каррауэй? Хорошо. Передам. И резко захлопнул дверь.

Моя финка рассказала, что неделю назад Гэтсби рассчитал всю челядь — от садовника до поваров, и взял полдюжины «новых людей», которые в Вест — Эгг не ходят, а заказывают все по телефону — в десять раз меньше, чем прежде. Со слов мальчишки — посыльного из бакалеи, кухня теперь выглядит как «свиное гнездо»; и вообще, у поселян сложилось такое мнение, что «новые люди» не имеют ничего общего с настоящей прислугой.

На следующий день Гэтсби сам позвонил мне по телефону.

— Собираетесь переезжать? — спросил я.

— Пока нет, старина.

— Говорят, вы рассчитали прислугу.

— Просто мне понадобилась такая, которая умеет держать язык за зубами, — Дейзи теперь достаточно часто приезжает сюда во второй половине дня.

Так вот оно что: весь караван — сарай рассыпался, как карточный домик, по мановению ее руки.

— Все они люди Вольфсхайма, он как раз просил пристроить их к какому-нибудь делу, мало того, родственники — братья и сестры. Когда-то содержали маленький отель.

— А, теперь понятно.

Он звонил по просьбе Дейзи — не приеду ли я завтра в Нью — Йорк на ленч? Там будет и мисс Бейкер. Через полчаса перезвонила сама Дейзи, причем мне показалось, что она с облегчением перевела дух, услышав, что я непременно приеду. Что-то происходило. Впрочем, я отказывался верить, что она намеревается воспользоваться моим визитом, чтобы устроить сцену, тем более в духе той, что нарисовал мне Гэтсби во время ночного разговора в саду.

С раннего утра было жарко как в преисподней. Это был один из последних летних деньков, наверное, самый знойный за все лето. Когда мой вагон вынырнул из душного полумрака тоннеля на яркий солнечный свет, фабричные гудки «Нэшнл бискуит компани» как раз рассекали горящую тишину полдня. Раскаленные соломенные сиденья в вагоне только что не дымились, а моя соседка безуспешно обмахивалась газетой и деликатно сопревала в своей белой блузке до тех пор, пока вся газета не промокла. Тогда она бессильно опустила руки и в изнеможении откинулась на спинку сиденья и окунулась в липкую и густую, как кисель духоту вагона. При этом ее ридикюль плюхнулся на пол.

— О, Господи! — вскричала сопревшая леди. Каждое движение давалось с, невероятным трудом, но я наклонился, подобрал ридикюль и передал ей, стараясь держать его за краешек и как можно дальше от себя, чтобы, не дай бог, никто не заподозрил меня в том, что я имею на него какие-нибудь виды, однако абсолютно все пассажиры, включая потную владелицу ридикюля, заподозрили меня именно в этом.

— Ну и жарища! — всякий раз повторял проводник, увидев знакомое лицо в вагоне. — Погодка еще та!.. Пекло!.. Преисподняя!.. Жарко!.. Как вы переносите такую жару?.. А вы?..

Под мокрыми от пота пальцами проводника на моем сезонном проездном билете расплылось темное пятно.

Боже мой; совершенно не к месту подумал я, стоит ли разбирать в таком чудовищном пекле, чьи пышущие зноем губы ты целуешь? чья

потная головка промочила твою пижаму над сердцем, с левой стороны груди?..

...По холлу резиденции Бьюкененов гулял легкий ветерок, а мы с Гэтсби стояли у парадной двери и слышали, как где-то внутри разрывается телефон.

— ...Разве что только труп, леди, — прорычал в трубку лакей. — Мне очень жаль, леди, но это решительно невозможно. В такую жару никто из нас не рискует попадаться ему на глаза — до него опасно дотрагиваться...

Само собой разумеется, что говорил он совершенно другое:

— Да... Конечно... Сию минуту позову...

Он повесил трубку и направился к нам с лоснящимся от пота лицом, чтобы с вежливым поклоном принять наши шляпы.

— Мадам ожидает вас в салоне, — пробасил он, безо всякой на то нужды показывая нам дорогу, словно позабыв о том, что в такую жару всякое лишнее движение есть форменный афронт здоровому укладу жизни!

В комнате, надежно затененной маркизами^[28], было уютно и прохладно. Слово два серебряных изваяния Дейзи и Джордан возлежали на громадного размера софе под нежно поющими вентиляторами, придерживая пальчиками подола белоснежных платьев, чтобы их не поднимал проказник — ветерок.

— Мы не в силах и рукой шевельнуть, — застонали они в один голос.

Напудренная загорелая ручка Джордан на одну секунду задержалась в моей ладони.

— А где же наш прославленный игрок в поло, то есть мистер Томас Бьюкенен? — поинтересовался я.

В ту же секунду в холле раздались хриплые и приглушенные звуки — «прославленный спортсмен» беседовал с кем-то по телефону.

Гэтсби стоял на малиновом ковре посреди комнаты и внимательно разглядывал интерьер. Дейзи посмотрела на него и рассмеялась своим медовым обворожительным смехом. Крохотное облачко пудры взметнулось с ее вздымающейся груди.

— Есть предположение, — шепнула Джордан, — что это звонит та самая особа.

Мы молчали. Голос зазвучал громче и раздраженнее.

— Ну, хорошо. Тогда я вообще не стану продавать вам эту машину... Я вам совершенно ничем не обязан... И вообще, что это за моду вы взяли — звонить людям во время ленча... Впредь попрошу вас...

— Ага, — саркастически заметила Дейзи, — а микрофон-то прикрыл рукой.

— Ну, Дейзи, — попенял я ей, — ты не права. Это на самом деле добросовестная сделка. *Vona fide!* Я случайно о ней знаю.

Том распахнул двери, на мгновение загородив дверной проем своей атлетической фигурой, и стремительно шагнул в комнату.

— Мистер Гэтсби! — Том протянул ему широкую лопатообразную ладонь с тщательно скрываеваемой неприязнью. — Искренне рад... сэр... Ник!..

— Принеси чего-нибудь холодненького! — закричала Дейзи.

Стоило ему выйти из комнаты, как она подскочила с софы, подбежала к Гэтсби, с силой наклонила его голову и поцеловала в губы.

— Ты же знаешь, что я тебя люблю, — промурлыкала она.

— По — моему, ты забыла, что здесь находится леди! — сказала Джордан.

Дейзи растерянно посмотрела вокруг.

— Так ты тоже целуйся — с Ником!

— Как тебе не стыдно, бесстыжая ты девчонка!

— А мне все равно! — закричала Дейзи и зацокала деревянными каблучками, стоя на кирпичном приступке перед камином. Затем она вспомнила о жаре и с видом нашкодившей школьницы уселась на софу в тот самый момент, когда няня — опрятная, скромно одетая женщина средних лет — вошла в комнату, ведя маленькую девочку за руку.

— Ах, ты золотко мое! — запела Дейзи, раскрывая объятия. — Пупсик ты мой, беги скорее к мамочке, которая так тебя любит!

Девочка вмиг почувствовала, что няня ослабила хватку, бросилась сломя голову через всю комнату к мамочке и застенчиво уткнулась в складки ее белого платья.

— Ах, ты маленькая моя! Смотри, чтобы мамочка не испачкала пудрой твои золотые волосики! Ну-ка, ну-ка, подними головку и скажи дядям и тете: «Как поживаете...»

Гэтсби и я склонились и ласково пожали неохотно протянутую ладошку. Он с искренним удивлением разглядывал девочку. Думаю, до сих пор он просто не верил в ее существование.

— Няня передела меня к ленчу, — сказала крошка, сразу же отвернувшись от нас к Дейзи.

— Это потому, что мамочка хотела показать, какая у нее красивая дочка. — Она поцеловала смешную складочку на пухленькой белой шейке. — Ах, ты моя красавица! Настоящая маленькая красавица!

— Да, — тихо согласилась малышка. — А почему у тети Джордан тоже белое платье?

— Тебе понравились мамины друзья? — Дейзи развернула девочку лицом к Гэтсби. — Правда, красивые?

— Где папа?

— Совершенно не похожа на отца, — пояснила Дейзи. — Мамина дочка! Мои волосы, мое лицо.

Дейзи уселась на софу. Няня сделала шаг вперед и протянула девочке руку:

— Пэмми, нам пора.

— До свиданья, моя сладенькая.

Со слезами на глазах девочка оглянулась, ухватила за руку няни и была выведена за дверь в тот самый момент, когда на пороге комнаты появился Том с четырьмя порциями джина со льдом на сервировочном столике.

Гэтсби взял запотевший бокал.

— Выглядит очень даже освежающе, — принужденно произнес он.

Все начали пить разбавленный джин длинными жадными глотками.

— Где-то я прочитал, — вежливым академическим тоном начал Том, — что Солнце как бы нагревается с каждым годом, и уже очень скоро Земля упадет прямо на Солнце. Вернее, погодите минутку, — наоборот, это Солнце становится холоднее с каждым годом, а потом куда-то упадет. Не хотите ли пройтись, — предложил он Гэтсби. — Хочу показать вам дом и все остальное.

Я вышел с ними на веранду. На изумрудном зеркале оцепеневшего от жары пролива сверкал одинокой искоркой бродяга — парус, неуклонно державший курс на восток — в открытое море. Гэтсби

проводил его коротким цепким взглядом и протянул руку в сторону бухты:

— Я живу как раз напротив вас.

— В самом деле.

Мы стояли и смотрели вдаль: прямо у наших ног простирались заросли розовых кустов, воздух дрожал над раскаленным газоном и поросшим сорняками берегом. Белокрылый парусник, казалось, пытался взлететь и раствориться в прохладных небесах за ослепительно голубой линией горизонта. Где-то далеко, вдали от живописных фестонов иссушенного зноем побережья лежал Седой Океан, любовно пестовавший свои благословенные оазисы — острова.

— Вот это я понимаю, — Том кивнул головой в сторону парусника. — Я бы не отказался провести часок на палубе.

Ленч сервировали в прохладной, хорошо затененной и надежно защищенной от солнца полотняными маркизами столовой, мы сидели за столом и запивали нервное напускное веселье холодным элем.

— Господи, — взмолилась Дейзи, — да куда же себя деть сегодня-то! И завтра и в ближайшие три десятка лет!..

— Не нуди! — строго сказала Джордан. — Жизнь начнется осенью, так что терпи до первых дождей!

— Но что же делать в эту жару!.. — чуть ли не со слезами на глазах не унималась Дейзи. — И все расплывается в этом липком мареве. Давайте поедem в город!

По крайней мере, она боролась с жарой, сопротивлялась ей, как могла, отказывалась мириться с собственным бессилием.

— Мне доводилось слышать, что из конюшни можно сделать гараж, — доверительно рассказывал Том, повернувшись к Гэтсби. — Но я первый в этих краях, кто переоборудовал гараж в конюшню.

— Кто хочет ехать в город? — настойчиво спрашивала Дейзи. Гэтсби внимательно посмотрел на нее. — Ах! — вскричала Дейзи. — Вы выглядите так... так свежо...

Их взгляды пересеклись, и они замерли, не спуская друг с друга глаз. Словно остались одни во всем мире. Потом Дейзи с видимым усилием отвела свой взгляд.

— Вы всегда выглядите так свежо! — повторила она. Это было признание в любви, но самое главное, что это поняли все — и Том Бьюкенен в том числе. У него отвисла челюсть, и на какой-то миг он

совершенно растерялся, переводя недоуменный взгляд с Дейзи на Гэтсби и опять на Дейзи, словно только что узнал в ней старую, но давно позабытую знакомую.

— Вы напоминаете мне джентльмена с рекламного плаката, — невинно продолжала она. — Знаете, везде висят такие рекламные плакаты...

— Хорошо, — энергично вмешался Том, — в город, значит, в город. Я готов. Тогда собирайтесь и поехали.

Он резко встал. Его сверкающие от злости глаза по — прежнему перебегали с Гэтсби на жену. Никто не шелохнулся.

— Ну же! Так едем или нет? — Том начинал терять самообладание. — В чем дело, черт возьми! Если мы едем, так поехали же, наконец.

Дрожащей рукой он вцепился в бокал и залпом выпил остатки эля. Наконец и Дейзи подала голос, что вывело всех из состояния некоторого оцепенения: мы зашевелились, начали подниматься из-за стола и в конце концов оказались на плавающей от жары подъездной дорожке.

— А что, мы едем прямо сейчас? — поинтересовалась она. — Даже и по сигарете не выкурим? Что это за спешка такая, не могу понять.

— Мы уже курили — во время ленча, — напомнил Том.

— Право слово, — взмолилась она, — не действуй всем на нервы. Мыслимое ли дело — суетиться в такую жару?

Том молчал.

— Ну, тогда делай, как знаешь, — устало сказала она. — Джордан, пошли.

Леди поднялись наверх — собираться. Мы же остались снаружи, переминаясь с ноги на ногу на раскаленной гальке. Серебряный завиток луны уже парил в белесом небе. Гэтсби раскрыл было рот, собираясь что-то произнести, но внезапно передумал; тем временем Том уже резко развернулся и нетерпеливо смотрел ему в глаза.

— А где ваша конюшня? — с усилием произнёс Гэтсби.

— Четверть мили вниз по дороге.

— О — о-о.

В разговоре наступила пауза.

— Зачем это нужно — ехать в город? Не понимаю — резко сказал Том. — Взбредет же в голову этим женщинам...

— Мы берем с собой что-нибудь выпить? — крикнула Дейзи из окна.

— Сейчас захвачу виски, — сказал Том и пошел в дом.

Гэтсби повернулся ко мне, словно на шарнирах:

— Не получается у меня салонный треп в этом доме, старина.

— Она очень неосторожна, — начал я. — У нее такой голос... В нем, э — э-э...

— В нем звенит презренный металл, старина, — неожиданно закончил мою фразу Гэтсби.

В самом деле! Как же я не обращал внимания на это раньше! В нем действительно звенели деньги — вот что так восхищало меня в напевных переливах ее голоса, вот что звучало победным лейтмотивом... Непрístupные замки... белокаменные палаты... младая королева с золотым гребнем...

Появился Том, на ходу заворачивая в полотенце кварту виски. Следом за ним — Дейзи и Джордан в изящных шапочках из плотного шелка со сложным узором из золотых и серебряных нитей, а через руку — легкие накидки с капюшонами.

— Поехали в моей машине, — предложил Гэтсби, пробуя на ощупь раскаленную обивку сидений зеленой кожи. — Конечно, надо было бы запарковать ее в тени.

— А коробка скоростей у вас стандартная? — поинтересовался Том.

— Да.

— Знаете что, берите мою машину, а я поведу вашу прямо до города. Договорились?

Это предложение пришлось Гэтсби явно не по душе.

— Боюсь, горючего не хватит, — осторожно возразил он.

— Что вы! Там его почти под завязку! — бесцеремонно заявил Том. Потом добавил: — А не хватит — так вон сколько аптек по пути. Сейчас там чего только не продают!

Нарочитая пауза словно подчеркнула это внешне безобидное замечание. Я обратил внимание, что сразу же после этих слов Дейзи хмуро посмотрела на Тома, а Гэтсби... — что до него, то по его лицу скользнуло непередаваемое выражение, прежде ему совершенно

несвойственное, но в то же время идеально лежащееся на те слухи и сплетни, которые мне довелось слышать о нем прежде.

— Садись, Дейзи, — Том подтолкнул ее к машине Гэтсби, крепко удерживая за локоть. — Прокачу с ветерком в этом цирковом фургоне.

Он открыл дверцу, но она ужом выскользнула из его рук.

— Знаешь что, бери Ника и Джордан, а мы поедem в нашей машине.

Она подошла к Гэтсби и осторожно дотронулась до его руки. Том, Джордан и я устроились на переднем сиденьи огромного лимузина Гэтсби. Том примерялся к незнакомому управлению, попеременно опуская один рычаг за другим, затем мы рванули с места, со свистом рассекая густой и липкий воздух, сразу же потеряв из виду их машину.

— Ну и как вам это нравится? — спросил Том.

— Нравится... что?

Он жестко посмотрел на меня, должно быть, отдавая себе отчет в том, что мы с Джордан давно уже в курсе дела.

— Не держите меня за болвана! — сказал он. — Что же я, по — вашему, совсем ничего не вижу! А если это и так, то у меня иногда появляется, ну, второе зрение, — знаете такое? Поэтому я и вижу, что нужно делать. Мне плевать, верите вы или нет, но наука... Эх!..

Том осекся. Суровая правда жизни взяла верх над его философическими построениями, не дав погрязнуть в трясине теоретизирования и отвлеченных материй.

— Я тут на досуге провел небольшое частное расследование — покопался в прошлом этого парня, — продолжил он. — Кабы знать, что из этого всего выйдет, копнул бы и глубже.

— Наверное, и к медиуму пришлось заглянуть — ну, на спиритический сеанс? — не без ехидства спросила Джордан.

— Чего? — вытаращил он глаза, и даже смутился, когда мы дружно рассмеялись. — К медиуму?

— Разузнать о Гэтсби.

— О Гэтсби? Это еще для чего! Я же говорил, что провел расследование насчет его прошлого...

— ...И обнаружил, что он выпускник Оксфорда, — помогла Джордан.

— Ага, выпускник... Держи карман шире... Оксфордец, который носит розовую двойку!

— Как бы то ни было, но он окончил Оксфорд.

— Разве что в Нью — Мексико, если там, конечно, есть Оксфорд, — презрительно фыркнул Том, — или что-нибудь в этом роде.

— Послушай, Том, — сердито начала Джордан, если ты такой щепетильный, для чего пригласил его на ленч?

— Это Дейзи. Она знала его еще до того, как мы поженились. Одному Богу известно, — откуда.

По мере протрезвления Том, Джордан и я становились все мрачнее и раздражительнее. После обмена репликами мы сочли за благо немного помолчать. Как только на горизонте показались потускневшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга, я вспомнил насчет бензина.

— Достаточно, чтобы добраться до города, — сказал Том.

— Посмотри, гараж прямо под носом, — сказала Джордан. — Я не хочу застрять на дороге в такую жуткую жару.

Том с ожесточением нажал на оба тормоза, мы скользнули на пыльную площадку перед гаражом с вывеской Джорджа Вильсона и остановились, как вкопанные. Заторможенный хозяин показался на пороге заведения примерно через минуту и вылупил на нас ничего не выражающие глаза.

— Нам нужно заправиться, — грубо процедил Том. — Не думаете же вы, что мы приехали полюбоваться окрестностями свалки?

— Я болен, — сказал Вильсон, даже не пошевелившись. — Отвратительно чувствую себя с самого утра.

— Что стряслось?

— Ломота в теле... выворачивает всего наизнанку...

— Так что, нам самим заправляться? — спросил Том. — Странно, с утра ваш голос показался мне очень даже бодрым.

Вильсон нерешительно оторвался от дверного косяка, с трудом спустился с порога и тяжело дыша, начал свинчивать крышку бензобака. На солнце ему стало совсем невмоготу, а лицо приобрело какой-то синюшно — зеленый оттенок.

— Я вовсе не хотел беспокоить вас во время ленча, просто мне позарез нужны деньги, поэтому хотел узнать, что вы собираетесь делать со старой машиной.

— А новая вам не по душе? Купил по случаю на прошлой неделе, — сказал Том.

— Вот эта, желтая? — спросил Вильсон, подкачивая бензин. — Красавица!

— Могу уступить!

— Заманчиво! — улыбнулся Вильсон. — Но лучше я попробую заработать немного денег на вашей старой машине.

— А что это ни с того, ни с сего за спешка с деньгами?

— Немножко заржавел здесь — на востоке. Хочу уехать на Запад. Мы с женой уже все решили.

— Ваша жена решила уехать... — ошеломленно повторил Том.

— Она твердит об этом последние десять лет. — Запыхавшийся Вильсон прислонился к насосу, прикрыв ладонью глаза. — Теперь все равно уедет, даже если передумает. Я окончательно решил увезти ее отсюда.

Вздывая облако пыли, мимо нас промчалось авто, и кто-то помахал нам оттуда рукой. — Сколько я вам должен? — резко спросил Том.

— Ходят тут разные слухи, продолжал Вильсон, — прослышал я тут кое-что. Поэтому и собрался уезжать. Да, поэтому и деньги понадобились...

— Так сколько я вам все-таки должен?

— Один доллар двадцать центов.

Меня обволакивали липкие волны безжалостной жары, от которых путались мысли, и несколько долгих мгновений я испытывал настоящую дурноту, однако же сообразил, что «слухи, о которых прослышал» мистер Вильсон, никоим образом не связаны с Томом Бьюкененом, — во всяком случае, пока. Просто он узнал, что Миртл живет другой, неизвестной ему жизнью, в другом, чуждом ему мире. Осознание этого и стало причиной его душевного и физического недомогания. Я взглянул на него, потом на Тома, который также узнал много нового о своей жене менее часа тому назад, и пришел к выводу, что действительно «несть элина и иудея» — в смысле различий, расовых либо социальных; зато дистанция огромного размера разделяет человека больного и человека здорового. Вильсон был настолько больным, что выглядел виноватым, безнадежно виноватым, как если бы прямо на наших глазах обесчестил невинную девушку.

— Так и быть, я продам вам эту машину, — сказал Том. — Пришлю завтра после обеда.

По вечерам окрестности чудовищной свалки всегда будили во мне смутное беспокойство, но и сегодня, при ослепительно ярком солнечном свете, я испытал похожее чувство, — вот и сейчас я испуганно оглянулся, словно интуитивно ощутил нечто угрожающее и смертельно опасное за спиной. Огромные бдящие глаза доктора Т. Дж. Эклберга парили в вышине над кучами золы и пепла, но я почувствовал, что за нами следят еще одни глаза, находящиеся менее чем в двадцати футах от нас, и следят не менее пристально.

Занавесь в одном из окон второго этажа над гаражом была слегка отдернута, и, скрываясь в глубине комнаты, за нами пристально наблюдала Миртл Вильсон. Она была настолько поглощена этим занятием, что не замечала ничего вокруг и не понимала, что и ее могут увидеть; обуревавшие ее чувства проявлялись на подвижном лице так, как постепенно проявляется изображение на негативе; я и раньше замечал, как в приступе необузданной ревности обезображиваются прекрасные женские черты. Но ненависть, легко читавшаяся на лице Миртл, показалась мне бессмысленной и необъяснимой, пока я не понял, что она предназначена вовсе не Тому, а Джордан Бейкер, которую несчастная ревнивица приняла за его жену.

* * *

Я не знаю смятения более разрушительного, чем смятение неглубокого ума. Непритворная паника овладела Томом, когда он вел машину, словно подстегиваемый обжигающими бичами ревности. Час назад он безраздельно владел женой и любовницей, а теперь остался в одиночестве, брошенный и покинутый всеми. И он давил и давил на газ, словно мчался за Дейзи и одновременно старался уехать за тысячу миль от Вильсона. Мы неслись со скоростью пятьдесят миль в час по направлению к Астории, пока среди стальных кружев ферм надземки не показалось синее авто Бьюкененов.

— В районе 50-й стрит есть много кинотеатров, где довольно-таки прохладно, — заметила Джордан. — Нью — Йорк хорош летом, во второй половине дня, когда улицы пустеют. Тогда в нем появляется

что-то греховное, сладострастное и благоухающее, так и кажется, что перезрелые запретные плоды начнут сыпаться тебе прямо в руки.

Слово «сладострастный» еще больше обеспокоило Тома, но, прежде чем он успел запротестовать, синий автомобиль Бьюкененов затормозил и остановился, а Дейзи жестом показала, чтобы мы подъехали к ним поближе.

— Куда поедem? — крикнула она.

— Как насчет кино?

— Там жарко, — жалобно промурлыкала она. — Знаете что, вы поезжайте, а мы покатаемся по городу, а потом заедем за вами. Назначим свидание на углу, — вымучено пошутила она. — Вы меня легко узнаете — я буду мужчиной с двумя сигаретами в зубах.

— Хватит препираться! — цыкнул Том, услышав возмущенные гудки грузовика, которому мы перекрыли дорогу. — Следуйте за нами на южную сторону Центрального парка — к «Плаза».

Несколько раз он оборачивался, чтобы посмотреть на свою машину, а если Гэтсби и Дейзи отставали, Том притормаживал и ждал, пока они окажутся в пределах видимости. Думаю, он всерьез опасался, что они свернут в боковой проезд и навсегда исчезнут из его жизни.

Но они не исчезли, а мы непонятно для чего сняли на весь вечер роскошный сыут^[29] в отеле «Плаза».

Я запомнил подробности бурной и шумной дискуссии, в результате которой все мы оказались запертыми в золоченой клетке отеля — дворца, зато прекрасно помню охватившее меня чувство гадливости: мокрое от пота белье липло к ногам, обвиваясь вокруг них, как клубок скользких омерзительных гадов, а по спине струйками и потоками бежали горячие капли — бусинки пота. Первоначальная идея возникла в перегревшейся головке Дейзи, которая предложила снять пять ванных комнат и принять освежающую ванну, и более реальные и предметные очертания, когда кто-то заговорил об «уголке отдохновения, где можно выпить мятного джулепа»^[30]. Каждый из нас про себя и вслух назвал эту затею сумасбродной, по меньшей мере, полдюжины раз, но все закончилось тем, что, галдя и перебивая друг друга, мы объяснились со слегка ошеломленным клерком и отправились в номер, внушив или тшась внушить себе, что все это необыкновенно весело и забавно...

Сьют представлял собой анфиладу длинных и душных помещений, а когда мы раскрыли окна, со стороны Центрального парка пахнуло пыльной сухостью раскаленной листвы, хотя дело шло к послеобеденному чаю. Дейзи подошла к зеркалу и, повернувшись к нам спиной, стала поправлять растрепавшуюся прическу.

— Шикарный сьют! — уважительно промолвила Джордан, и все мы рассмеялись.

— Откройте другое окно! — скомандовала Дейзи, не отходя от зеркала.

— Других нет.

— Хорошо, тогда звоните и заказывайте... топор!

— Для начала не произносите больше этого слова «жара», — раздраженно заявил Том. — А то заладили одно и то же — «жарко, жарко», — от этого только в десять раз хуже становится.

Он аккуратно развернул полотенце и поставил на стол захваченную из дома кварту виски:

— Почему бы вам не оставить Дейзи в покое, старина, — сказал Гэтсби. — Ведь это именно вы вытащили нас в город.

Наступила пронзительная тишина. Неожиданно телефонный справочник сорвался с гвоздя и свалился на пол. Джордан растерянно прошептала: «Прошу прощения...» Однако на этот раз ни один из нас не засмеялся.

— Я подниму, — быстро сказал я.

— Я сам! — Гэтсби внимательно рассмотрел лопнувший шнурок и выдавил из себя нечто вроде «гмм», затем бросил справочник на стул.

— Это ваше любимое словечко, да? — резко спросил Том.

— Какое же?

— Ну, это вот ваше — «старина». На какой, интересно, свалке вы его откопали?

— Послушай, Том, — сказала Дейзи, отворачиваясь от зеркала. — Если ты собираешься грубить, то я немедленно отсюда уйду. Лучше позвони и закажи лед для джулепа.

Не успел он дотянуться рукой до телефона, как в сгустившуюся вокруг нас осязаемую и липкую духоту откуда-то снизу из танцевальной залы отеля ворвались мощные торжественные аккорды свадебного марша Мендельсона.

— Какой ужас! — мрачно заметила Джордан. — Кто-то ведь женится в такую жару!

— Ну и что! — сказала Дейзи. — Я вот выходила замуж в середине июня. Июньский Луисвилль! По — моему, кто-то даже упал в обморок... Кто же это был... не помнишь, Том?

— Билокси, — сухо ответил он.

— Точно, Билокси! — вспомнила Дейзи. — «Чурбан — Билокси», он еще занимался боксом! Я не шучу! Билокси, родом из Билокси, штат Миссисипи.

— Да, да, — вмешалась Джордан, — они принесли его в наш дом, ведь мы жили через два дома от церкви. Он проторчал у нас ровно три недели, пока папочка чуть ли не вышвырнул его за порог. А папа умер на следующий день после этого. — Она помолчала с минуту и добавила, словно последние ее слова прозвучали несколько неуважительно к памяти родителя: — Конечно, не было совершенно никакой связи между этими двумя событиями.

— Знавал я некоего Билла Билокси из Мемфиса, — подключился я.

— Так то был его кузен. За те три недели я выучила наизусть всю его родословную до десятого колена! — сказала Джордан. — Он еще подарил мне алюминиевую клюшку — так я ею до сих пор играю.

С началом собственно свадебной церемонии бравурная музыка внизу затихла, а следом за приветственными возгласами гостей «йе — е-йе», грянул джаз, объявляя свадебный бал открытым.

— Возраст дает о себе знать! — сказала Дейзи. — Будь мы помоложе, кинулись бы танцевать!

— Помни о Билокси! — предостерегла ее Джордан. — А где ты с ним познакомился, Том?

— С Билокси? — сосредоточенно нахмурил брови Том. — Я его вообще впервые увидел. Это был какой-то бойфренд Дейзи.

— Впервые слышу! — возмущилась Дейзи. — Я его и знать не знала. Вспомни, ведь это ты приволок его с собой в частном пульмане.

— Правильно, но только потому, что он сказал, будто знает тебя с детства и вырос с тобой чуть ли не на одной улице в Луисвилле. Эйза Берд привел его на перрон в последнюю минуту и попросил взять с собой.

Джордан ухмыльнулась.

— Понятно, парень решил задаром проехаться на родину. Он тогда рассказывал мне, что был президентом вашего академического выпуска в Йеле.

Мы с Томом посмотрели друг на друга с недоумением.

— Билокси?

— Во — первых, у нас не было никаких президентов... Том неожиданно развернулся к Гэтсби, который отбивал носком ботинка короткий беспокойный ритм.

— Между прочим, мистер Гэтсби, если я ничего не путаю, вы — выпускник Оксфорда?

— Я бы так не утверждал...

— Но, по слухам, вы там учились.

— Учился...

Наступила пауза, а затем прозвучал голос Тома — недоверчивый и даже оскорбительный:

— А, так вы там учились примерно в то же время, что и Билокси... в Нью — Хейвене!

И вновь пауза. Официант робко постучал в дверь и вошел в номер, неся на подносе мелко нарезанную мяту и кусочки колотого льда. Он священнодействовал посреди мертвой напряженной тишины, которая была нарушена только вежливым «спасибо» и мягким щелчком двери. После бесшумного исчезновения официанта я с напряжением стал ожидать окончательного прояснения этого сокрытого в прошлом факта биографии Гэтсби.

— Я ведь уже говорил вам, что учился в Англии.

— Прекрасно помню. Только хотелось бы уточнить — когда.

— Это было в тысяча девятьсот девятнадцатом году. Но пробыл там только пять месяцев, поэтому и не могу в полной мере причислять себя к воспитанникам Оксфорда.

Мистер Бьюкенен искоса посмотрел на нас, словно желал убедиться в том, что и нас заинтриговал этот эпизод из жизни мистера Гэтсби, к которому сам он относился с явным недоверием.

— После заключения перемирия некоторым офицерам была предоставлена возможность отправиться в любой из университетов Англии или Франции, — продолжил Гэтсби.

Я едва удержался от искушения вскочить и дружески похлопать его по спине. Как это происходило уже не раз, мое искреннее к нему

доверие было целиком и полностью восстановлено.

Дейзи поднялась и, не скрывая торжествующей улыбки на лице, подошла к столу.

— Открой виски, Том, — скомандовала она, — я смешаю тебе джулеп. Может, тогда ты перестанешь казаться тупицей самому себе! Смотри сюда, берем мяту...

— Отстань, — огрызнулся Том. — Мистер Гэтсби, позвольте задать вам еще один вопрос.

— Я весь внимание, мистер Бьюкенен, — вежливо ответил Гэтсби.

— Какого, собственно, дьявола вы устраиваете дебош в моем доме?

Разговор начистоту не мог не устраивать Гэтсби, и он определенно был доволен таким поворотом.

— Какой дебош? — Дейзи переводила испуганный взгляд с одного на другого. — По — моему, это ты скандалишь. Умоляю, держи себя в руках.

— В руках! Как же! — взъерепенился Том. — Я был бы последним слизняком, если бы сидел и молчал в тряпочку, пока мистер Никто, родом из Ниоткуда, занимался любовью с моей собственной женой! Я вам прямо скажу: я в такие игры не играю... Да что же это такое творится, в самом-то деле! А ведь все с этого и начинается, ну, с глумления над устоями и браком, а потом — потом всё рушится к чертям собачьим — и да здравствует законный брак между белыми и черномазыми!..

Распаленный собственной тарабарщиной, он ощущал себя последним защитником бастионов цивилизации и белой расы.

— Но ведь все здесь присутствующие относятся к белой расе, — промурлыкала Джордан.

— Возможно, я не пользуюсь такой популярностью, как некоторые, — вечеринок не устраиваю, приемов не даю, балов не закатываю, — продолжил Том. — Нынче стало модным обзаводиться кучей друзей, правда, для этого нужно превратить собственный дом в свинарник, но для некоторых это не беда!

Я был вне себя, все мы были разозлены, но гневные филиппики Тома не могли не вызывать приступов смеха, как только он открывал рот. В нем определенно погибал великий актер, во всяком случае, до сих пор мне не доводилось видеть более убедительного перевоплощения распутника в ханжу.

— Имею кое-что сказать вам, старина, — начал было Гэтсби.

Но Дейзи прервала его:

— Пожалуйста... Прошу вас... — беспомощно начала она. — Не надо... Давайте поедem домой... Все поедem домой...

— В самом деле, — сказал я, вставая со стула, — поехали, Том, слишком жарко для выпивки.

— Нет, я хочу знать, что имеет сказать мне мистер Гэтсби.

— Ваша жена не любит вас, — сказал Гэтсби. — Она никогда не любила вас. Она любит меня.

— Полноте, да в своем ли вы уме?! — воскликнул Том. Гэтсби, покрасневший от волнения, вскочил на ноги.

— Она никогда не любила вас, слышите, вы... — зарычал он. — Она вышла за вас только потому, что я был беден, а она устала ждать. Да, это была страшная ошибка, но ее сердце всегда принадлежало мне и больше никому.

Мы с Джордан решили оставить их наедине и собрались было уходить, но Том и Гэтсби поочередно требовали, чтобы мы обязательно оставались, словно намекали, что скрывать им совершенно нечего, а нам-де предоставляется прекрасная возможность набраться ума — разума и окунуться в бурлящий океан страстей.

— Сядь на место, Дейзи, — Том безуспешно попытался придать своему голосу отеческие нотки. — Что происходит? Я хочу, чтобы ты мне все рассказала.

— Я расскажу вам, что происходит, — сказал Гэтсби, — происходит вот уже пять лет, а вы и не знали.

Том немедленно повернулся к Дейзи.

— Значит, ты встречалась с ним за моей спиной уже пять лет?

— Не встречалась, — сказал Гэтсби. — Да мы и не могли встречаться. Но все эти пять лет мы любили друг друга, старина. Видите, а вы и не знали...

— Ну и? — Том самодовольно откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на животе, как настоятель перед клириками, но тут же от его «благочестия» не осталось и следа. — Да вы... вы — сумасшедший! — закричал он. — Я не знаю и знать не хочу, что там было у вас пять лет тому назад, когда я не знал Дейзи, но, будь я проклят, если понимаю,

как это вы умудрились приблизиться к ней ближе, чем на милю, разве что доставляли с черного хода товары от бакалейщика. Но это не так уж и важно, зато все остальное — это наглое и беспардонное вранье. Дейзи любила меня тогда, любит она меня и сейчас.

— Нет, — сказал Гэтсби, покачав головой.

— Любит! Любит! Беда в том, что временами ей приходят в голову разные глупости, и она сама не знает, что делает. — Том глубокомысленно покачал головой. — Более того, и я ее люблю. Всякое бывало, в смысле, и я позволял себе иногда покутить или свалить дурака, но всякий раз, заметьте, возвращался, храня верность в душе только ей одной.

— Ты отвратительный... низкий человек, — сказала Дейзи. Она повернулась ко мне и спросила осевшим и полным презрения голосом: — Знаешь, почему мы уехали из Чикаго, Ник? Просто удивительно, что тебе до сих пор ничего неизвестно о его похождениях.

Гэтсби подошел к Дейзи и встал рядом с ней.

— Дейзи, все это уже в прошлом, — твердо сказал он. — Больше это не имеет никакого значения. Просто скажи ему правду — скажи, что никогда не любила его. Скажи — и покончим с этим раз и навсегда.

Дейзи смотрела на него невидящими, полными слез глазами.

— Как же я могла... Как же я могла любить этого человека... Ведь он...

— Дейзи, ты никогда его не любила.

Дейзи пребывала в нерешительности, она беспомощно посмотрела на меня и Джордан, словно искала у нас поддержку, посмотрела так, будто до нее только что дошло, что она делает то, чего никогда не рискнула бы сделать. Но мосты уже были сожжены, и отступить ей было некуда.

— Я никогда не любила... его, — неохотно произнесла она.

— И в Капиолани? — внезапно спросил Том.

— Да...

Волны раскаленного воздуха доносили до нас приглушенные астматические аккорды из танцевальной залы.

— И когда я нес тебя на руках из «Панч Боул», чтобы ты не промочила ноги? — ласково спросил Том чуть охрипшим голосом. — Дейзи?..

— Прошу тебя, не надо... — холодно сказала она, но уже без прежней агрессивности.

Она взглянула на Гэтсби:

— Видишь, Джей... — начала она и запнулась, прикуривая сигарету дрожащей рукой. Вдруг она швырнула сигарету и горящую спичку на ковер.

— Боже мой, ты хочешь от меня слишком многого! — крикнула она ему в лицо. — Я люблю тебя — разве этого тебе недостаточно? Я не в состоянии изменить прошлое. — Дейзи начала беспомощно всхлипывать. — Я любила его... когда-то, но я любила и тебя... тоже.

Гэтсби потрясенно раскрыл глаза, потом, словно в изнеможении, опустил веки.

— Ты любила и меня... тоже? — повторил он.

— И это вранье! — кровожадно оскалился Том. — Да она о вас и знать ничего не желала! Черт побери, да когда же вы, наконец, поймете: было между нами такое, о чем вы никогда не узнаете, такое, о чем мы с ней никогда не забудем, даже если захотим.

Казалось, каждое его слово причиняет Гэтсби жестокую боль.

— Прошу вас... дайте нам объясниться наедине... — с трудом выдавил из себя Гэтсби. — Она... ей вот — вот станет дурно...

— Даже с глазу на глаз я не смогу сказать, что никогда не любила Тома, — жалобным голосом пролепетала Дейзи, — это... это не было бы правдой.

— Конечно, не было, — согласился Том. Дейзи повернулась к мужу.

— Тебя это разве когда-нибудь волновало?

— Волновало, — твердо сказал Том, — а с сегодняшнего дня я буду еще больше заботиться о тебе.

— Вы ничего не поняли, — вмешался Гэтсби, в его голосе слышались нотки легкой паники. — Вам больше не придется заботиться о ней. Никогда.

— Это еще почему? — Том взглянул на него, наивно округлив глаза, а потом расхохотался. Он уже полностью пришел в себя и хорошо держал удар. — Это еще почему? — повторил он.

— Потому, что Дейзи уходит от вас.

— Нонсенс!

— Это действительно так, Том, — с усилием прошептала Дейзи.

— Нет, она не уйдет от меня! — рявкнул Том, переходя в контрнаступление. — Во всяком случае, не к отпетому мошеннику. Да, Дейзи, обручальное кольцо, которое он наденет тебе на палец, ему еще нужно где-нибудь стянуть!

— Я больше этого не вынесу! — возопила Дейзи. — О, пожалуйста, давайте уедем!

— Да кто вы такой, черт побери?! — нанес удар Том. — Вообще-то я имею несчастье знать, что вы ошиваетесь среди таких же жуликов и аферистов, как и вы сами, — вроде Мейера Вольфсхайма и его шайки. Да, мистер Гэтсби, я тут провел небольшое частное расследование о ваших махинациях и рассчитываю узнать еще больше — буквально на днях.

— Узнавайте, узнавайте, — с жесткой насмешливостью сказал Гэтсби. — Разве я вам препятствую, старина?

— Так вот, — Том повернулся к нам и монотонно, как прокурор, забубнил: — В результате проведенного расследования удалось установить, что же представляют собой на самом деле так называемые «аптеки» некоего лица, именующего себя «Гэтсби». А ведь действительно «удалось установить», мистер Гэтсби! — Теперь Том обращался только к нам. — Он и этот Вольфсхайм скупили множество аптек в наших пригородах и в Чикаго и нелегально торговали спиртным из-под прилавка. Вот вам одна из его афер! Я с самого начала не сомневался, что он бутлегер, и, как видите, не так уж и ошибся!

— Ну и что из того? — вежливо осведомился Гэтсби. — А вот ваш приятель, некто Вальтер Чейз, не побрезговал нашим обществом — происхождение позволило, знаете ли.

— Да, не побрезговал, а вы его и подставили, разве не так? По вашей милости он провел месяц за решеткой в Нью — Джерси, черт побери. Жаль, что вы не слышали, как он прохаживается по вашему с Вольфсхаймом адресу.

— Он пришел к нам без цента в кармане и был рад любому заработку, старина.

— Никогда больше не называйте меня «старина»! — заорал Том. Гэтсби молчал. — Вальтер мог много чего рассказать о ваших жульнических тотализаторах и других противозаконных делишках, но

только Вольфсхайм заткнул ему рот, — да вы и сами об этом прекрасно знаете.

И опять на лице Гэтсби появилось и сразу же исчезло то непередаваемое, но вместе с тем узнаваемое выражение, которое буквально потрясло меня сегодня.

— Правда, аптеки — это так, не дела, а делишки, — не торопясь, продолжил Том. — Зато сейчас вы затеяли такое дельце, о котором Вальтер даже не рискнул мне рассказать, не иначе, как опасаясь за свою собственную жизнь.

Я посмотрел на Дейзи, которая, широко раскрыв испуганные глаза, уставилась на какую-то точку на стене между мужем и Гэтсби, а Джордан начала свои цирковые трюки — балансирование невидимыми предметами на подбородке. Потом я посмотрел на Гэтсби — и даже испугался, настолько меня поразила гримаса, обезобразившая его лицо. Я уже говорил, что с предубеждением отношусь ко всякого рода слухам и сплетням — вроде тех, что довелось услышать на той вечеринке в его саду, однако в этот момент о нем можно было сказать, что он «убил человека» или же в состоянии легко сделать это. При всей надуманности и даже некорректности подобных мыслей не думаю, что нашлись бы более точные слова, чтобы описать тогдашнее состояние и соответствующее ему выражение лица мистера Гэтсби.

С минуту он пытался овладеть собой, затем заговорил — веско, эмоционально и с поразившим меня внутренним достоинством; Гэтсби обращался исключительно к Дейзи, категорически отменяя все обвинения, подозрения и упреки, включая и те, которые не были еще высказаны в его адрес. Но с каждым его словом Дейзи все больше замыкалась в себе, а мощный голос Гэтсби постепенно затухал, превращаясь в жалкое бормотание. И только израненная птица — надежда трепетала в золоченой клетке, била слабеющими крылами, и только отчаянный и безнадежный голос — стон пульсировал в душном и липком воздухе ставшего вдруг тесным съюта, взывая и моля:

— Пожалуйста, Том. Я не могу здесь больше...

Вся ее смелость и решимость испарились. Я видел перед собой страшно испуганную, растерянную и глубоко несчастную женщину.

— Мистер Гэтсби отвезет тебя домой, Дейзи, — сказал Том. — В своей машине.

Она со страхом посмотрела на мужа, словно ожидая подвоха, но он продолжил с великодушным пренебрежением:

— Поезжай. Он больше не будет тебе досаждать. Пусть это послужит тебе хорошим уроком. Думаю, и мистер Гэтсби понял, наконец, что этот флирт зашел уж слишком далеко...

Они ушли не сказав ни слова, судорожно глотая липкий воздух, — одинокие, униженные и оскорбленные одним только нашим сочувствием.

Том достал полотенце и начал бережно укутывать так до сих пор и не открытую кварту виски.

— Или выпьем на дорожку? Джордан?... Ник? Я не ответил.

— Ник? — переспросил он еще раз.

— Что?

— По капельке?

— Не хочу... Надо же, только сейчас вспомнил: сегодня у меня день рождения!

Мне исполнилось тридцать лет, а впереди — мрачная перспектива. Начиная с завтрашнего дня, подумал я, начну разменивать четвертый десяток!

Было уже семь, когда мы сели в синее авто Тома и поехали в Лонг — Айленд. Том не закрывал рта, веселился и острил, но мы с Джордан словно ничего не слышали. Его голос доносился до нас как через слой ваты, звучал как в отдалении, как шум городских улиц, как грохот надземки, как... Даже сострадание имеет свои границы, и мы с Джордан были только рады тому, что разыгравшаяся на наших глазах трагедия остается где-то там — за сверкающей завесой нью — йоркских лампионов. Тридцать! — это еще десять лет одиночества, съезживающийся, как шагреновая кожа «синодик» приятелей — холостяков, иссякающий резерв энтузиазма и серебрящиеся виски! Рядом со мной сидела Джордан, не в пример Дейзи совершенно не склонная обременять себя тяжким грузом воспоминаний и несбывшихся надежд. Когда мы въехали на неосвященный в это время суток мост, ее бархатистая щечка томно склонилась на мое плечо, а мягкая нежная ладошка сняла с души непосильное бремя внезапно обрушившихся на меня десятилетий.

Мы мчались вперед — навстречу смерти, поджидавшей нас там, за крутыми поворотами, в предвечерних сумерках стынущего дня.

Грек Михаэлис, владелец кофейни, расположенной среди куч золы на Поле Пепла, был главным свидетелем судебного следователя. Именно этот молодой человек и предстал перед коронером и его жюри на предварительном слушании обстоятельств насильственной смерти Миртл Вильсон, произошедшей при невыясненных обстоятельствах. В этот день он не вставал с постели примерно до пяти, пока не спала жара, потом вышел проветриться и зашел в гараж к соседу. Джордж Вильсон сидел в своем крошечном офисе, причем выглядел он неважно. Михаэлису даже показалось, что тот серьезно болен, во всяком случае, лицо его было изжелта — белым и мало чем отличалось по цвету от шевелюры, кроме того, у Вильсона был жесточайший приступ лихорадки. Его так и трясло. Грек попытался убедить его принять лекарства и лечь в постель, но тот отказался, дескать, не может он болеть, иначе пойдет прахом и без того на ладан дышащий бизнес. По свидетельству грека, все время, пока они препирались, над головой раздавались невнятные крики, непонятный шум и странный грохот.

— Это я запер жену наверху в ее комнате, — спокойно объяснил Вильсон. — Пусть побесится до послезавтра, а там мы отсюда съедем.

Михаэлис был ошеломлен: четыре года они прожили по соседству, и он никогда не замечал за Вильсоном склонности к дурному обращению со своей супругой. Он относился к породе битых, ломаных или, скорее загнанных жизнью людей, которые трудятся день — деньской не покладая рук, а потом садятся на стул в дверях и глазают на прохожих да на проносящиеся мимо машины. Все молчат — и он молчит, спросят его — он ответит и улыбнется своей бесцветной, но приятной улыбкой. И всю жизнь он состоял при своей супруге, а не она при нем.

Естественно, Михаэлис попытался узнать, что же произошло, но Вильсон не сказал ни слова, а вместо этого с подозрением посмотрел на визитера и стал выпытывать, где он был и что он делал в тот или иной день, в тот или иной час!

Ему успел изрядно надоесть этот допрос с пристрастием, но тут на дороге показались рабочие, направлявшиеся в его кофейню, и он воспользовался этим, чтобы поскорее уйти, пообещав заглянуть попозже. Но так и не заглянул, забыв — вот и все. В восьмом часу он выглянул из своей конуры и сразу же услышал голос миссис Вильсон, которая бранилась, но уже внизу, в гараже, и только тогда вспомнил о недавнем разговоре.

— Бей, животное! — кричала она, — бей же! бей! грязное ничтожество! трус!

Через секунду она с криками выскочила на дорогу вечерние сумерки, выскочила, размахивая руками, и, прежде чем Михаэлис успел шевельнуться, все было кончено.

«Машина смерти», как ее потом прозвали газетчики, даже не притормозила. Михаэлис рассказывал, что она вынырнула из сгущающейся полутьмы, а потом, словно в замедленном кино, поплыла над дорогой, и ее вроде бы повело в сторону обочины; за эти несколько полных драматизма мгновений, слившихся для него в одно мрачное видение, он даже не успел разглядеть толком, какого цвета была промчавшаяся как пуля машина, в мгновение ока исчезнувшая за поворотом; грек только и смог сказать первому подоспевшему патрульному, что вроде она была светло — зеленая. Встречная машина, направлявшаяся в Нью — Йорк, резко затормозила, остановившись в какой-то сотне ярдов от тела, и водитель бросился туда, где, скрючившись, лежала на боку безжалостно убитая Миртл Вильсон, а ее густая темная кровь текла из ран, перемешиваясь с пеплом и пылью.

Михаэлис и шофер были первыми, кто оказался у лежавшего на дороге тела, но, осторожно расстегнув еще мокрую от пота блузку, они даже не стали слушать сердце, поскольку первое, что сразу же бросилось им в глаза, была оторванная левая грудь, повисшая на лоскутке кожи и завалившаяся куда-то вбок. Широко раскрытый рот был надорван в уголках, будто она в страшном последнем крике выплеснула весь запас накопившейся в ней жизненной энергии.

* * *

Перегородившие проезд машины и сгрудившуюся вокруг толпу мы увидели еще издали — за несколько десятков ярдов.

— Ага, авария! — сказал Том. — Неплохо! Неплохо! Будет чем заняться Вильсону!

Он притормозил, без намерения остановиться, но что-то заставило его свернуть на обочину, когда мы подъехали поближе и увидели молчаливые и хмурые лица людей, собравшихся возле гаража.

— Надо бы посмотреть, что там стряслось, — сказал он неожиданно дрогнувшим голосом. — Да, надо посмотреть...

Как только мы вылезли из машины, я услышал глухие стенания и полный непередаваемого ужаса пронзительный крик, доносившийся из гаража. Когда мы подошли ближе, я стал разбирать и отдельные слова: «О, Бо — ооже мой... Бо — ооже мой». Кто-то без конца повторял их охрипшим задыхающимся голосом.

— Не иначе что-то серьезное, — возбужденно произнес Том. — Что-то очень серьезное...

Он встал на цыпочки и поверх голов собравшихся зевак заглянул в гараж, освещенный тусклым светом единственной электрической лампочки в металлической оплетке, висящей под самым потолком. Он открыл было рот, но словно подавился словами и, издав горлом булькающий звук, полез напролом, грубо расталкивая ротозеев мощными плечами атлета.

Толпа смыкалась за его спиной с недовольным ворчанием, так что мне не удалось ничего разглядеть. Люди все подходили и подходили, меня и Джордан теснили к дверям, а потом напиравшая сзади толпа буквально вдавила нас внутрь.

Миртл Вильсон лежала на верстаке у стены, накрытая двумя одеялами, будто ей было холодно в эту жаркую ночь. Том склонился над ее телом и словно оцепенел. Рядом с ним стоял мокрый от пота полисмен из дорожного патруля и записывал фамилии свидетелей происшествия в маленький блокнот. Я все не мог понять, откуда раздается этот пронзительный крик, гулким эхом отражающийся от стен полупустого гаража, пока не увидел Вильсона в дверях своего офиса. Он раскачивался взад и вперед, вцепившись руками в дверной косяк. Какой-то человек говорил с ним низким и глухим голосом, время от времени обнимая за плечи, но он ничего не видел и не слышал. Он переводил безумный взгляд с лампочки на верстак, потом опять смотрел на лампочку и на то, что лежало на верстаке, и, судорожно дергая головой, пронзительно и страшно кричал:

— О, Бо — ооже мой... Бо — ооже мой... Бо — ооже мой.

Том резко выпрямился, посмотрел по сторонам невидящими остекленевшими глазами и что-то бессвязно пробормотал стоявшему рядом с ним полисмену.

— Май... — по слогам записывал тот.

— Нет, — исправлял его пожилой мужчина. — Мав...

— Послушайте, — агрессивно начал Том.

— Р... — говорил полисмен. — О...

— Джи...

— Не «джи», а «ги»!

Том резко хлопнул его по плечу, и только тогда он поднял голову:

— Что тебе, парень?

— Что произошло? Я хочу знать, что произошло...

— Сбила машина. Насмерть.

— Сбила... насмерть... — повторил Том, уставившись в' никуда.

— Она выскочила на дорогу, а этот сукин сын даже не затормозил...

— Там было две машины, — сказал Михаэлис. — Одна — в ту сторону, другая — в эту... Понимаете?

— Так в какую же? — нетерпеливо спросил полисмен.

— Ну, одна — из города, другая — в город. Да, а вот она, — грек посмотрел в сторону верстака и сразу же отвел взгляд, — она выбежала на дорогу — прямо под колеса той машины, что ехала из города. Прямо под колеса, — повторил он, — а скорость была не меньше тридцати или сорока миль.

— Как называется эта местность? — деловито спросил полисмен.

— Да никак! Нет у нее названия... Хорошо одетый негр сделал шаг вперед.

— Это была желтая машина, сэр, — сказал он. — Большая желтая машина. Новая.

— Так вы видели само происшествие? — спросил полисмен.

— Нет, они обогнали меня на дороге. Шли быстрее сорока миль в час. Может, пятьдесят или шестьдесят.

— Подойдите, я запишу ваше имя. Ну-ка, осадь назад! Дайте парню пройти.

По всей видимости, обрывки диалога долетели до Вильсона, безостановочно раскачивавшегося в дверях офиса, потому что к

пронзительно — астматическому «Бо — ооже мой» добавились новые ожесточенные крики:

— Не надо мне рассказывать, какая это была машина! Я знаю, какая это была машина! Знаю, о, Бо — ооже мой... Бо — ооже мой.

Я увидел, как внезапно напрягся Том. Он быстро подошел к Вильсону и крепко схватил его за руки.

— Придите в себя, — с грубоватой развязностью сказал Том. — Возьмите себя в руки, Наконец.

Вильсон посмотрел на Тома и собрался было выпрямиться, но колени его подломились, и он рухнул бы на пол, если бы Том не поддержал его.

— Послушайте меня, — сказал Том, слегка встряхнув мистера Вильсона. — Я появился здесь минуту тому назад. Приехал из Нью — Йорка и пригнал машину, о которой мы с вами говорили. Та желтая машина, на которой я заезжал к вам днем, — не моя. Вы меня поняли? Не моя. Я ее вернул и не видел больше, ясно?

Только негр и я стояли к Тому достаточно близко, чтобы услышать и понять то, о чем говорили они с Вильсоном. Однако полисмен, видимо, тоже услышал кое-что, заинтересовавшее его. Он пристально посмотрел на Тома и с подозрением в голосе спросил:

— В чем дело, парень?

— Я его друг, — повернул голову Том, продолжая крепко держать Вильсона за руки. — Он рассказал мне, что узнал эту машину... Это действительно была желтая машина.

Полисмен бросил профессионально — цепкий подозрительный взгляд на Тома.

— А ваша машина... Какого цвета ваша машина?

— Синее «купе».

— Мы прямиком из Нью — Йорка, — сказал я.

Кто-то из водителей, видевших нас на трассе, подтвердил это, и полисмен потерял к нам всякий интерес.

— Так, — повернулся он к несчастному Мавроги. — Попытаемся еще разок: четко и внятно произнесите свою фамилию по слогам, а еще лучше — по буквам...

Том сопровождал обвисшего, как марионетка, Вильсона в его офис, усадил в кресло и тотчас же вернулся.

— Надо бы с ним посидеть... кому-то из вас, — тоном, не терпящим возражений, сказал Том, не обращаясь ни к кому конкретно. Потом он пристально посмотрел на двух стоявших поблизости мужчин — те переглянулись и без особой охоты пошли в офис. Том плотно прикрыл за ними дверь, спустился на одну ступеньку, отводя взгляд от верстака, потом подошел вплотную ко мне и шепнул на ухо: — Поехали отсюда...

Подавленные и смущенные, покидали мы обитель скорби, впрочем, это совершенно не мешало Тому мощно таранить толпу могучими плечами, а я следовал за ним в «кильватерной струе». Навстречу нам, с гораздо меньшим успехом пробивался доктор с чемоданчиком в руке, — с полчаса тому назад кого-то послали за ним в отчаянной надежде на чудо...

Наша машина медленно тронулась, но сразу же за поворотом Том резко утопил педаль, и автомобиль помчался как стрела сквозь сгустившийся над землей мрак. Мы ехали молча, а потом я услышал хрипкое сухое рыдание и увидел катившееся по его щекам слезы.

— Будь ты проклят, трусливый пес! — всхлипнул он. — Даже не остановился...

* * *

Неожиданно из-за сплошной завесы шелестящей листвы возник дом Бьюкененов. Он выскочил перед нами, словно чертик из табакерки. Том затормозил прямо у веранды и сразу же посмотрел на окна второго этажа — там, на увитой плющом стене светились два прямоугольника.

— Дейзи дома, — сказал он.

Когда мы вылезли из машины, он посмотрел на меня и недовольно поморщился.

— Черт, не сообразил... Надо было отвезти тебя в Вест — Эгг, Ник. Делать-то сегодня все равно нечего.

Что-то в нем переменялось, и он говорил решительно и с достоинством. Пока мы с ним шагали к веранде по залитому лунным светом газону, он размышлял вслух, цедя короткие рубленые фразы:

— Сейчас вызову тебе такси. Тебе с Джордан следовало бы пойти на кухню. Вам нужно хорошенько поужинать, если вы голодны.

Он отворил входную дверь:

— Заходите!

— Нет, благодарю. Такси — это было бы прекрасно, если тебя не затруднит. Но я не буду заходить, подожду лучше здесь.

Джордан положила мне руку на плечо.

— Давайте зайдем ненадолго, Ник.

— Нет, спасибо за приглашение, нет...

Меня слегка мутило и хотелось побыть одному. Джордан помедлила еще мгновение.

— Но ведь только полдесятого, — сказала она.

«Будь я проклят, если войду, — подумал я, — их милого общества, и Джордан в том числе, было более чем достаточно для одного дня. Хватит с меня на сегодня!» Видимо, Джордан прочитала мои мысли! Она неожиданно резко повернулась и побежала вверх по ступенькам. Я присел, уронил голову на руки и просидел так какое-то время, пока не услышал голос, вызывавший по телефону такси. Затем медленно встал и побрел по подъездной дороге, намереваясь встретить машину у парадного въезда.

Не прошел я и двадцати ярдов, как кто-то меня окликнул из кустов, растущих у дороги, а затем появился Гэтсби. Должно быть, со мной творилось что-то странное, потому что в тот момент я не мог думать ни о чем другом, кроме как о его розовом костюме, светящемся в лунном свете.

— Почему вы здесь? — растерянно спросил я.

— Просто так. Стою, старина.

Все это показалось мне более чем странным. Каюсь, на какое-то мгновение я даже заподозрил его в намерении ограбить дом; я бы несколько не удивился, увидев зловещие фигуры «людей Вольфсхайма», продирающиеся сквозь заросли кустарника.

— Там... на дороге... вы видели что-нибудь? — запинаясь, спросил он.

— Да.

Он еще помолчал.

— Насмерть? — Да.

— Так я и думал... так я и думал. Да, я и Дейзи так сказал. Лучше всего сказать правду, какой бы горькой она не была. Все случившееся было для нее шоком, но она держалась довольно-таки хорошо.

Он говорил так, будто реакция Дейзи была единственным сколько-нибудь важным обстоятельством во всей этой истории.

— Я добрался в Вест — Эгг по объездной дороге, — рассказывал он. — Загнал машину в гараж. Не думаю, что нас кто-нибудь видел, однако нельзя быть уверенным на все сто процентов.

В это мгновение он был мне настолько антипатичен, что я даже не посчитал нужным сообщить, что он сильно ошибается на этот счет.

— Та женщина... Не знаете, кто она? — спросил Гэтсби.

— Ее звали Вильсон. Жена хозяина того самого гаража. Как же, черт побери, все это произошло?

— Знаете, я пытался вывернуть, но не успел перехватить руль... — он осекся, и я, наконец, понял, как было дело.

— Значит, за рулем были не вы?

— Конечно, — сказал он после короткой паузы, — но я, разумеется, возьму все на себя. Понимаете, когда мы выехали из Нью — Йорка, Дейзи ужасно нервничала и решила, что сможет отвлечься за рулем, прийти в себя. А эта женщина... она выскочила прямо перед нами, а тут еще встречная машина. Всего несколько секунд, старина... Знаете, мне показалось, она хотела нам что-то сказать, эта несчастная, видно, перепутала с кем-то... Дейзи вывернула руль, а тут как раз — встречная, — она растерялась — и назад. Тут только я успел выхватить руль и сразу же услышал или почувствовал удар... Она...она, должно быть, сразу же умерла?

— На месте... изуродовало так, что...

— Прошу вас, старина... — Гэтсби содрогнулся. — Потом... потом Дейзи словно обезумела. Я умолял остановиться и вернуться, но она... она вообще не понимала, что делает. Мне пришлось воспользоваться аварийным тормозом. Она рухнула мне на колени, а дальше... дальше я повел машину сам.

— Думаю, к утру она будет в полном порядке, — продолжил он, помолчав. — Но я хочу остаться здесь подольше — боюсь, он не оставит ее в покое из-за того разговора. Мы с ней условились — она закроется в спальне, а если он начнет ломиться или чего-нибудь еще, она включит и выключит свет.

— Не будет он ее трогать, — сказал я. — Он о ней и думать забыл.

— Все равно я ему не доверяю, старина...

— Хорошо, но сколько же вы собираетесь ждать?

— Хоть всю ночь, по крайней мере, до тех пор, пока он не утомонится.

Неожиданно я подумал: а если Том узнает, кто действительно сидел за рулем? Не свяжет ли он одно с другим и не сделает ли вывод, что?.. Впрочем, хватит! Да мало ли что он мог подумать, черт его задери!.. Я оглянулся назад — фасад первого этажа светился победной иллюминацией, а на втором розовели окна комнаты Дейзи.

— Никуда не уходите, — сказал я. — Пойду посмотрю, что там происходит.

Я пошел в обход — вдоль дальней границы газона, осторожно пересек посыпанную гравием дорожку, стараясь производить как можно меньше шума, и тихо, на носочках, поднялся по ступенькам. Занавеси в гостиной были раздвинуты, и я сразу же увидел, что комната пуста. В дальнем конце веранды, где мы обедали июньским вечером три месяца тому назад, тускло светился желтый квадратик света. Должно быть, это была буфетная, и я осторожно направился в ту сторону. Здесь тоже висели занавеси, только они были плотно задернуты, но мне удалось обнаружить узкую щель прямо над подоконником.

Том и Дейзи сидели за обеденным столом, напротив друг друга, между ними стояла тарелка с холодным жареным цыпленком и две бутылки эля. Том говорил без умолку, что-то увлеченно доказывая и объясняя ей. В какой-то момент он по — отечески заботливо положил руку на ее ладонь. Дейзи сидела, потупившись, но время от времени поднимала голову и утвердительно кивала.

Они не выглядели особенно счастливыми, но и особенно печальными — тоже. Хотя ни один из них не притронулся ни к цыпленку, ни к элю, в комнате царила привычная интимная атмосфера, — и любой, глядя на них, сказал бы, что эти двое о чем-то договариваются или уже договорились.

Я осторожно спустился по ступенькам и сразу же услышал тархтение мотора, должно быть, водитель такси с опаской продвигался по темной дороге к дому. Гэтсби ждал меня там, где я его и оставил.

— Ну что? — с тревогой спросил он. — У них все спокойно?

— Да, вроде бы, — ответил я и добавил, чуть помедлив: — Вам бы лучше поехать со мной и выспаться как следует...

Он покачал головой.

— Я все-таки дождусь, пока у Дейзи не погаснет свет. Спокойной ночи, старина.

Он сунул руки в карманы пиджака, резко отвернулся, словно я ему чем-то помешал, и занял свой наблюдательный пост у дома. Я повернулся и ушел, а осиянный призрачным лунным светом ангел — хранитель остался оберегать то, на что никто и не посягал.

Глава VII

На море лег туман, и сигнальный рожок завывал до рассвета. Я отвратительно спал в ту ночь, метался, как в бреду, на мокрой от пота постели, пребывая на той зыбкой грани между явью и сном, когда кошмарные ночные видения сменяются чудовищной безысходностью реального мира. Машина подъехала к дому Гэтсби уже под утро, когда начинало светать. Я сбросил с себя мокрые простыни и стал одеваться. Видимо, в тревожном полузабытьи подумал, что должен ему что-то сказать, предупредить о чем-то важном как можно скорее, чтобы не опоздать...

Я пошел напрямик, по газону, и еще издалека увидел, что входная дверь распахнута, а сам он полусидит, облокотясь на стол, и то ли спит, полностью опустошенный, то ли задумался о чем-то, известном ему одному.

— Вы были правы — ничего плохого не случилось, — сказал он слабым безжизненным голосом. — Наверное, в четыре она подошла к окну, постояла с минуту и выключила свет.

Никогда еще дом Гэтсби не казался мне таким пугающе громадным, как в те предрассветные часы, когда мы отправились на поиски сигарет, переходя из одной пустой залы в другую. Мы раздвигали тяжелые занавеси, которым впору было висеть на сцене какого-нибудь театра, шарили по уходящим в бездонную темноту стенам в поисках выключателей. Я даже умудрился сесть на клавиатуру открытого пианино, разразившегося в тишине водопадом нестройных звуков. Повсюду витал дух запустения, и было совершенно непонятно, откуда взялось столько пыли в душных комнатах с наглухо закрытыми окнами. Наконец, мы разыскали сигареты и, отворив узкое стрельчатое окно в салоне, с наслаждением закурили, выпуская клубы сизого дыма в предрассветную мглу.

— Вам надо бы уехать отсюда, — сказал я. — Вашу приметную машину наверняка уже ищут.

— Уехать?.. Сейчас?.. Это невозможно, старина.

— Отчего же! На неделю в Атлантик — Сити или Монреаль.

Для него об этом не могло быть и речи. Как может он бросить Дейзи одну, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснит ее намерения? Обеими руками он вцепился в эту последнюю призрачную надежду, а я смалодушничал и даже не попытался открыть ему глаза на происходящее.

В ту ночь я услышал одну из самых странных и загадочных из его историй о юношеских скитаниях с Дэном Коди — услышал только потому, что в ту страшную ночь хрустальное вместилище его души лопнуло с жалобным звоном, а жестокость и бессердечие Тома Бьюкенена охладили романтический пыл человека по имени «Джей Гэтсби». Занавес опустился — сказочная феерия подошла к концу. Прояви я настойчивость, и он открыл бы мне свою душу, но мне это было ни к чему, а он хотел разговаривать только о Дейзи.

Она была у него первой из тех, кого принято называть «девушка из приличной семьи». Вернее, ему и до этого приходилось встречаться с людьми из общества и даже вести с ними всякого рода дела, но всегда между ним и «ими» был невидимый кастовый барьер. Он находил ее восхитительно желанной, и для того, чтобы видеться с ней чаще, стал бывать в доме ее отца — вначале вместе с другими офицерами из Кемп — Тейлор, затем один. Он любил бывать здесь — никогда до сих пор не приходилось ему видеть такой пышности, богатства и красоты. Но больше всего молодого офицера, привыкшего к простоте и убогости казарменного бытия, поражало даже не это, а то, что Дейзи и ее семья могут жить обычной, повседневной жизнью среди всей этой роскоши. «Тайна» — это было, пожалуй, лучшее слово для всего связанного с этим домом! Тайной дышали обычные, казалось бы, предметы богатой обстановки многочисленных салонов, гостиных, будуаров и кабинетов; тайна влекла на верхние этажи, в великолепно обставленные, источающие благоухание спальни — так непохожие на те, где ему доводилось бывать до сих пор; тайной веяло от длинных коридоров, хранящих память о роковых романах, но не заплесневевших в пыльных чуланах и пропитавшихся приторным запахом лаванды, а брызжущих безудержным весельем, пахнущих живыми цветами. Это была тайна сверкающих никелем и хромом скоростных автомобилей последнего выпуска, тайна феерических балов и званых обедов на сто персон... Он знал, что многие мужчины домогались ее благосклонности, но не ревновал или делал вид, что не ревнует, во

всяком случае, в его глазах это только возносило ее на совсем уж недостижимую высоту. Мускусными запахами вождедеющих самцов была пропитана сама атмосфера этого дома, он физически ощущал их незримое присутствие, и это придавало романтическому увлечению совершенно новую, до сих пор незнакомую ему остроту ощущений.

Только невероятное стечение обстоятельств привело его в этот дом, — и он помнил об этом. Кем был для них молодой человек без прошлого и без цента в кармане? Блистательная военная карьера оставалась делом отдаленного будущего, офицерский мундир, служивший пропуском в этот мир и скрывавший беспросветную нищету, мог свалиться с его плеч в любое мгновение, — и он также помнил об этом. В результате он старался успеть взять от жизни как можно больше — взять все, до чего мог только дотянуться, не раздумывая ни секунды, как хищник, вышедший на охоту; как взял он Дейзи погожим осенним вечерком, взял, не думая о последствиях и о том, что не достоин даже коснуться ее руки.

Будь он благородным человеком, ему следовало бы ненавидеть и презирать самого себя: ведь в принципе он взял ее обманом. Не думаю, что он морочил ей голову небылицами о мифических миллионах и дворцах — нет, все было проще и сложнее: ему удалось внушить молодой и неопытной девушке чувство привязанности и иллюзию собственной надежности; Гэтсби умышленно позволил ей поверить в то, что он человек ее круга, который в состоянии позаботиться о ней и их дальнейшей судьбе. Увы, все было совсем не так — у молодого человека не было ни положения в обществе, ни денег, ни уверенности в завтрашнем дне, — ничего! В любую минуту правительство могло отправить его в отдаленный гарнизон, на другой конец света, к черту на кулички!

Впрочем, до угрызений совести дело не дошло, но и обернулось все совсем не так, как он себе представлял. Он рассчитывал взять, что плохо лежит, и уйти по — английски, однако на всю оставшуюся жизнь стал Рыцарем Святого Грааля^[31]. Дейзи всегда казалась ему восхитительной и необыкновенной, но он и представить себе не мог, что значит любить девушку из приличной семьи. В тот осенний вечер она упорхнула в свой роскошный дом, вернулась к своей богатой, полной тайн жизни, а он остался на улице — остался ни с чем! Он действительно был Никем, родом из Ниоткуда, но удивительным

образом считал себя связанным с ней узами тайного брака — из тех, что совершаются не на земле, а на небесах. И все — и ничего более!

В следующий раз они увиделись только через два дня, и его сердце было готово выскочить из груди: вовсе не она, а сам он собственной персоной оказался в силках, искусно сплетенных самой природой! Нежный свет первой звезды в хрустальных небесах, волнующий полумрак веранды ее дома... Плетеный диванчик смущенно скрипнул, когда Дейзи грациозно повернулась к нему, и Гэтсби поцеловал ее в сложенные бантиком губки. Она немного простудилась, и легкая хрипота придавала волнующую чувственность ее голосу. Наступил миг просветления, и он с пронзительной ясностью осознал вдруг волнующую тайну — богатой молодости, окруженной всеми мыслимыми и немыслимыми привилегиями, которые только может дать золото. Он вдыхал свежий запах одежд, аромат пленительного тела светящейся изнутри, словно отлитой из серебра Дейзи — сытой и надменной патрицианки, страшно далекой от погрязшего в нищете плебса.

* * *

— Боюсь, не смогу описать, как я был потрясен, когда обнаружил, что люблю ее, старина. Вначале я даже надеялся, что она оставит меня, но этого не произошло. Как это ни странно, но она тоже полюбила меня. Ей казалось, что я умен и многое постиг в этой жизни, но знал я в то время не больше, чем она, только черпал свои знания в другом источнике, так сказать. Вы ведь понимаете, о чем я, старина? Все мои амбиции и честолюбивые намерения пошли прахом — я действительно был влюблен в прекраснейшую девушку на земле, и это чувство переполняло все мое существо и продолжало расти. Что же до всего остального, то мне не было до него ровным счетом никакого дела! В самом деле, куда покойнее было строить перед ней воздушные замки, чем утруждать себя и вершить великие дела?

В их последний вечер перед его отправкой за океан они обходились без слов, а только сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу. На Чикаго опустился липкий и сырой туман, холодно было и в комнате, но они сели у камина, и ее щечки порозовели. Стоило ей слегка шевельнуться в его объятиях, как он менял позу, стараясь устроить ее поудобнее, наслаждаясь пьянящим благоуханием ее шелковистых

волос. Он поцеловал ее один только раз... Умиротворенные, они угрелись и притихли в полутьме, словно прячась от грозового завтра, словно желая навсегда сохранить в памяти этот вечер и эту нежность... На пороге, увы, неизбежного расставания...

Им не суждено было испытать большей близости, чем в тот промозглый прощальный вечер. И он навсегда сохранил в памяти, как играла она обшлагами его казенного мундира, а он нежно перебирал ее пальчики, словно боялся потревожить ее и спугнуть...

* * *

Ему удалось продвинуться на воинском поприще. Он носил капитанские погоны перед отправкой на передовую, а после кровавой битвы в Аргоннском лесу был произведен в майоры и назначен инспектором пулеметных частей при штабе дивизии. Сразу же после перемирия он пытался подать в отставку и уехать домой, но по досадному недоразумению или благодаря обычной армейской неразберихе оказался в Оксфорде. Его тревожили нервные нотки в ее письмах. Она устала ждать и не понимала, почему он до сих пор не возвращается. Чужой и враждебный мир окружал ее со всех сторон, ей хотелось увидеть его, опереться на его крепкое плечо, спросить совета, чтобы не наделать ошибок и все время ощущать его присутствие за своей спиной.

В сущности, она по — прежнему оставалась все той же молодой и неопытной девчонкой и продолжала жить в своем эфемерном мире, где цвели орхидеи и раскачивались на ветках диковинные птицы. Размеренный ритм счастливой и беззаботной жизни задавал модный джаз — банд, отменяя прочь все сомнения и тревоги. Под горький плач саксофонов, выводивших жалостливую мелодию какого-нибудь «Бил — стрит блюз», сотня пар золотых и серебряных бальных туфель до самого рассвета выколачивала из паркета искрящиеся султанчики пыли. Этот сладостный озноб сотрясал иные залы и гостинные даже в священный час послеобеденного чаепития, и тогда здесь мелькали молодые свежие лица, словно лепестки роз, унесенные жарким дыханием беззаботного ветра.

Мало — помалу губительный водоворот безудержного веселья захватывал Дейзи, и к началу нового сезона закружил ее в бесконечном хороводе. Трудно сказать, что стало тому причиной —

одиночество ли, тоска, а, может, просто молодость взяла свое, но так или иначе, она бросилась в этот мир, как в омут. И опять замелькал вокруг нее калейдоскоп вожделеющих ее, опять возвращалась она на рассвете в полудремоте, падая без сил на постель, сбрасывая на пол измятые бальные туалеты, и аромат надушенного воздушного шифона смешивался с пряным благоуханием умирающих орхидей. Но ее томила и изводила неопределенность. Пришло время устраивать свою судьбу — и устраивать ее прямо сейчас, немедленно, — и тогда ей казалось совершенно несущественным, что приведет ее под венец — любовь, деньги, жажда материнства или извечная женская меркантильность. Все это было несущественным! — тогда... Она жаждала перемен и обновления.

Том Бьюкенен, вошедший в жизнь Дейзи в середине той суматошной весны, покорила ее страждущее сердечко тем, что крепко держался на ногах — и речь шла вовсе не о его мужественности или атлетической фигуре; ей льстили знаки внимания со стороны человека ее круга, из приличной семьи, с устойчивым положением в обществе и... приличным состоянием. Не обошлось без внутренней борьбы, сомнений и переживаний, — но выбор был сделан, и она вздохнула с облегчением.

Ее письмо Гэтсби получил в Оксфорде.

* * *

За окном забрезжил рассвет. Мы шли по бесконечной анфиладе комнат первого этажа, раздвигали шторы и распахивали окна, впуская в дом первые нетерпеливые лучики ласкового утреннего солнца. Бархатистая тень деревьев осторожно легла на землю, усыпанную бисеринками выпавшей росы. Невидимые птицы запели в лазоревой вышине. Свежее дыхание солнечного утра словно обещало, что денек выдастся безоблачным и тихим.

— Я не думаю, что она когда-нибудь любила его, — сказал Гэтсби. Он отвернулся от окна и посмотрел на меня с вызовом в глазах. — Должно быть, вы помните, старина, она была чрезвычайно возбуждена тогда. Он наговорил ей столько всего, что она просто испугалась... В ее глазах я выглядел мелким дешевым шулером... Думаю, она едва ли понимала, что говорит.

Гэтсби помрачнел и молча опустил в кресло.

— Конечно, я понимаю, она любила его. Но какую-то минуту! — когда они только поженились... Но все равно, она и тогда любила меня больше, понимаете?

Тут он произнес удивившую меня фразу.

— Так или иначе, — сказал он, — это было глубоко личным...

Что можно сказать по этому поводу, если, с его точки зрения, принятое Дейзи решение не подлежало не только, не дай Бог, осуждению, но даже и оценке столько лет спустя!

Он вернулся из Франции, когда Том и Дейзи отправились в свадебный круиз по южным морям. Он потратил жалкие остатки выходного армейского пособия на поездку в Луисвилль — мучительную, но отчего-то совершенно необходимую для него поездку. Он задержался там на неделю, и в одиночестве ходил по улицам, помнившим о том, как бродили они здесь вдвоем долгими ноябрьскими вечерами и как задорно цокали ее каблучки по брусчатке мостовой. Он пешком обошел все их излюбленные укромные местечки за городом, куда они частенько выбирались на ее белоснежном родстере. Таинственный дом Дейзи на этот раз показался ему еще более загадочным, а сразу осиротевший без нее город стал еще очаровательней в меланхолическом ожидании встречи с ней.

Он уезжал со странным чувством: поищи он получше, то сразу же нашел бы ее где-нибудь в лабиринте улиц. Он был уверен в том, что Дейзи осталась в Луисвилле! Он едва наскреб никелей^[32] на билет в дневном пассажирском вагоне, и у него не осталось ни цента в кармане. Было ужасно душно, он вышел в тамбур и сел на откидное сиденье, глядя на проплывающий мимо вокзал и дворовые фасады совершенно незнакомых ему зданий. Потом потянулись бескрайние весенние поля; вдруг словно из-под земли вынырнул набитый битком желтый троллейбус и помчался наперегонки с поездом, — он безнадежно отстал уже через полминуты, но Гэтсби подумал, возможно, сидящие в нем люди встречали Дейзи и помнят восхитительную бледность ее лица.

Поезд повернул и ушел на восток, а закатное солнце повисло над горизонтом, словно благословляя исчезающие в дымке кварталы, хранящие тепло ее дыхания. В отчаянии он простер руки, словно хотел обнять этот город, увезти с собой память о том, как хорошо было им на его улицах, среди его садов и фонтанов. Поезд набирал ход,

постукивая колесами на стыках, от этого все расплывалось в глазах. Или это были слезы? Кто знает... Поезд уходил на восток, а он вдруг устало подумал, что жизнь проходит, во всяком случае, ее лучшая и самая счастливая часть осталась в прошлом... Навсегда...

Было уже девять часов, когда мы позавтракали и вышли на веранду. За ночь погода окончательно переменилась, и в воздухе запахло приближающейся осенью. Садовник, единственный из прежней прислуги, подошел к веранде и остановился у лестницы.

— Я тут собрался выкачать сегодня воду из бассейна, мистер Гэтсби. Листья того и гляди посыплются, опять начнется морока с трубами.

— Не надо этого делать сегодня, — ответил Гэтсби. Он повернулся ко мне. — Представляете, старина, за все лето я так и не окунулся ни разу.

Я посмотрел на часы и поднялся.

— Осталось двенадцать минут до поезда.

Ужасно не хотелось ехать в офис. Я знал, что работник из меня сегодня никудышный, но, главное, не хотелось оставлять Гэтсби одного. В итоге я пропустил этот поезд, потом следующий. Уходить по — прежнему не хотелось.

— Так я позвоню вам? — спросил я.

— Звоните, звоните, старина.

— Тогда, где-то около полудня... Из города. Мы спустились по лестнице.

— Дейзи должна позвонить... — он с надеждой посмотрел на меня, словно ждал подтверждения.

— Да... да... должна...

— Тогда до свиданья.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел. У живой изгороди я резко остановился, потом обернулся и посмотрел в его сторону:

— Мерзавцы! Какие же они мерзавцы! — громко закричал я на всю округу. — Они и мизинца вашего не стоят!

Я был необыкновенно доволен, что произнес эти слова. Фактически, это были мои первые слова одобрения в его адрес, если вспомнить о том, что я изначально относился к нему с предубеждением. Сначала он смущенно кивнул, потом заразительно улыбнулся, словно никогда в этом и не сомневался. Его розовый

костюм показался мне особенно безвкусным на фоне белого мрамора лестницы, и я вспомнил тот первый вечер трехмесячной давности, когда впервые перешагнул порог его «родового гнезда». Газон и подъездная аллея были забиты толпами гостей, зубоскалящих по поводу происхождения хозяина и его огромного состояния, а он стоял на веранде и махал рукой, прощаясь с ними, и за напускным безразличием скрывал от нескромных взглядов свои пылкие юношеские мечты.

Я поблагодарил его за гостеприимство. Мы всегда благодарили его за это — и я, и другие.

— До свиданья! — крикнул я. — Завтрак был просто великолепным!

* * *

В офисе я попытался какое-то время поработать, даже начал составлять реестр биржевой котировки акций, но это занятие показалось мне настолько утомительным, что я и сам не заметил, как задремал во вращающемся кресле, уткнувшись носом в бумаги. Пронзительная трель телефонного звонка разбудила меня около полудня, и я подскочил как ошпаренный со слипшимися от пота и всклокоченными волосами. Это была Джордан Бейкер. Она часто звонила мне в это время — рассеянный образ жизни, с бесконечными переездами из одного отеля в другой, зваными ужинами в клубах и ночевками у бесчисленных друзей делали ее практически недостижимой. Обычно она звонила второпях, с очередного турнира, ее голос напоминал о свежести и прохладе нежно — зеленой травки ухоженного поля для гольфа, но сегодня он был непривычно сухим и даже грубоватым.

— Я только что уехала от них, — сказала она. — Я в Хемпстеде, а во второй половине дня буду в Саутгемптоне.

Возможно, она поступила правильно, оставив их наедине, но что-то в ее словах разозлило меня, а следующая фраза просто выбила из колеи.

— Вы были не так уж и галантны прошлым вечером!

— Полноте, до того ли мне было вчера... После минутной паузы она произнесла:

— Тем не менее, мне хотелось бы с вами встретиться.

— Мне бы тоже этого хотелось...

— Я могла бы отложить поездку в Саутгемптон. Может быть, увидимся в городе?

— Мне очень жаль, но сегодня...

— Вы меня удивляете...

— Понимаете, сегодня... Ну, я решительно не могу... Знаете, тут накопилось всякого...

Мы поговорили еще несколько минут в таком же духе, а потом разговор внезапно оборвался. Я даже не помню, кто из нас первым повесил трубку, вернее, это было мне совершенно безразлично. Я все равно не смог бы вести с ней непринужденную беседу за чашкой чая.

Потом я позвонил Гэтсби, но линия была все время занята. Я повторил вызов четыре раза, пока потерявшая терпение барышня — телефонистка не сообщила мне, что линию держат открытой для междугородней связи с Детройтом. Я посмотрел на расписание и решил, что нужно попасть на поезд, отправляющийся в Вест — Эгг в 15.50. Потом откинулся на спинку кресла и попытался собраться с мыслями. На моих часах было только двенадцать...

* * *

Этим утром я специально пересел на противоположный ряд сидений, задолго до того, как поезд стал притормаживать перед разводным мостом. Почему-то мне казалось, что любители острых ощущений продолжают бродить меж куч пепла и золы, вездесущие мальчишки разглядывают почерневшие пятна на пыльной дороге, а какой-нибудь словоохотливый очевидец уже в сотый раз пересказывает давешнюю историю, вспоминая и прибавляя такие подробности, в которые и сам уже не верит; и с каждым разом рассказ будет звучать все менее правдоподобно, пока трагедия Миртл Вильсон окончательно не забудется и перестанет хоть кого-нибудь занимать. Поэтому мне хотелось бы вернуться немного назад и рассказать о том, что же происходило на Поле Пепла после нашего отъезда.

Долго не могли разыскать ее сестру — Кэтрин. Должно быть, в тот день она изменила своим привычкам и была безобразно пьяна, до полусмерти накачавшись ликером. Она слегка протрезвела по дороге, но была еще не в состоянии понять, что карета «скорой помощи» уже увезла Миртл во Флашинг. Когда же общими усилиями ей это

втолковали, она сразу же упала в обморок, словно это было самым ужасным из всего, что произошло. Кто-то из местных — то ли по простоте душевной, то ли по природной глупости — усадил нетрезвую Кэтрин в машину и отвез во Флашинг для ночного бдения у тела усопшей.

Даже за полночь потоки соблезнующих и любопытствующих не уменьшались — люди все подходили и подходили; Джордж Вильсон по — прежнему сидел на диванчике и раскачивался из стороны в сторону — только уже не стenal. Вначале никто не догадался прикрыть дверь его офиса, и мало кто из визитеров удержался от соблазна поглазеть на безутешного вдовца. Потом кто-то сказал, что, мол, не по — людски это, и дверь закрыли. Михаэлис и несколько мужчин все время оставались рядом с ним — вначале их было четверо или пятеро, потом осталось двое или трое. Поздно ночью Михаэлис попросил какого-то совершенно постороннего человека посидеть с Вильсоном четверть часа, пока он сбегает сварить кофе. Потом вернулся и просидел с ним до самого рассвета.

Наверное, часа в три ночи Вильсон стал понемногу приходить в себя — и если не успокоился, то перестал бессвязно бормотать и стал рассказывать Михаэлису о желтой машине. Говорил, что доберется до ее хозяина, а потом вдруг вспомнил, как несколько месяцев тому назад Миртл вернулась домой с подбитым глазом и расквашенным носом. Должно быть, услышав свои собственные слова, он вдруг содрогнулся и опять начал раскачиваться из стороны в сторону и причитать: «О, Бо — ооже мой... Бо — ооже мой...» Михаэлис пытался как-нибудь отвлечь и успокоить несчастного.

— Джордж, сколько же лет вы с ней прожили? Да успокойся же ты... Вот так... Слышишь, Джордж, я говорю, сколько лет ты с ней прожил?..

— Двенадцать.

— А дети, Джордж? Да тихо ты... тихо... Ну, что ты в самом-то деле... Я говорю, дети у вас были?

Мясистые коричневые жуки с длинными усами и жесткими надкрыльями резво перебирали членистыми лапками, оставляя на пыльном полу глубокие борозды, искрившиеся как кильватерные струи в тусклом свете одинокой лампочки. Мимо проносились авто, и всякий раз Михаэлису казалось, что это та самая «машина — убийца».

Ему ужасно не хотелось выходить в гараж, чтобы лишний раз не видеть верстак, на котором лежало изуродованное тело. Поэтому время от времени он поднимался и делал несколько шагов по тесной клетушке, именуемой офисом, так что к утру он мог бы пройти здесь и с завязанными глазами. Иногда он подходил к притихшему Вильсону и пытался его растормошить.

— Джордж, а в какую церковь вы ходили? Если давно не ходили, так это не беда... Хочешь, я позвоню? Утром придет священник, может, тебе станет полегче, а, Джордж?

— Я не хожу в церковь...

— Что ты? Разве ж можно?.. Надо бы ходить... Хотя бы в такие вот лихие времена... Раньше-то ты ходил? Небось, и венчались в церкви? Слышишь, Джордж... Эй, парень, венчались, говорю, в церкви?

— Так то когда было...

Вильсон перестал мерно раскачиваться, коротко отвечая на вопросы. На мгновение он успокоился, а потом в его тусклых глазах появилось прежнее выражение растерянности и озлобленности.

— Посмотри в ящике, — сказал он и кивнул в сторону стола.

— В каком ящике?

— В этом, в этом...

Михаэлис выдвинул верхний ящик письменного стола. Там лежал короткий поводок явно дорогой кожи с фигурными серебряными заклепками. Совершенно новый собачий поводок.

— Это? — спросил он.

Вильсон впился в него глазами и кивнул.

— Я нашел это вчера, днем. Она начала юлить, но я сразу же понял — что-то здесь не так.

— Думаешь, она кому-то его купила?

— А что тут думать... лежал на бюро... в папиросной бумаге...

Михаэлис не увидел в этом ничего странного и привел Вильсону дюжину причин, для чего ей мог понадобиться собачий поводок. Видимо, точно такие же или похожие пояснения давала в свое время Миртл, потому что Вильсон опять обхватил голову обеими руками и застонал: «О, Бо — ооже мой... Бо — ооже мой...» Михаэлис не знал, что ему и сказать, поэтому замолчал.

— После этого он ее и убил... — сказал Вильсон и надолго застыл с отвисшей челюстью.

— Кто он?

— Но я до него доберусь...

— Ты болен, Джордж, — сказал его приятель. — Тут еще навалилось всего... Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Тебе бы надо успокоиться да уснуть. Вон уже светает.

— Это он ее убил...

— Это был несчастный случай, Джордж.

Вильсон отрицательно покачал головой, глаза его сузились и превратились в две пронзительно сверкающие щелки, на губах зазмеилась угрожающая улыбка; он даже хмыкнул с превосходством всезнающего человека.

— Я знаю, — рассудительно начал он, — здесь многие считают меня безобидным тьюфом. Я-то и на самом деле не желал, да и не желаю никому зла, но скажу тебе, приятель, я попусту не болтаю и знаю, что говорю. Он сидел в той машине, а она выскочила что-то ему сказать, но он даже не притормозил. Вот так-то...

Все это произошло на глазах Михаэлиса, но он, хоть убей, не мог припомнить ничего такого, о чем рассказал ему Джордж Вильсон, собственно, ему и в голову не приходило искать какой-то скрытый смысл в действиях Миртл и неизвестного водителя. Он-то считал, что миссис Вильсон спасалась бегством от собственного мужа и выскочила на дорогу в надежде остановить первую попавшуюся машину.

— А чего это она? — дипломатично спросил он.

— Та еще стерва! — сказал Вильсон, словно отвечая на вопрос, потом снова содрогнулся от своих собственных слов и застонал еще громче, чем раньше: «А — а-ах... а — а-ах... а — а-ах».

Вильсон опять начал раскачиваться, а Михаэлис застыл поодаль, нервно теребя в руках собачий поводок.

— Джордж, может позвонить кому-нибудь из твоих друзей, а?

Впрочем, об этом Михаэлис спросил скорее для порядка, уж он-то знал, что никаких друзей у Вильсона не было, — какие друзья, если у него не находилось времени для своей собственной жены? Через какое-то время грек с облегчением отметил некоторую перемену: непроглядная чернота за окнами стала синеть, и он подумал, что наконец дождался рассвета. К пяти за окнами стало совсем светло, и можно было погасить свет.

Вильсон остекленевшими глазами таращился в окно — на Поле Пепла, где предрассветный ветерок свивал причудливые султаны пыли над кучами поседевшего праха.

— Я говорил с ней, — прошептал Вильсон после долгого молчания. — Сказал, Господь, он знает все наши дела — видит все, что бы мы ни делали. Меня-то ты еще можешь обмануть, но Его... Его ты никогда не обманешь. Я подвел ее к окну. — Вильсон с трудом встал, подошел к окну, уткнулся лбом в стекло и прибавил: — Подвел ее к окну и сказал: Господь, он все видит и все знает. Меня ты можешь обмануть, но Его ты никогда не обманешь...

Михаэлис встал за его спиной и с ужасом увидел, что тот пристально смотрит в выцветшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга, материализовавшиеся в голубых потемках над кучами золы и пепла.

— Он все видит. Все... — торжествуя повторил Вильсон.

— Джордж, да это же реклама. Ты что, забыл... — попытался возвать к его разуму грек. Неожиданно что-то заставило его отвернуться от окна и посмотреть вглубь комнаты. Вильсон остался у окна и долго еще вглядывался в предрассветную мглу, прижавшись лбом к стеклу и умиротворенно кивая головой.

К шести утра Михаэлис едва держался на ногах от усталости и с облегчением вздохнул, услышав скрип тормозов. Приехал кто-то из обещавших заглянуть поутру. Тогда он отправился домой и приготовил на скорую руку завтрак на троих, однако им пришлось съесть его вдвоем. Вильсон наотрез отказался есть, однако немного успокоился, и Михаэлису удалось ненадолго прилечь. Через четыре часа он вернулся в гараж, однако Вильсона там уже не было.

Вильсон ушел пешком, и позднее следствием был установлен маршрут его передвижения от Порт — Рузвельта до Гэдсхилла. В Гэдсхилле он заказал кофе и сэндвич — кофе выпил, а к сэндвичу даже не притронулся. Судя по всему, он очень устал и передвигался крайне медленно; так, в придорожном ресторанчике он появился только около полудня. Вплоть до этого момента полиции не составило большого труда реконструировать его действия и установить маршрут. Были опрошены двое мальчишек, которые видели человека, «похожего на чокнутого», были найдены автомобилисты, на которых он «странно таращился с обочины». Где был Вильсон в течение трех последующих часов — неизвестно. Руководствуясь его собственными словами, что

он-де «до него доберется», следовательно подумал, что Вильсон пошел по близлежащим гаражам в поисках желтой машины и ее владельца. Однако опрос владельцев гаражей показал, что там он не появлялся, и следовало предположить, что Вильсон нашел иной, возможно, более надежный и простой способ решения проблемы. Последний из опрошенных свидетелей показал, что видел его в Вест — Эгге около половины третьего — и он справлялся, как можно добраться до виллы Гэтсби. Таким образом, он искал конкретного человека, следовательно, фамилия Гэтсби была известна ему, по крайней мере, уже в это время.

* * *

Около двух Гэтсби надел купальный костюм, направился к бассейну и распорядился немедленно известить его, если кто-нибудь позвонит. По пути он зашел в гараж — захватить пневматический матрас — новинку пляжного сезона, — который все лето приводил в восторг многочисленных любителей купания из числа его гостей. Шофер накачал его, получив указание ни при каких обстоятельствах не выводить из гаража открытый автомобиль. Это было совершенно непонятно, так как переднее правое крыло нуждалось в рихтовке.

С матрасом под мышкой Гэтсби пошел купаться. Он остановился, чтобы взять его поудобней, и шофер поинтересовался, не требуется ли его помощь, но Гэтсби отрицательно покачал головой и скрылся из виду за желтеющей листвой деревьев.

Никто не звонил, но лакей добросовестно прождал до четырех пополудни, еще не зная о том, что докладывать уже некому... Думаю, Гэтсби и сам понял, что никто и не собирался ему звонить в тот день, а, может быть, этот звонок и все с ним связанное уже перестало занимать его. Если все было именно так, то в последние мгновения своей жизни он не мог не понять, что рухнула та опора, на которой держался весь его уютный мир — мир юношеских мечтаний и грез. Его путеводными звездами были Вера, Надежда и Любовь, но рыцарю Святого Грааля пришлось заплатить слишком высокую цену за преданность... Над ним разверзались равнодушные небеса, безжалостное солнце опаляло тело и душу сквозь пожухлую листву, а он не переставал удивляться, как нелепо устроен мир, какими бесполезными могут быть розы и насколько тщетны попытки молодой

травы укорениться на бесплодной и жестокой земле. Грубый овеществленный мир обрушивался на него и теснил робкие фантомы призрачной мечты, а из-за желтеющей листвы деревьев уже выдвигалось мрачное видение ночных кошмаров — пепельно — серый силуэт его жестокого палача и несправедного судьи...

Шофер — протеже Вольфсхайма — слышал выстрелы, но не обратил на них внимания, как он потом рассказывал полицейским. Словно предчувствуя что-то непоправимое, я бросился со станции на виллу. Видимо, моя взвинченность передалась окружающим, и, когда я бегом взбежал по ступенькам мраморной лестнице на, веранду, в доме поднялась паника. Молча, не сказав ни единого слова друг другу, я, шофер, садовник и дворец — кий ринулись к бассейну.

Зеркальная гладь была подернута легкой, почти невидимой рябью, и я машинально отметил слабые токи циркулирующей проточной воды. Редкие порывы беззаботного ветерка вздымали игрушечные волны, и на них неспешно покачивалась пневматическая новинка пляжного. сезона с безжизненно распластавшимся на нем телом. Надувной матрас зарывался носом в мелкую рябь, словно вонзающаяся в морскую плоть погребальная ладья, лавировал меж багровых островков опавшей листвы, кружился на месте, влекомый донными струями, и тогда на поверхности воды проступали мутные кроваво — красные круги.

Потом, когда мы несли Гэтсби к дому, садовник заметил в траве, чуть поодаль, скрюченное тело Вильсона. На inferнальную картину холокоста был нанесен последний кровавый мазок...

Глава IX

Сейчас, два года спустя, остаток того дня и ночи и события последующих двадцати четырех часов слились для меня в одну бесконечную вереницу обязательных в таких случаях процедур, беспрестанное мельтешение полисменов, фотографов и репортеров, сновавших взад и вперед по его вилле. Полицейское ограждение в виде натянутой веревки поперек главного въезда и грозного вида полисмен призваны были отпугивать излишне любопытных, но детвора быстро проведала, что можно безнаказанно просочиться через мой участок, так что в районе бассейна постоянно собирались пугливые стайки ребятни и группы более солидных зевак. Один из деловито прохаживавшихся по имению мужчин, — по всей видимости, детектив — склонился над телом Вильсона и лениво процедил: «Маньяк». Эта безапелляционная категоричность подвигла многие издания дать на следующий день заголовки примерно аналогичного содержания.

Большинство газетных репортажей представляли собой бред сумасшедшего, чудовищное нагромождение откровенной фальсификации с элементами достоверности, основанной на ровном счете ничего незначащих мелочах, — наглые, кричащие и навязчивые статейки. Когда вездесущая пресса получила доступ к показаниям Михаэлиса, раскопав золотую жилу страсти, измены и ревности, я даже не сомневался, что под пером борзописцев вся эта история окрасится в пасквильно — эротические тона, лишь бы потрафить низменным интересам толпы. К счастью, Кэтрин, которой было что сказать по этому поводу, хранила достойное молчание. Проявив гражданское мужество, несгибаемый характер и изрядную силу воли, она глядела на коронера честными глазами из-под подведенных бровей и утверждала, что ее покойная сестра даже и не предполагала о существовании человека по имени Гэтсби, что двенадцать лет она была счастлива в браке со своим супругом и никогда — никогда не давала ни малейшего повода заподозрить ее в чем-нибудь предосудительном. Она настолько вошла в роль, что принималась время от времени рыдать, вытирая слезы надушенным носовым платочком, демонстрируя всем своим видом, будто светлую память о

ее безвременно ушедшей сестре оскорбляют бестактные вопросы членов жюри. После ее пламенных речей и для упрощения судебного разбирательства были переqualифицированы и действия Джорджа Вильсона, как было записано в следственном акте, действовавшего в «состоянии аффекта». Всех это устраивало...

Но как раз-таки это представлялось мне вторичным и малосущественным. Все это время меня занимали совершенно другие проблемы: я выступал в роли «душеприказчика» Гэтсби, и создавалось такое впечатление, что только мне одному и есть до этого какое-то дело. С того самого момента, как мы внесли тело Гэтсби в дом, вернее, как только я позвонил в Вест — Эгг и сообщил о его трагической смерти, решение всех практических вопросов, связанных, например, с организацией похорон, было предоставлено мне. Вначале я был озадачен и смущен, но всякий раз, когда я видел холодное недвижимое тело Гэтсби, во мне росло чувство внутренней ответственности перед этим человеком, личность которого была абсолютно неинтересна окружающим его при жизни, а уж после смерти — и подавно. Само собой разумеется, что я не преследовал какие-либо корыстные цели, но действовал из убеждения, что каждый из нас имеет право хотя бы на достойный уход из этой жизни.

Я позвонил Дейзи ровно через полчаса после того, как мы нашли тело Гэтсби, — позвонил инстинктивно и особо не раздумывая — зачем. Выяснилось, что она и Том уехали еще до полудня, — видимо, надолго и далеко, потому что взяли с собой багаж.

— А адрес, адрес?..

— Не оставили...

— А хотя бы, когда вернутся, не сказали?..

— Нет.

— А вы сами знаете, куда они могли уехать?

— К сожалению, не могу сказать, сэр.

Я должен был найти кого-нибудь для Гэтсби. Мне хотелось подойти к нему и пообещать: «Я обязательно найду кого-нибудь, Гэтсби. Не огорчайтесь. Я просто не имею права не найти хоть кого-нибудь для вас...»

Мне не удалось разыскать домашний адрес Мейера Вольфсхайма в телефонной книге Нью — Йорка. Лакей Гэтсби сообщил мне адрес его городского офиса. Я позвонил барышне на коммутатор, и через

некоторое время она продиктовала мне номер телефона; но был уже шестой час, и трубку никто не снял.

— Пожалуйста, наберите этот номер еще раз.

— Я уже три раза соединяла...

— Это крайне важно.

— Мне очень жаль, но никто не подходит к аппарату... Я вернулся в салон и обнаружил, что там и яблоку негде

упасть, но это были официальные лица и представители власти. Когда, откинув покров с мертвого, они смотрели на Гэтсби неподвижными и ничего не выражающими глазами, во мне словно зазвучал его встревоженный голос:

— В самом деле, старина, найдите же мне кого-нибудь. Вы уж постарайтесь, Знаете, как это тяжело — переносить все одному...

Они начали задавать мне какие-то вопросы, но я выскочил из комнаты, не обращая на них никакого внимания, и поднялся на второй этаж, в его кабинет. Я вывалил на письменный стол все бумаги, которые обнаружил в незапертых ящиках бюро, и начал торопливо перебирать их, — он никогда не говорил, что его родителей нет в живых. Мне так и не удалось найти ни одного письма, ни одной зацепки — и только Дэн Коли, свидетель юношеских бурь и крушений, молча взирал на меня из рамки на стене.

Утром я отправил в Нью — Йорк лакея с письмом для Вольфсхайма. Я справлялся о родственниках Гэтсби и просил его незамедлительно приехать. Последняя просьба даже показалась мне излишней, но я не стал переписывать письмо. Почему-то мне казалось, что он-то непременно должен появиться, просмотрев утренние газеты, кроме того, я ждал телеграмму с соболезнованиями от Дейзи. Однако мне так и не довелось лицезреть Вольфсхайма, не было и телеграммы. Прибывали только все новые и новые отряды полисменов, фотографов и газетчиков. Потом вернулся посыльный с ответом от мистера Вольфсхайма, который не вызвал во мне ничего, кроме чувства гадливости, замешанного на отвращении, и удививший меня солидарностью с покойным Гэтсби в его неприятии всех и вся.

Уважаемый мистер Каррауэй!

Искренне скорблю вместе с вами, потрясенный невосполнимостью утраты и горечью потери. Трудно передать словами мое нынешнее состояние. Трагическая смерть мистера Гэтсби стала для меня

тягчайшим ударом, с которым я не могу, да и не хочу смириться. Чудовищное преступление безумного маньяка заставит всех нас призадуматься и многое переоценить. С болью в сердце принужден сообщить, что дела и обязательства не позволяют мне покинуть Нью — Йорк в настоящее время. Признаюсь вам по секрету, в связи с некоторыми обстоятельствами сейчас мне было бы крайне нежелательно фигурировать в такой вот истории. В случае, если смогу быть чем-нибудь полезным, дайте мне знать (только позже!!!) через Эдгара. Я занедужил в последнее время, а подобного рода встряски подтачивают мое и без того слабое здоровье. Боюсь, что опять слягу на несколько дней.

Примите уверения в моем полном почтении.

Искренне ваш Мейер Вольфсхайм.

И короткая, написанная второпях почти без знаков препинания приписка:

Сообщите о похоронах и т. д. с семьей и пр. не знаком.

Во второй половине дня позвонили из службы междугородной связи, и телефонистка сообщила, что на проводе Чикаго. Я было обрадовался, что это наконец Дейзи, но связь была вообще отвратительной, мало того, в трубке раздался глухой, чуть слышный мужской голос.

— Слэгл у аппарата...

— Алло? — Фамилия была мне совершенно незнакома.

— Веселенькое дельце, а? Получили телеграмму?

— Не было никаких телеграмм...

— У младшего Парка крупные неприятности, — зачастило в трубке. — Повязали прямо в банке с пачкой облигаций в кармане. Циркуляр с номерами и серией пришел из Нью — Йорка за пять минут до его прихода. Как вам это нравится, а? Кто бы мог подумать... в таком захолустье...

— Послушайте! — закричал я, захлебнувшись от волнения. — Послушайте! Это не Гэтсби, слышите меня? Мистер Гэтсби умер...

После долгого молчания кто-то досадливо хрюкнул в трубке... потом что-то громко щелкнуло, и связь прервалась.

По — моему, только на третий день пришла телеграмма из Миннесоты за подписью Генри К. Гетца. Он сообщал, что незамедлительно выезжает, и просил отложить похороны до своего

приезда. Это был отец Гэтсби. Он появился на вилле — сухонький благообразный старичок, беззащитный и растерянный, закутанный в Ольстер^[33], несмотря на погожий сентябрьский денек. Он ужасно нервничал, и глаза его постоянно слезились, а когда я взял у него дорожный саквояж и зонтик, старичок начал нервно поглаживать и подергивать свою реденькую седую бородку — да так, что мне с большим трудом удалось помочь ему снять верхнюю одежду. Он был на грани нервного и физического изнеможения, поэтому я проводил его в музыкальный салон, усадил в кресло и послал лакея принести чего-нибудь легкого — перекусить. Но ему в буквальном смысле слова кусок не лез в горло, а когда он взял молоко дрожащей рукой, то ровно полстакана выплеснул на пол.

— Я увидел некролог в чикагской газете, — сказал он. — Там все было написано, в чикагской газете. Я выехал в тот же день, как прочитал.

— Я не знал, как с вами связаться.

Он безостановочно водил по комнате подслеповатыми слезящимися глазами.

— Это был сумасшедший, — сказал он. — Нормальный человек такого бы не сделал.

— Может, чашечку кофе? — начал уговаривать я мистера Гетца.

— Нет, ничего не надо. Мне уже много лучше, благодарю. Мистер?..

— Каррауэй.

— Да... Мне уже лучше... Спасибо... А где он, Джимми?.. Я проводил старика в салон — туда, где покоился его сын, и оставил одного. Маленькие мальчишки вскарабкались по ступенькам и заглядывали в окна, но когда я объяснил им, кто приехал, они, хоть и без всякой охоты, ушли в сад.

Через некоторое время мистер Гетц отворил дверь и вышел; он судорожно глотал воздух, его лицо налилось кровью, а по щекам текли редкие крупные слезы. Он находился в том почтенном возрасте, когда люди свыкаются с мыслью о неизбежности смерти, не был он напуган и сейчас. Просто осмотревшись и оценив дворцовую пышность салона, его теряющийся в поднебесье величественный свод, огромную галерею хорошо обставленных комнат, уходящих в необозримую даль, он преисполнился отцовской гордостью, и к его безутешной скорби

добавилось чувство благоговейного восторга. Я проводил его в одну из гостевых спален на втором этаже, а пока он снимал пиджак и жилет, сообщил, что все необходимые приготовления уже завершены, но сама траурная церемония отложена до его приезда, как он и просил.

— Мне не хотелось брать на себя такую ответственность без вас, мистер Гэтсби...

— Моя фамилия Гетц...

— Да, конечно, мистер Гетц... Я подумал, может, вы захотите похоронить сына дома, на западе.

Он покачал головой.

— Нет. Джимми всегда тянуло на восток. Это ведь здесь он стал таким... А вы были другом моего мальчика, мистер... э — э-э?..

— Да, я был его ближайшим другом.

— У него было большое будущее, да вы и сами знаете. Он был еще очень молод, но у него было кое-что вот здесь... — Он энергично постучал себя по лбу. Я кивнул.

— Поживи еще немного, он стал бы большим человеком. Вот таким, как Джеймс Хилл, к примеру. На таких, как он, и стоит наша держава...

— Да, конечно, — несколько принужденно ответил я. Он неловко потянул за край вышитого покрывала,

стащил его с кровати, улегся, с наслаждением вытянул ноги и заснул прямо на моих глазах.

Вечером позвонил какой-то страшно перепуганный тип и, прежде чем назвать себя, долго выяснял, с кем он разговаривает.

— Это мистер Каррауэй, — сказал я.

— О — о-о! — с облегчением вскричал он. — А это Клипспрингер!

Я тоже облегченно вздохнул: по крайней мере, нашелся хоть еще кто-то из друзей Гэтсби, кто бросит пригоршню земли в его могилу. Я решил обойтись без оповещений в газетах, чтобы избежать наплыва любителей острых ощущений, и сам позвонил по нескольким телефонным номерам. Однако мне практически не удалось связаться ни с кем.

— Похороны завтра, — сказал я. — Прощальная церемония назначена на три пополудни — в его доме. И не сочтите за труд — передайте всем, кого увидите...

— Да, да. Это уж как водится... — поспешно начал он, проглатывая слова. — Конечно, передам, но я, знаете ли, вряд ли кого-нибудь увижу. Разве что как-нибудь случайно...

Его уклончивый тон сразу же насторожил меня.

— Да вы сами-то собираетесь быть?

— Я, знаете ли, позвонил, чтобы...

— Подождите, — перебил я. — Вы собираетесь быть или нет?

— Святое дело, непременно, но дело в том, что... Понимаете, я тут остановился у приятелей в Гриниче, и они как бы рассчитывают на меня завтра. Там намечается что-то вроде пикника или вечеринки... Но я непременно постараюсь быть, приложу все старания, так сказать...

Я не сдержался и выдохнул нечто вроде «ах, ты...» Видимо, у мистера Клипспрингера был действительно стопроцентный слух, потому что он еще больше занервничал:

— Да, да... Я, знаете ли, позвонил, чтобы попросить вас об одной пустячной услуге: там осталась пара туфель... Думаю, вам не составит труда отправить их с лакеем. Понимаете, старые теннисные туфли, а вот ведь привык — прямо обезножел, знаете ли... будьте так любезны, отправьте по адресу: для передачи Б. Ф.

Я нажал на рычаг, потому что терпение мое лопнуло...

А потом я испытал чувство глубочайшего стыда за Гэтсби, вернее, за его неразборчивость в выборе знакомств: некий джентльмен, с которым я связался по телефону, высказался по поводу гибели Гэтсби в том смысле, что-де давно пора. Но это была моя вина, поскольку за этим господинчиком и раньше водилась страстишка к зубоскальству и глумлению над всем и вся — и все это с рюмкой ликера из подвалов Гэтсби в руке.

С утра, в день похорон я поехал в Нью — Йорк переговорить с Мейером Вольфсхаймом, поскольку не видел другого способа связаться с ним. Справившись у мальчика — лифтера, я толкнул оказавшуюся незапертой дверь со скромной вывеской «Холдинговая компания „Свастика“ и оказался в совершенно пустом и на первый взгляд безлюдном помещении.

— Э — э-эй, здесь есть кто-нибудь? — несколько раз громко прокричал я, но только эхо гулко отозвалось в звенящей пустоте. И только через какое-то время из боковой комнаты донесся отголосок

ожесточенного спора, а потом в приемной появилась хорошенькая еврейка и прямо-таки пронзила меня тяжелым взглядом громадных черных глазниц.

— Никого нет, — сказала она нарочито противным голосом. — Мистер Вольфсхайм в Чикаго.

По крайней мере, первое из ее утверждений не соответствовало действительности, и мне было прекрасно слышно, как в боковой комнате начали насвистывать „Розарий“, нещадно при этом фальшивя.

— Передайте боссу, что с ним хотел бы увидеться мистер Каррауэй.

— Доставить его вам из Чикаго, а?

В этот момент художественный свист прекратился, и в боковой комнате раздался чей-то голос, причем с характерными интонациями Вольфсхайма:

— Стелла, куда же ты запропастилась?

— Вот — бумага, карандаш... Напишите, кто вы такой, и оставьте на том столе. Когда вернется — передам, — скороговоркой выпалила красавица — секретарша.

— Но я же знаю, что он здесь!

Она сделала шаг вперед, грозно насупилась, уперла руки в крутые бедра и встала передо мной, словно пытаюсь перекрыть проход растопыренными локтями.

— Молодой человек, — сердито начала она, — чему вас учили в детстве? Что это за манера лезть напролом? Сказала, в Чикаго, значит, в Чикаго!

Я сослался на Гэтсби.

— О — о-о, — она бросила на меня пристальный взгляд. — Погодите, погодите... Как вы сказали, вас величают?

Она скрылась в боковой комнате, а через несколько секунд на пороге появился Мейер Вольфсхайм и с важным видом протянул мне обе руки. Он провел меня в кабинет, полным скорби голосом напомнил, какой это горестный для всех нас день, и предложил сигару.

— Да — с, память, знаете ли, уже не та, — начал он задушевым тоном, — но я прекрасно помню день нашего знакомства. Молодой майор, только что из армии, герой войны, грудь в крестах... Да — с! И беден, как церковная мышь.

Знали бы вы, сколько ему пришлось ходить в мундире, пока не поднакопил на партикулярный костюм! Так вот, я сидел в бильярдной Вайнбрэннера на 43-й стрит, а он заглянул туда в поисках какой-нибудь работы. Выяснилось, что к этому времени он уже несколько дней голодал. Я пригласил его разделить со мной скромный ленч — и что же вы думаете! — за полчаса он умял долларов на пять еды и съел бы еще на столько же, если бы ему кто предложил!

— И вы помогли ему на первых порах? — поинтересовался я.

— Помогал! Да я из него человека сделал...

— О — о-о!

— Я вытащил его за уши. С самого дна, из сточных ям, да — с. Смотрю, обходительный молодой человек, не без манер, — а когда он рассказал, что был в Оггсфорде, я сразу смекнул, толк из него будет! Сказал, чтобы вступил в „Американский легион“, а там он уже сам себя показал. Потом подвернулось одно дельце в Олбани, он провернул его для одного моего старого клиента. И пошло, поехало... Мы с ним были вот так, — Вольфсхайм сунул мне под нос два пальца — сардельки, — вот так мы с ним и были — куда один, туда и другой!

„В самом деле, уж не являлся ли тот скандал с „Мировой серией“ в девятьсот девятнадцатом результатом их „плодотворного сотрудничества“?“ — подумал я.

— Теперь его не стало, — сказал я после паузы, — и вы, его ближайший друг и наставник, наверняка захотите проститься с ним сегодня...

— Надо бы проститься...

— Значит, буду ждать...

Волосы в ноздрях Вольфсхайма воинственно встопорщились и опали, на глаза навернулись крупные слезы.

— Вы не понимаете... Я не могу... не могу я впутываться в такие дела, — сказал он.

— Никаких дел нет. Все кончено и впутываться, собственно говоря, не в чего...

— Вы не понимаете... Там произошло убийство, а мне никак нельзя впутываться в такие дела. Был бы я помоложе — тогда другое дело. Да — с, если бы тогда убили моего друга, можете поверить, я бы до самого конца не отходил от его тела ни на шаг. Скажете,

сентиментальничает, мол, старик — Мейер; но так оно и было бы тогда — ни на шаг и до самого конца...

Я понял, что мне его не переубедить: по каким-то одному ему известным причинам он уже принял решение не приезжать. Я молча поднялся.

— А вы сами-то учились в каком-нибудь колледже? — неожиданно поинтересовался он.

На одно мгновение мне показалось, что он намеревается заговорить со мной о пресловутых „х — хонтактах“, но Вольфсхайм сдержанно кивнул и пожал мне руку.

— Послушайте, что я вам скажу, — медленно начал он. — Друзья... С ними нужно по — людски, когда они живые, а мертвые — мертвым это без разницы. Вот так-то...

Когда я вышел из его офиса, лоснящиеся бока свинцово — черных облаков, готовы были вот — вот лопнуть, так что пока я добрался до Вест — Эгга, то вымок до нитки под нудно морозящим дождем. Я переменял промокшую одежду и постучал в соседнюю дверь. В холле мистер Гетц взволнованно мерил шагами крепкие дубовые половицы. Похоже, он все больше восторгался неоспоримыми успехами отпрыска и его баснословным, на его взгляд, богатством и жаждал найти в моем лице благодарного и внимательного собеседника, чтобы похвалиться чем-то, припасенным специально для такого случая.

— Джимми прислал мне эту карточку, — он открыл бумажник дрожащими от волнения пальцами. — Взгляните же!

Это была любительская фотография дома Гэтсби — пожелтевшая, с загнутыми истрепавшимися уголками и замусоленная не одной сотней рук. Он возбужденно тыкал пальцем в фотографию, подробно описывая все архитектурные детали. „Смотрите же!“, — восклицал он, ожидая ответного восхищения. Он так часто показывал ее друзьям и знакомым, что в определенном смысле фотография дома стала для него реальнее самого оригинала!

— Джимми прислал мне эту карточку. По — моему, красиво, а? Дом и все остальное — очень красивые, правда?

— Да, действительно. Когда вы его видели в последний раз?

— Он приезжал два года тому назад и купил дом. Я сейчас там и живу. Да, нам с матерью пришлось нелегко, когда он ушел из дома, но теперь-то я понимаю, что был в том резон. Я всем тогда говорил, что у

мальчишки доброе сердце и большое будущее. А уж когда Джимми встал на ноги, то был добр по — сыновнему и не скаречничал.

Ему явно не хотелось убирать фотографию, и он долго еще держал ее перед моими глазами. Потом, словно вспомнив что-то, поспешно сунул в бумажник и достал из кармана старую потрепанную детскую книжку — раскраску „Попрыгунчик Кэссиди“.

— Вот, сохранилась с тех пор, когда он был совсем юнцом. Взгляните, это кое о чем говорит!

Он развернул ее тыльной стороной и показал запись, сделанную на алонже^[34] в самом конце книги:

**ГРАФИК ЗАНЯТИЙ,
составлен 12 сентября 1906 года**

Подъем	6.00
Упражнения (гантели, гимнастическая стенка)	6.15–6.30
Изучение электричества и пр.	7.15–8.15
Работа	8.30–16.30
Бейсбол и спорт	16.30–17.00
Ораторское искусство и осанка	17.00–18.00
Развитие фантазии и обдумывание изобретений	19.00–21.00

Основные намерения:

- Не переводить время на Шефтерса или (неразборчиво).
- Не курить и не жевать резинку.
- Принимать ванну через день.
- Еженедельно: читать по одной поучительной книге или по одному иллюстрированному журналу.
- Еженедельно: откладывать \$5.00 (зачеркнуто и исправлено) \$3.00.
- Лучше обращаться с родителями.

— И вот ведь, что характерно, — умилялся старик, — попала в руки совершенно случайно. А ведь кое о чем говорит, правда? Джимми был очень способным мальчиком. Всегда что-нибудь придумывал — вроде этого. Видели, как он там прописал: „поучительные книги“! Поучать он любил — такое за ним водилось! Помню, как-то мне

сказал: „Ты чавкаешь, как свинья...“ Я его еще хорошенько за это отодрал!

Ему ужасно не хотелось закрывать книгу, и он еще долго читал вслух записи, испытующе глядя на меня. Думаю, старик обрадовался бы, скажи я ему, что собираюсь переписать эти максимы для себя!

Лютеранский пастор прибыл из Флашинга около трех, а я непроизвольно поглядывал в окно — нет ли там других автомашин. Смотрел туда и отец Гэтсби. Когда пришло время, а в холле уже собралась и застыла в ожидании прислуга, старик встревоженно заморгал, занервничал и начал сетовать на непогоду. Потом уже и пастор начал поглядывать на часы, тогда я отвел его в сторону и попросил подождать хоть полчаса. Но все напрасно. Больше не появилось ни одной живой души.

Около пяти наша похоронная процессия добралась до кладбища. Три машины остановились у ворот под проливным дождем — впереди отвратительно мокрый похоронный фургон чудовищно черного цвета, за ним — лимузин с мистером Гетцем, пастором и мной, наконец, следом за нами четверо или пятеро промокших до нитки слуг и почтальон из Вест — Эгга в открытом „роллс — ройсе“, который раньше отправляли на станцию за гостями. Когда мы въезжали на территорию кладбища, мне показалось, что перед воротами притормозила, а потом поехала следом за нами по тем же лужам какая-то машина. Я посмотрел по сторонам. Это был тот самый мистер Совиный Глаз, который ровно три месяца тому назад восхищался книжными раритетами в библиотеке Гэтсби.

С тех пор я его не видел. Трудно сказать, кто сообщил ему о похоронах, во всяком случае, я даже имени его не знал. Капли дождя стекали по толстым линзам его очков, и он снял их протереть, чтобы посмотреть, как раскатывают брезент над могилой Гэтсби.

Я попытался сосредоточиться на Гэтсби, но его бессмертная душа была так далеко от грешной земли, что я только мельком и без особого возмущения подумал о том, что Дейзи так и не удосужилась прислать ни букета цветов, ни телеграммы соболезнования. Кто-то за моей спиной произнес: „И пролилась Его Благодать над смиренным погостом животворным дождем...“

„Аминь“, — благоговейно произнес мистер Совиный Глаз.

Мы один за другим заторопились к машинам под непрекращающимся дождем. У самых ворот совиноглазый догнал меня и удрученно заметил:

— Жалко, не успел на гражданскую панихиду...

— Не только вы, но и все остальные...

— Не может быть! — он даже разволновался. — Господи помилуй! — да ведь у него перебывало пол — Нью — Йорка!

Он снял очки, протер их изнутри и снаружи, нацепил на кончик носа и сказал:

— Несчастный сукин ты сын...

И это прозвучало как эпитафия.

* * *

Возвращение домой, на запад на Рождество — вначале из приготовительной школы, а позднее из колледжа — всегда было для меня одним из самых ярких воспоминаний. Все мы, кто собирался уезжать из Чикаго, встречались на стареньком подслеповатом вокзале „Юнион Стейшн“ в один и тот же декабрьский день и в одно и то же время, если не ошибаюсь, около шести вечера. Наши чикагские друзья — приятели, уже охваченные предрождественской суетой, заскакивали на секундочку пожелать нам счастливого пути и исчезали в морозных сумерках. Помню длинные меховые пальто девушек, возвращавшихся домой после утомительных визитов к престарелым родственникам, веселую болтовню ни о чем и вылетающие изо рта облачка пара; помню мельтешение рук, приветствующих старых знакомых и бесконечные охи и вздохи: „Ой, а тебя пригласили Ордуэи?.. а Херси?.. а Шульцы?“; помню длинные билеты зеленого цвета, зажатые в озябших руках, и неуклюжие желтые вагоны из Чикаго, Милуоки и Сент — Пола — беззаботные, как само Рождество, на железнодорожных путях прямо напротив ворот.

А потом машинист давал гудок, и поезд отправлялся в сказочное путешествие — прямо в зимнюю ночь. А за окнами сверкает и искрится нетронутая снежная целина — наш снег, наш долгожданный снег, — и мелькают перед глазами крошечные тусклые фонари полустанков Висконсина, а воздух густеет на глазах, как взбитые сливки, а мы жадно пьем его в холодных тамбурах и на продуваемых ледяными ветрами переходных площадках, когда возвращаемся в свой

вагон после обеда. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простираются бескрайние родные просторы, и всех нас охватывает волнующее чувство единения и сопричастности, мы пребываем в каком-то удивительном состоянии, но длится оно недолго — одно короткое мгновение, и ты растворяешься в безбрежных далях отчизны.

Такой средний запад я и храню в своем сердце — не колоссящуюся на полях пшеницу, не бескрайние равнины прерий, не изящную черепицу шведских селений, а волнующий перестук колес поезда моей юности, тусклые уличные фонари, одинокий звон бубенцов в морозной ночи, остролисты на подоконниках, ослепительно — яркий свет в окнах и причудливые тени, лежащие на снег. И сам я — плоть от плоти этой земли, немножко заторможенный в предчувствии долгой зимы, немножко самонадеянный, потому что, я Каррауэй, немножко провинциальный, потому что вырос в тех местах, где дома все ещё принято называть по имени их хозяев...

Теперь-то я и сам вижу, что рассказанная мной история посвящена западу — в самом деле, Том и Гэтсби, Дейзи и Джордан, да и ваш покорный слуга — все мы родились и выросли на западе, и очень может быть; что не было в нас той закваски, без которой не станешь своим человеком на востоке.

Даже в те дни, когда восток манил меня своими соблазнами, даже в те дни, когда я с пронзительной остротой ощущал его несомненное превосходство над погрязшими в первобытной неуклюжести фермами и так называемыми „городами Дикого Запада“, — над тем беспросветным и жестоким провинциализмом, от которого сходят с ума на западном берегу Огайо, где вас никогда не оставят в покое и не пощадят, если вы не невинный младенец или уже никому не нужный старик. Даже в те дни меня не оставляло смутное предчувствие враждебности и даже угрозы, исходившей от атлантических берегов, не умом, а сердцем ощущал я чудовищную ущербность Востока. Вест — Эгг и сегодня предстает передо мной в самых мрачных и лихорадочных сновидениях — воплощенным кошмаром фантасмагорических ночей Эль Греко. И когда я вижу узкие щели кривых улиц и раскоряченные над ними дома — симбиоз традиционных представлений об архитектуре и модернистских изысков — дома, согбенные под нависшими над крышами небесами и давящей на психику луной, все это вызывает одно лишь брезгливое

чувство гадливости. А на переднем плане — четверо во фраках шествуют мерной поступью по тротуару и несут носилки, на которых лежит мертвецки пьяная леди в белоснежном вечернем туалете. Ее рука безвольно свесилась вниз, а на изящных пальцах горят холодным огнем бриллианты. Мрачная процессия сворачивает на посыпанную гравием дорожку, но это совсем не тот дом, который они ищут. Они не знают имени этой женщины, да оно им и не нужно...

После смерти Гэтсби меня еще долго мучили странные и пугающе реальные видения, однако сознание отказывалось воспринимать извращенную уродливость привычных образов и форм. Я совершенно извелся, а когда стали сжигать опавшую листву и в воздухе запахло горьковато — приторным дымком, когда вывешенное на ночь постельное белье стало схватывать первым морозцем, и оно громыхало на ветру, словно сработанное из жести, я принял окончательное решение: домой! — нужно уезжать домой!

До отъезда нужно было сделать одно только дело — тяжелое и малоприятное дело, за которое даже и браться не хотелось. Но обязательно нужно было навести порядок в собственных делах, а не пускать все на самотек и воображать, будто равнодушная приливная волна и без моего участия смывает весь хлам и мусор, брошенный за ненадобностью на берегу. Я встретился с Джордан Бейкер, и мы обсудили все, что между нами произошло, а потом то, что случилось лично со мной, — и она молча и внимательно выслушала меня, полулежа в огромных размеров кресле.

Она оделась словно для партии в гольф и, насколько я это помню, выглядела так, будто сошла со страниц иллюстрированного спортивного журнала: игриво вздернутый подбородок, волосы цвета облетевшей осенней листвы, шоколадный загар на лице и такого же оттенка перчатки без пальцев, лежавшие на плотно сдвинутых коленях. Когда я, переведя дух, добрался до конца своих объяснений, она безо всяких пауз и комментариев сообщила мне, что помолвлена с одним мужчиной. Я позволил себе усомниться, естественно, про себя, хотя она и относилась к той породе женщин, которым достаточно одного мановения руки, чтобы за ними выстроилась целая очередь претендентов, но никак этого не показал, а, наоборот, сделал вид, что удивился и погрузился. В какой-то момент у меня действительно мелькнула мысль — не совершаю ли я ошибку, но быстро прокрутил в

памяти события последних трех месяцев и сразу же поднялся, чтобы откланяться.

— Однако, — неожиданно произнесла она, — ведь это именно вы бросили меня. Вы сделали это по телефону. Теперь-то мне наплевать, но все это было настолько непривычно, что, признаюсь, я тогда испытала нечто вроде легкого помрачнения.

Мы пожали друг другу руки.

— О, помните, — прибавила она, — мы с вами как-то говорили о культуре вождения?

— Вы еще сказали тогда, что плохой водитель может чувствовать себя в безопасности только до тех пор, пока ему не попадет еще более плохой водитель. Так вот, именно такого водителя я и встретила, вы не находите? Даже и не знаю, как это я так вляпалась. Мне все время казалось, что вы джентльмен — прямой и благородный человек. Более того, я даже подумала, что это ваша тайная добродетель!

— Мне „тридцать“, — сказал я, — по крайней мере, я уже лет на пять перерос тот возраст, когда можно лгать самому себе и называть это благородством.

Она ничего не ответила. Я повернулся и ушел — злой, наполовину влюбленный, терзаемый сожалением и угрызениями совести.

Незадолго до отъезда, ближе к концу октября, я встретил Тома Бьюкенена. Он шел впереди меня по Пятой авеню и, как обычно, выглядел агрессивно — руки слегка разведены в стороны в постоянной готовности отбросить, нанести удар, смести преграду, вертел головой и шарил по сторонам беспокойным взглядом. Мне не хотелось с ним общаться, и я даже замедлил шаг, чтобы не обогнать его, но он остановился и принялся внимательно разглядывать витрину ювелирного магазина; тут он заметил меня, повернулся и пошел навстречу с дружески протянутой рукой.

— Эй, Ник, что стряслось? Ты не хочешь пожать мне руку?

— Да. И ты прекрасно знаешь почему.

— Ты чокнулся, Ник, — быстро сказал он. — Да ты просто спятил! О чем это я, по — твоему, должен знать?

— Том, — спросил я, — что ты тогда сказал Вильсону?

Он вытаращился на меня без слов, и я сразу же понял, что моя догадка по поводу тех выпавших из поля зрения следствия часов была

абсолютно верна. Я повернулся и пошел, но он сделал быстрый шаг следом за мной и схватил за руку.

— Я сказал правду, — начал он. — Он пришел, когда мы буквально уже стояли в дверях. Я сказал, что мы торопимся, но он начал рваться в дом. Он уже совсем свихнулся и пристрелил бы меня, не скажи я, чья это была машина. Он держал руку в кармане, а там был револьвер. Ты это в состоянии понять? Револьвер! И он был в моем доме...

Том возмущенно втянул носом воздух и чуть ли не закричал:

— Чего такого, черт возьми, я ему сказал? Наверное, тебе бы хотелось, чтобы я расписал ему, какой твой Гэтсби прекрасный парень. Да, он-то вам себя преподнес — напустил пыли в глаза и тебе и Дейзи... А сам! Переехал Миртл, как шавку какую-нибудь, и даже не затормозил...

Мне было нечего ему сказать, кроме того, что все это неправда, но я промолчал.

— Ты думаешь, все это мне легко далось? Легко? Да когда я пошел сдавать ту квартиру и увидел эти чертовы собачьи галеты на буфете, то сел и разрыдался, как малое дитя. Черт возьми, До сих пор пробирает...

Я не мог простить его, не мог посочувствовать ему, но понял, что сам себя он виноватым не чувствует, а если и было что, то они с Дейзи и думать об этом забыли. Говорят, простота хуже воровства! — и трудно сказать, чего там было больше — беспечности ли, легкомыслия или равнодушия... Впрочем, они были искренни в своей беспечности, и так же, как малое дитя из невинного любопытства отрывает крылышки у мотылька, так и они без зазрения совести калечили жизни и судьбы, а потом прятались за своими деньгами, за своим легкомыслием... — за всем, на чем держался их союз, предоставляя другим расхлебывать ту кашу, которую они по своему недомыслию заварили.

Я все-таки пожал протянутую на прощанье руку — пожал, потому что мне вдруг показалось бессмысленным втолковывать ему что-нибудь. И прежде и теперь — он всю свою жизнь был невинным простодушным и жестоким переростком, обрывающим крылышки у мотыльков. И он пошел в ювелирный магазин за жемчужным ожерельем или парой запонок, а, может быть, потому, что не знал, как

побыстрее избавиться от меня и моих провинциальных представлений об элементарной порядочности.

Накануне моего отъезда дом Гэтсби по — прежнему пустовал. Буйная растительность на его некогда ухоженном газоне ни в чем не уступала зарослям травы на моей лужайке. Какой-то шофер из Вест — Эгга всякий раз притормаживал перед главным въездом на виллу и, увлеченно размахивая руками, обстоятельно рассказывал что-то любопытным пассажирам. Возможно, именно он и привез на своей машине Дейзи и Гэтсби в Вест — Эгг в ту страшную ночь, а, может быть, просто сочинил свою собственную историю. Мне было бы крайне неприятно услышать все это, поэтому я всегда обходил его и его такси стороной, когда возвращался домой на поезде.

Все субботние вечера я старался проводить в Нью — Йорке — подальше от Вест — Эгга, потому что слишком свежи были воспоминания о сверкающем великолепии его вечеринок, а по ночам из его пустынного сада до меня доносились призрачные звуки прекрасной музыки и приглушенный смех, слышалось сытое урчание моторов на серпантине подъездной дороги. Как-то ночью я действительно увидел отблески фар на подъездной аллее и услышал звуки работающего двигателя. Я не стал узнавать, кто это, должно быть, кто-то возвратился в Америку из дальних странствий и попросту не знал о том, что праздник подошел к концу, а гости давно уже разъехались по домам...

В мою последнюю ночь на западе, когда дорожные сумки и саквояжи были упакованы, а машина переехала в гараж к новому хозяину — бакалейщику, я пошел в последний раз взглянуть на его дом — памятник архитектурных излишеств и, чего греха таить, дурного вкуса его первого владельца — пивовара. На белых мраморных ступеньках какой-то мальчишка кусочком битого кирпича нацарапал короткое сакраментальное слово, я стер его подошвой ботинка, потом медленно побрел к берегу и растянулся на песке.

Сезон закончился, и большинство арендуемых вилл пустовало. Огни погасли, только далеко в море мерцали габаритные огоньки, и по воде скользил тусклый луч прожектора с палубы трудяги — парома. Луна поднималась все выше, и в ее серебристом сиянии растворялись прибрежные постройки — исчезало все, сотворенное руками человеческими, — и берег приобретал свой первозданный вид;

должно быть, именно таким увидели его голландские мореходы, когда их утомленным взорам открылось лоно долгожданной земли. Очарованный волшебным великолепием Нового Света, человек преклонил колени перед мудрой красотой матери — природы, вслушиваясь в торжественный гимн последней и величайшей мечты человечества — мечты о Земле Обетованной. Бессмертная душа его, алчущая благолепия, была умиротворена, а разум не искал, да и не принимал этого умиротворяющего благолепия. Один только миг длилось это очарование, а потом... потом девственные леса были вырублены, и этот уродливый дом вырос там, где прежде шумели тенистые дубравы.

Размышляя о судьбах древнего и совершенно незнакомого мне мира, я не мог не подумать о Гэтсби, о том, как впервые увидел он зеленый огонек на той стороне бухты — там, где жила его Дейзи. Ему пришлось проделать долгий путь, и его мечта была так близко, что, казалось, протяни руку — и дотронешься до нее. Но он не знал, что там ее больше нет. Та Дейзи осталась где-то далеко в его прошлом, где-то за этим городом, за дальними далями — там, где под звездным небом лежит его необъятная страна.

Гэтсби верил в свою путеводную звезду, его, как и всех нас, манил призрачный огонек простого человеческого счастья. Но безжалостные годы встают на нашем пути неодолимой преградой. Мы спешим в погоне за синей птицей удачи, а если ускользнет она сегодня — не беда, будет еще завтра... И настанет день, когда мечта будет так близко, что, кажется, протяни руку — и...

И опускаются весла, и выгребаем мы против течения, но сносит оно наши утлые ладьи, и вздымаются валы, и несут нас назад — в прошлое.

Примечания

1

Царь Фригии (738–696 гг. до н. э.). Согласно легенде, бог Дионис наказал его даром превращать в золото все, к чему он прикасался.

2

Клан Морганов — финансовая группа США. Сформировалась в конце XIX века. Сферы влияния: банковское дело, обрабатывающая промышленность, железнодорожный транспорт. Ведущие финансовые институты: коммерческий банк 'Морган гаранта траст компани', банкирский дом 'Дж. П. Морган энд компани', инвестиционный банк 'Морган Стэнли энд компани'. Морганы контролируют около 50 % активов страховых компаний 'Пруденшел' и 'Нью — Йорк лайф', сеть инвестиционных банков, промышленные корпорации 'Юнайтед Стейтс стил', 'Дженерал электрик', 'Дженерал моторс'.

3

Богатый и знатный римлянин Гай Цильний Меценат (I в. до н. э.), советник императора Августа, покровитель Вергилия и Горация. 'Меценат' — нарицательное имя для обозначения покровителя наук и искусств.

4

Городской особняк (фр.).

5

День независимости — национальный праздник США. 4 июля 1776 года 13 британских доминионов подписали Декларацию Независимости, провозгласили образование суверенного государства и отделение от Великобритании. Традиционно отмечается парадами, пикниками и фейерверками.

6

Династия финансовых магнатов США. Основатель — Джон Дэвисон Р. Рокфеллер (1839–1937) — один из крупнейших нефтепромышленников Америки.

7

Вильгельм II (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918).

8

Старинный подслащенный, как правило, безалкогольный напиток.

9

Медный духовой музыкальный инструмент, снабженный клапанами — пистонами.

10

Маленькая флейта, по тону на одну октаву выше обыкновенной.

11

Историческая область в Испании на Кастильском плоскогорье (Месете).

12

От mumble (англ.) — бормотание.

13

Добросовестно (лат.) — устаревший юридический термин.

14

Диего де Сильва Веласкес (1599–1660) — живописец — реалист, придворный художник Филиппа IV.

15

Нелегальный торговец спиртным во времена 'сухого закона' в США, введенного в 1919 г. XVIII поправкой к Конституции и отмененного в 1933 г. XXI поправкой.

16

Людвиг Ганс фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (1847–1934) — президент Германии, государственный и военный деятель,

генерал — фельдмаршал (1914).

17

Крупнейшее объединение ветеранов войн США, основано в 1919 г. в Париже.

18

Ритмическая музыкальная фигура из трех равноценных нот.

19

Город — порт, расположенный на юго — западном тихоокеанском побережье США.

20

В Булонском лесу.

21

Принятые в армиях Великобритании и США чины первого и второго лейтенантов примерно соответствуют российским званиям 'младший лейтенант', 'лейтенант', 'старший лейтенант'.

22

Одна из достопримечательностей Венеции.

23

Двухместный легковой автомобиль с откидным верхом и опускающимися стеклами.

24

Мария Антуанетта (1755–1793) — королева Франции, жена Людовика XVI.

25

Карл (1630–1685) — король Англии из династии Стюартов.

26

Граница с индейскими территориями, крайний рубеж продвижения первопоселенцев в Северной Америке.

27

Журфикс (фр.) — определенный день недели для приема гостей.

28

Наружный (парусиновый или холщовый) навес над окнами для защиты от солнца.

29

Апартаменты — люкс.

30

Джулеп — ароматный освежающий напиток со свежей мятой или с концентрированным мятным сиропом; в американском варианте — мятный напиток из виски со льдом.

31

Согласно средневековой легенде, так называлась чаша с кровью Христа.

32

Никель — монета в 5 центов. Здесь — мелочь.

33

Длинное свободного края пальто.

34

Белый листок в начале или конце книги.